

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

24 2025
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (575) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Евгений Викторович Анисимов* (1947), советский и российский историк.

Евгений Викторович родился в городе Александрове Владимирской области.

Когда будущий историк был еще ребенком, к нему в руки попал роман Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый». Легко догадаться, как сильно повлияла эта книга на жизнь Евгения Анисимова: он не только увлекся историей, но и буквально влюбился в Санкт-Петербург.

В 1970 году он окончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Через несколько лет защитил кандидатскую диссертацию, а затем получил степень доктора исторических наук. Уже больше 40 лет Евгений Викторович работает в Санкт-Петербургском институте истории РАН (бывшее Ленинградское отделение института истории СССР). С 1995 года он профессор кафедры истории России СПбГЭУ. Также Анисимов является руководителем департамента истории Высшей школы экономики, в качестве приглашенного профессора преподает в различных университетах России, Европы и США, входит в состав Совета по науке и образованию при Президенте РФ.

В течение долгого времени профессор Анисимов был автором и ведущим нескольких телевизионных программ: «Дворцовые тайны», «Пленницы судьбы» и «Кабинет истории». Будучи специалистом по истории Российского государства XVII–XVIII веков, Евгений Анисимов издал первые научные биографии императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Всего Евгений Викторович опубликовал более 250 печатных работ. Он автор не только научных трудов и учебников, но и книг, рассчитанных на широкую аудиторию: «Дворцовые тайны», «История России от Рюрика до Пу-

тина. Люди. События. Даты», «Хронология российской истории. Россия и мир», «Женщины на российском престоле», «Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке», «Генерал Багратион: жизнь и война», «Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого».

Как пишет сам автор, его цель — отойти от принятого в учебниках и пособиях скучного, однообразного изложения российской истории. Он пишет просто, но не примитивно. По мнению Анисимова, важно «перебежать от микроскопа к телескопу», обращать внимание не только на крупные события. Людям прежде всего интересны люди, поэтому автор часто рассказывает о судьбах разных исторических личностей.

Любовь к Санкт-Петербургу у Анисимова вылилась в авторский курс лекций «Санкт-Петербург — столица Петра I и его империи», который доступен широкой аудитории. Историк подробно рассказывает о создании северной столицы, показывает сложные процессы трансформации политики российских императоров, освещает роль архитекторов и скульпторов, повлиявших на образ Санкт-Петербурга. Город предстает перед слушателями как живой организм, сыгравший ключевую роль в истории России и Европы.

Евгений Анисимов был удостоен множества престижных наград, в их числе премия правительства Российской Федерации в области культуры, Анциферовская премия, серебряная медаль княгини Дашковой, Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский», премия митрополита Макария, литературная премия книжного фестиваля «Невский форум».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдибаитов Т. К.

Сохранение и укрепление духовно-
нравственных ценностей в России:
стратегии и перспективы..... 299

Абдулаев Х. Р.

К вопросу о содержании правовой формы
правозащитной деятельности прокуратуры
при рассмотрении жалоб, заявлений
и обращений граждан..... 301

Абдулаев Х. Р.

К вопросу о порядке приема и регистрации
обращений граждан в органах прокуратуры ... 303

Андрусенко А. А.

Проблемы уголовной ответственности
за взяточничество 305

Атаев Д. Д.

Роль принципа добросовестности
при признании сделки недействительной 306

Атаев Д. Д.

О признании кредитного договора,
заключенного в результате мошеннических
действий, недействительным 308

Бавин Д. Е.

Охрана и защита ноу-хау и коммерческой
тайны как объекта исключительных прав
в России 311

Бавин Д. Е.

Юридические риски использования
искусственного интеллекта при принятии
управленческих решений в корпоративных
структурах 313

Бавин Д. Е.

Использование смарт-контрактов в России:
проблемы правоприменения и перспективы
правового регулирования 314

Бавин Д. Е.

Баланс интересов работодателя и работника
при мониторинге корпоративной переписки
в России: правовой анализ 316

Баннов А. В.

Биометрические данные как новый вызов
для законодательства: безопасность и права
человека 318

Баннов А. В.

Роль государства в защите персональных
данных: от регулирования до надзора 320

Бирюкова В. Э.

Кассационное судопроизводство: правовые
основы, механизмы реализации и их влияние
на качество судебных решений 322

Бодяко О. Н.

Теоретико-правовой аспект реализации
договора возмездного оказания услуг 325

Бондарев В. А.

Внедрение технологий искусственного
интеллекта в деятельность банка:
основные риски и преимущества 327

Букатова Ю. В.

Психология семейного бизнеса 330

Валуйских А. Д.

Актуальные проблемы правового
регулирования занятости и трудоустройства
в Российской Федерации 332

Веснина В. С.

Понятие, содержание, правовая природа
деятельного раскаяния 334

Гужина Д. А.

Методы борьбы с коррупцией в судебной
системе 336

Гунич О. О.

Правовое регулирование банкротства
корпораций в Российской Федерации:
история развития и направления
совершенствования 339

Дамдинова Т. Б., Патронникова А. Д.

Особенности наследственного договора
в Российской Федерации 342

Даньшина Д. В.

Роль внешнего государственного
финансового контроля в обеспечении
экономической безопасности государства 345

Дубинин Д. М. Проблемы цифровизации в методологии гражданского права 348	Карпенко Т. Н. Роль и значение основных принципов бесплатной юридической помощи в России ... 358
Дубовая А. А. Компетенция органов исполнительной власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности 350	Катаев С. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации 362
Железнякова М. А. Значение судебной экспертизы в уголовном процессе..... 352	Киржанова Э. Э. К вопросу об отграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 УК РФ, от смежных составов преступлений 365
Иванова М. И. Правовое регулирование международных договоров как источников конституционного права в российской правовой системе 354	Ковалевская С. А. Некоторые проблемы применения норм процессуального законодательства о досудебном порядке урегулирования споров при защите прав предпринимателей ... 368
Кабилев А. Т. Правовая природа конституционно- правового статуса Президента как Верховного Главнокомандующего в Российской Федерации..... 355	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей в России: стратегии и перспективы

Абдибаитов Тимур Карбекович, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Статья посвящена исследованию проблемы сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в России в условиях глобализации и социокультурных изменений. В работе анализируются ключевые понятия и концепции, раскрывающие содержание традиционных российских ценностей. Определяются основные факторы, влияющие на состояние духовно-нравственной сферы общества, такие как трансформация семейных отношений, влияние СМИ и интернета, а также изменения в системе образования. На основе проведенного анализа предлагаются стратегии, направленные на формирование ценностных ориентиров у молодежи, поддержку семьи, развитие культуры и искусства, а также на укрепление взаимодействия между государством, обществом и религиозными организациями. В заключение оцениваются перспективы реализации предложенных стратегий и их вклад в устойчивое развитие российского общества.

Ключевые слова: духовные ценности, нравственные ценности, общество, культура, ценности, защита ценностей, общество.

Защита и продвижение духовных и нравственных ценностей в России можно проследить до сложных отношений между наследием и историографией, особенно в советскую эпоху. С 1922 по 1991 год история России в значительной степени определялась историей Советского Союза, который осуществлял полный контроль над историческими нарративами для соответствия своим идеологическим целям. Коммунистическое руководство стремилось создать «желаемую» историческую преемственность путем присвоения и переосмысления элементов наследия предыдущих периодов, эффективно наполняя их новыми идеологическими значениями для поддержки нарративов государства. Первоначально, в 1918 году, указ Народный комиссариат просвещения РСФСР предписывал, что все исторические артефакты и культурные ценности, включая имущество дворян и религиозных учреждений, должны считаться «памятниками, принадлежащими трудовому народу» и, таким образом, частью национального наследия. [3]. Это привело к процессу «переосмысления», в ходе которого элементы, считавшиеся идеологически несостоятельными, например, те, которые передавали капиталистические или религиозные ценности, были отброшены, что изменило культурный ландшафт, чтобы он отражал принципы коммунистического режима. К 1960-м и 1970-м годам этот процесс достиг кульминации в значительном утверждении идеологической роли наследия, в частности, посредством реставрации исторических городов, таких как Владимир и Суздаль. Эти города стали

символами достижений советского государства и демонстрировались иностранным гостям как образцовые образцы советской культуры, тем самым повышая престиж страны на международной арене. [5]. Одновременно с этим, наследие, которое характеризовалось как «абсолютно не соответствующее действительности» или остатки старого порядка, систематически уничтожалось или игнорировалось. Это включало религиозные памятники и «буржуазное наследие», которые рассматривались как несовместимые с целями нового общества. Уничтожение таких культурных артефактов рассматривалось как необходимое для воспитания населения в соответствии с идеалами Коммунистической партии. [4]. В постсоветскую эпоху повествование о наследии и ценностях продолжало развиваться. Современный российский политический дискурс, особенно при Владимире Путине, возродил дискуссии о «традиционных ценностях», связав их с чувством национальной идентичности и гордости, возникшими в советский период. Этот ностальгический взгляд на историю часто представляет коммунистическую эпоху как значительный эпизод в более широком историческом повествовании России, подчеркивая продолжающееся влияние государства на культурное и моральное образование. Таким образом, исторический фон защиты и продвижения духовных и нравственных ценностей в России отмечен постоянным взаимодействием между наследием, идеологией и национальной идентичностью, отражающим сложность культурной эволюции России.

Российское правительство реализовало несколько стратегий, направленных на защиту и продвижение духовных и нравственных ценностей в условиях меняющихся геополитических вызовов. Эти стратегии призваны укрепить единство разнообразного населения России, обеспечивая при этом сохранение традиционных ценностей, которые составляют основу ее культурной идентичности.

Важнейшим элементом текущей национальной политики является акцент на укреплении духовных и нравственных основ общества. Эта структура направлена на предотвращение дискриминации по этническому и профессиональному признакам и на поощрение чувства ответственности всех ветвей власти за поддержание общественного согласия. В рамках этой инициативы правительство стремилось усилить значимость традиционных ценностей, которые были включены в Конституцию России и документы государственного стратегического планирования. [1]. Введение культурных программ, таких как «Разговоры о важном», отражает стремление воспитать чувство национальной гордости и осведомленности среди молодежи. Эта инициатива поощряет дискуссии в школах об истории России и ее роли в мировых делах, тем самым прививая более глубокое понимание национальной идентичности. Кроме того, такие мероприятия, как Неделя моды БРИКС+, служат платформами для международного сотрудничества в сфере культуры, демонстрируя приверженность России культурной дипломатии.

В сфере образования был сделан толчок к развитию духовных и нравственных компетенций в университетских учебных программах. Это включает в себя создание индивидуальных образовательных программ, направленных на формирование многофакторной модели духовного и нравственного развития студентов. Цель состоит в том, чтобы сохранить культурное и генетическое наследие нации, одновременно готовя молодое поколение к навигации в полицентричном мире. Образовательные реформы также подчеркивают интеграцию традиционных ценностей в различные предметы, гарантируя, что моральные рамки направляют личностное развитие учащихся.

Для повышения эффективности культурной политики правительство поощряет государственно-частное партнерство в социально-культурном секторе. Этот подход направлен на стимулирование институциональной реструктуризации культурных организаций и поощряет приватизацию государственных учреждений, что позволяет добиться большей гибкости и отзывчивости к общественным потребностям. Ожидается, что такие партнерства сыграют важную роль в возрождении культурного ландшафта и содействии вовлечению сообщества.

Инициатива по защите и продвижению духовных и нравственных ценностей в России сталкивается с многочисленными вызовами и критикой. Одной из существенных проблем является восприятие того, что традиционные ценности находятся под угрозой из-за различных

внешних влияний. Критики также утверждают, что принципы неотъемлемых прав человека и секуляризма бросают вызов роли Церкви в обществе. По мере развития секуляризма акцент на индивидуальных правах часто вступал в противоречие с учением Церкви о человеческом достоинстве как образе Бога. Многие рассматривают этот сдвиг как отход от коллективной моральной структуры в сторону более индивидуалистического и эгоцентричного мировоззрения, которое воспринимается как наносящее ущерб общественным и духовным ценностям. [6]. Эта напряженность осложняет участие Церкви в решении социальных проблем и подрывает усилия по интеграции духовных учений в общественную сферу.

В последние годы Россия столкнулась со значительными демографическими проблемами, усугубленными последствиями пандемии COVID-19, которая привела к заметной убыли населения и снижению рождаемости. В свете этих проблем правительство подчеркнуло важность развития многодетных семей как основной стратегии противодействия демографическому спаду. На совещании по вопросам социальной поддержки граждан президент Владимир Путин сформулировал необходимость возрождения исторической традиции многодетности, позиционируя ее как основную общественную ценность и приоритет государственной политики. Российское правительство признало демографическую составляющую молодежи решающей в решении этих проблем. Текущая молодежная политика направлена на привитие коллективистских ценностей и противодействие индивидуалистическим тенденциям, которые могут препятствовать формированию здоровых семейных и социальных отношений. Такое внимание к молодежи не случайно; исследователи подчеркивают, что молодые люди менее циничны и более открыты для идеологической обработки по сравнению со старшими поколениями, что делает их основной целью для государственных сообщений и инициатив.

Российское правительство инициировало ряд мер по защите и продвижению традиционных ценностей, рассматривая их как оплот против предполагаемых угроз со стороны иностранных идеологий и культурных сдвигов. Эти меры включают в себя образовательные реформы, направленные на воспитание чувства долга и морали у молодых людей, укрепление связи между поколениями и противодействие правовому нигилизму и антиобщественному поведению. [2]. Более того, поощрение многодетных семей позиционируется как противодействие снижению рождаемости и как часть более широкой стратегии по повышению демографической стабильности. По мере того, как развиваются эти демографические реакции, они отражают сложное взаимодействие культурных ценностей, экономической необходимости и государственной политики, направленной на обеспечение будущего российского общества посредством его молодежных и семейных структур. Наконец, нельзя недооценивать роль СМИ в формировании общественного сознания. Су-

ществует общепризнанная необходимость в том, чтобы СМИ поддерживали моральные стандарты и просвещали общество, особенно молодежь, о позитивных идеалах, одновременно борясь с распространением негативных

влияний. Эта ответственность имеет решающее значение, поскольку Россия стремится продвигать культурное повествование, которое соответствует ее духовным и моральным ценностям в быстро меняющемся мире.

Литература:

1. “Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 N 2501-р “Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года”
3. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2011. — 288 с. (дата обращения 11.06.2025)
4. Семья и демографические процессы в современной России: Монография / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова; под ред. Т. К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. — 257 с. (дата обращения 11.06.2025)
5. Доброхотов, А. Л. Философия культуры [Текст]: учебник для вузов / А. Л. Доброхотов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 146 с. (дата обращения 11.06.2025)
6. Багдасарян, В. Э. Традиционные ценности российского государства-цивилизации: учебное пособие / В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, арх. Сильвестр (Лукашенко С. П.) / науч. ред. С. Н. Рябухин. — Ярославль: Шукаева и семья, 2024. — 144 с. (дата обращения 11.06.2025)

К вопросу о содержании правовой формы правозащитной деятельности прокуратуры при рассмотрении жалоб, заявлений и обращений граждан

Абдулаев Хасан Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронкова Марина Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Обеспечение взаимосвязи между прокуратурой и населением представляет собой важное условие, соблюдение которого обеспечивает высокий уровень эффективности работы многих государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий и организаций. Обращения граждан традиционно рассматривают как инструмент охраны прав граждан, как гарантию их защиты и как способ восстановления нарушенного права. Но работа с обращениями граждан для прокуратуры — это еще и своеобразный маркер состояния проблем в конкретной сфере жизнедеятельности общества: чем больше обращений, например, в защиту трудовых прав, тем проблемнее отрасль, тем больше внимания стоит уделить государству для решения проблем в комплексе.

В последнее время граждане России активно используют право, предусмотренное статьей 33 Конституции Российской Федерации, на обращение в государственные органы и, в частности, в органы прокуратуры. Указанному праву корреспондирует соответствующая обязанность органов власти и конкретных должностных лиц по работе с этими обращениями, соблюдению сроков и порядка их рассмотрения, принятия по ним законных и обоснованных решений. Отсюда становится актуальным

совершенствование и повышение качества организации работы с такими обращениями.

В целом, институт обращений граждан имеет определение как особый инструмент участия граждан в управлении государством, выражающиеся в воздействии на процесс принятия решений органами государственной власти и местного самоуправления для реализации жителями страны своих прав и интересов. Объемные показатели обращений граждан в различные властные структуры являются своеобразным лакмусом не столько социальной активности населения, сколько определяют сложности и негативные общественные явления, выявляются недостатки в работе различных инстанций, пробелов и проблем правоприменительной практики законодательства, а также дефекты самой системы организации рассмотрения обращений.

Таким образом, институт обращений граждан выполняет в обществе следующие функции:

— правозащитная — в целях предотвращения нарушений прав граждан и восстановления нарушенных прав обращения служат одним из средств их защиты;

— информационная — обращения являются для государственного аппарата важным и ценным источником

сведений о проблемах жителей страны и их непосредственном отношении к происходящим в обществе событиям, вот почему статистические исследования направлены не только на сбор количества этих обращений, но и на анализ тех сфер жизнедеятельности, по которым поступает самый большой их поток;

— коммуникативная — выражается в простоте реализации права на обращения, поэтому становится самым распространенным прямым средством общения народа и властных структур;

— инструментальная — обращения выступают средством воздействия на принятие тех или иных решений органами власти, а также являются элементом процесса принятия и реализации этих решений;

— просветительская — неудовлетворительное состояние правовой культуры населения нашей страны обязывает прокуратуру не просто направлять ответы на обращения, но и предъявляет объективные требования к максимальному разъяснению законов и правовых актов; существенный провал в знаниях своих прав, обязанностей, свобод и гарантий не только у рядовых граждан, но и представителей властных структур, бизнеса предопределяет совмещение прокуратурой правоохранительной и просветительской функций [1].

Работа с обращениями в России строится на общих демократических ценностях и принципах: законности, уважения прав личности, независимо от социального происхождения, расовой, национальной принадлежности, гражданства, языка, политических и религиозных убеждений.

Количество обращений неуклонно растет. Об этом свидетельствует статистика, размещаемая на официальных сайтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов Российской Федерации.

Так, если взять статистические данные по Астраханской области за период с 2020 года по 2024 год, то заметен существенный рост в рассматриваемой сфере. В качестве причин можно назвать следующие:

увеличение способов направления обращений, большей открытости деятельности прокуратуры и ее органов и должностных лиц, иными словами, к увеличению обращений привел ряд организационных мер, направленных на обеспечение доступности обращений граждан;

положительная динамика результативности и эффективности мер реагирования, принимаемых органами прокуратуры по фактам нарушений прав, законных интересов и свобод граждан;

Литература:

1. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений / под науч. ред. В. В. Меркурьева. М.: Проспект, 2023. С. 466.
2. Указание Генпрокуратуры России от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. — 2020. — № 4.

повышение значимости работы по рассмотрению и разрешению обращений граждан, смещение вектора на реальное восстановление нарушенных прав.

Также немаловажное значение имеет и рост доверия жителей нашей страны к органам прокуратуры по сравнению с другими правоохранительными органами.

Как видно из приведенной статистики наибольший рост разрешенных обращений, и, соответственно, обращений в целом, отмечается в трех сферах: нарушения трудового, жилищного законодательства и законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Рост обращений в этих отраслях может быть связан с большим наличием неурегулированных и неразрешенных проблем.

Необходимо констатировать тот факт, что правозащитная функция органов прокуратуры присутствует при осуществлении любого вида деятельности прокуратуры Российской Федерации, а защита прав и свобод является задачей любой отрасли прокурорского надзора.

Залогом качественной реализации возложенных на прокуратуру Российской Федерации полномочий и достижения поставленных целей и задач является своевременная и объективная подготовка и направление ответов заявителям, в которых содержится также информация о результатах рассмотрения актов прокурорского реагирования, контроль за фактическим устранением выявленных нарушений прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенных прав, а также принятие иного комплекса мер по фактам выявленных нарушений.

Законодательство и современные реалии технического и информационного прогресса предусматривают практически неограниченные возможности для обращений граждан, как по форме, так и по субъектному составу.

Формальные требования, предъявляются к обращениям, носят объективный характер. Однако даже в этом случае Генеральная прокуратура Российской Федерации выставляет требование «исключить факты оставления обращений граждан без рассмотрения по существу по формальным основаниям».

При отсутствии в обращении сведений, достаточных для его разрешения, либо в случае неясности изложения существа вопроса принимать исчерпывающие меры к восполнению недостающих данных. Добиваться объективного и окончательного разрешения каждого обращения в той прокуратуре, к компетенции которой относится решение вопроса, реального устранения нарушений закона и привлечения к ответственности лиц, их допустивших» [2].

К вопросу о порядке приема и регистрации обращений граждан в органах прокуратуры

Абдулаев Хасан Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронкова Марина Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

С каждым годом растет количество обращений, что свидетельствует о неуклонном повышении доверия населения к этому государственному органу. Правовое государство немислимо без полного признания прав человека и становления эффективной системы гарантий ее защиты. Поэтому одной из основных проблем современного государства является совершенствование защиты прав и свобод человека и гражданина, а также отдельных ее элементов.

Кроме того, работа прокуратуры по приему, рассмотрению и разрешению обращений позволяет им получать информацию о нарушениях прав и свобод граждан, преступлениях и других правонарушениях, о состоянии законности в деятельности государственной власти, хозяйствующих субъектов и их должностных лиц. Очень часто именно эта информация является причиной и основанием для осуществления прокуратурой надзорных мероприятий, проводила проверки исполнения законов соответствующими органами, организациями и их руководителями. Использование подобного рода информации помогает улучшению работы, повышает ответственность работников за выполнение служебных обязанностей и способствует повышению эффективности деятельности органов прокуратуры по защите прав, свобод и законных интересов граждан. Важность получения информации, содержащейся в обращениях граждан в прокуратуру, связана также с тем, что именно прокуратура уполномочена осуществлять надзор за исполнением законодательства об обращениях граждан другими государственными органами, а также местными органами.

Обращения могут быть индивидуальными, то есть поданными самими гражданами, объединением граждан или юридическим лицом или коллективными, под которыми понимаются обращения двух или более лиц, а также обращение, принятое на митинге или собрании и подписанное организаторами или участниками митинга или собрания. Обращения рассматриваются бесплатно.

Письменное обращение должно в обязательном порядке содержать: наименование органа, в который направляется обращение, или фамилию, имя, отчество соответствующего должностного лица либо его должность; фамилию, имя, отчество заявителя; почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ или уведомление о переадресовании обращения. изложение существа вопроса; личную подпись заявителя; дату. Однако, как показывает практика, граждане не всегда добросовестно выполняют эти простые требования: они не указывают свои

контактные номера (или указывают только домашний номер телефона), информацию о лице или организации, на которых они жалуются, не прикладывают документы, упомянутые заявителями, в свою очередь, играющие значительную роль в установлении истины и объективного рассмотрения обращения [1]. Это в большей мере усложняет работу сотрудников органов прокуратуры. Таким образом, без ответа останется обращение, в котором не указаны фамилия направившего его гражданина или адрес, по которому требуется ответить.

Особое значение в защите конституционных прав граждан, как справедливо указывает Б. В. Коробейников, имеет Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [2], в котором последний требует от подчиненных прокуроров обеспечить рассмотрение обращений и организацию приема заявителей в соответствии с требованиями Конституции РФ и действующим законодательством. В данной Инструкции подробно описан порядок рассмотрения устных и письменных сообщений граждан в связи с нарушением их законных прав и интересов. Первоочередными для рассмотрения при этом являются обращения о нарушении конституционных прав [3].

В зависимости от характера нарушения закона прокурор также выносит постановление о возбуждении производства об административном правонарушении, кроме того, наделен полномочиями вынести постановление в уголовно-процессуальном порядке. Так, Прокуратурой Нижегородской области была проведена проверка по исполнению законодательства Управлением Роспотребнадзора по региону. Установлено, что должностные лица Управления допускают нарушения прав граждан на получение ответа на обращение. В нарушении федерального законодательства ответ на обращение жителя Нижнего Новгорода о нарушении прав потребителей не был отправлен на адрес электронной почты, который был указан в заявлении. В связи с этим прокуратурой Нижегородской области в адрес управления внесено представление об устранении нарушений закона, которое рассмотрено и удовлетворено. Кроме того, по постановлению заместителя прокурора области виновное должностное лицо было привлечено к административной ответственности по ст. 5.59 КоАП РФ (нарушение порядка рассмотрения обращений граждан) [4].

Обращения, в которых отсутствуют вышеуказанные обязательные сведения, достаточные для их разрешения, в 7-дневный срок возвращаются заявителям с предложением восполнить недостающие данные, а при необходимости с разъяснением, куда им следует обратиться. В 2024 году незначительно увеличилось число решений о возвращении жалобы заявителю представляется возможным понять существо вопроса (+1,1 %), их удельный вес не изменился (0,9 %). Без разрешения в 2024 году оставлено 0,8 % жалоб (- 22,6 %). Выше среднероссийского показателя оставлено без разрешения жалоб в прокуратурах республик Бурятия, Ингушетия, Коми, Мордовия, Алтайского, Ставропольских краев, Калининградской, Тамбовской областей (от 1,2 % до 7,8 %). Приведенные данные свидетельствуют о том, что в прокуратурах субъектов Российской Федерации не сформировалась единая практика принятия решений о возвращении обращений заявителю и оставлении их без разрешения, тогда как необоснованное принятие подобных решений, безусловно, влечет нарушение прав граждан на рассмотрение обращений в органах прокуратуры.

В каждой прокуратуре устанавливается ящик «Для обращений и заявлений», который размещается в доступном для заявителей месте.

Корреспонденция из ящика вынимается ежедневно. На обращениях проставляется штамп «Из ящика для обращений и заявлений», указывается дата выемки, после чего они передаются на регистрацию и рассмотрение. Как отмечает А. В. Косолапов, современная правовая система отдает предпочтение письменной (документальной) форме обращения, поскольку в таком виде более точно фиксируются все ее доводы, что облегчает их юридическую оценку компетентным органом. Письменное обращение хранится в течение всего срока проведения проверки, что позволяет неоднократно обращаться к ее тексту и доводам [5].

Обращения, не подлежащие разрешению [6]:

— содержание которых свидетельствует о прямом вмешательстве авторов в компетенцию органов прокуратуры — в 7-дневный срок об этом сообщается автору;

— если текст не поддается прочтению, ответ на него не дается, и оно не подлежит направлению в иные государственные органы — в 7-дневный срок об этом сообщается автору в случае, если адрес и фамилия автора поддаются прочтению;

— в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения угрозы жизни, здоровью, имуществу должностного лица или членов его семьи, может быть оставлено без ответа по существу — заявителю направляется уведомление о недопустимости злоупотребления предоставленным ему правом обращения с жалобой.

После получения и регистрации обращения оно передается должностному лицу для разрешения по существу.

Резюмируя изложенное можно заключить, что рассмотрение обращения органами прокуратуры РФ осуществляется по нормам правового регулирования Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а также под руководством множества ведомственных Инструкций Генерального прокурора РФ. Обращение может быть предъявлено как в устном, так и в письменном виде. В случае, если предмет рассмотрения обращения неподведомствен прокуратуре, обращение перенаправляется в соответствующий государственный орган, о чем сообщается заявителю. Направление обращения лицу, чьи действия (бездействие) обжалуются, запрещено. Заявители реализуют свое конституционное право на обращение в государственный орган путем направления заявлений, жалоб, обращений и других видов документов в органы прокуратуры. Прокурор в случае наличия соответствующей компетенции в отношении обращения может применить меры прокурорского реагирования — вынести постановление, предостережение о недопустимости нарушения закона, протест или направить представление должностному лицу или в государственный орган.

Литература:

1. Сайфутдинов Р. Р. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по рассмотрению и разрешению обращений граждан // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2019. № 5. С. 61–65
2. Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Коробейников Б. В. Прокурорский надзор — важное средство защиты прав человека и гражданина // *Вестник КГУ*. 2015. № 1. С. 177.
4. Сотрудники регионального управления Роспотребнадзора привлечены к ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // *Прокуратура Нижегородской области*. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_52/?nid=9012&a=entry.show (дата обращения: 29.05.2025).
5. Косолапов А. В. Жалоба как правовое средство: понятие и виды // *Вестник ВГУ* 2021. № 2 (15). С. 232.
6. Прокурор разъясняет: как правильно написать обращение в прокуратуру, чтобы оно не осталось без рассмотрения // *Прокуратура Республики Карелия*. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_10/activity/legal-education/explain?item=24127863 (дата обращения: 29.05.2025).

Проблемы уголовной ответственности за взяточничество

Андрусенко Ангелина Андреевна, студент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Статья посвящена влиянию взяточничества на экономику, социальные институты и государственное управление. Рассматривается влияние либерализации антикоррупционного законодательства на это преступление. Анализируется действующее уголовное законодательство, затрагивающие особенности уголовной ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: взяточничество, получения взятки, дача взятки коррупция, государственное управление, законодательство.

Problems of criminal responsibility for bribery

Andrusenko Angelina Andreevna, student
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

The article is devoted to the impact of bribery on the economy, social institutions and public administration. The impact of the liberalization of anti-corruption legislation on this crime is being considered. The current criminal legislation affecting the specifics of criminal liability for bribery is analyzed.

Keywords: bribery, receiving a bribe, giving a bribe corruption, public administration, legislation.

В современных условиях взяточничество остается одной из наиболее деструктивных форм коррупции, подрывающей доверие к институтам власти и искажающей основы социально-экономического развития. Как справедливо отмечает Г. В. Хорольский, «формулируемые задачи, которые направлены на реализацию данной цели, и являются концептуально-правовой основой институционализируемого законодательством правовых механизмов» [4]. Данное преступление представляет большую опасность, поскольку посягает на базовые принципы профессиональной этики, экономику страны и социальную жизнь граждан. Распространенность взяточничества в различных сферах общественных отношений создает предпосылки для утраты доверия к институтам власти, что в свою очередь, снижает эффективность механизмов государственного управления.

Существование взяточничества влияет не только на механизм государственного управления, но и на экономику этого государства. Как отмечает Никонов П. В.: «Очевидно негативное влияние коррупции на экономическое развитие государства. Прежде всего, это проявляется в том, что при помощи коррупционных схем поддерживаются недостаточно эффективные проекты, финансируются необоснованно завышенные сметы, выбираются недобросовестные подрядчики для реализации указанных проектов» [3]. Такое положение дел влияет не только на саму систему управления государством, но и подвергает неэффективному расходованию бюджетных средств, что в свою очередь сказывается на благосостоянии граждан и развитию социальных институтов. Поскольку Российская Федерация (далее — РФ), согласно Конституции, является государством социальным, создающее условия (за

счет средств бюджета) для достойной жизни своих граждан, наличие такой острой проблемы как взяточничество пагубно влияет на достижения этих условий.

Также отметим, что: «коррупция оказывает влияние на отток высококвалифицированных кадров из государственной службы, которые не приемлют коррупционное поведение» [1]. В настоящее время РФ сталкивается с проблемой дефицита кадров во многих отраслях экономики, что также, в некоторой степени, вызвано нежеланием граждан идти в ту или иную отрасль из-за её сильной «коррупционности».

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что существование взяточничества оказывает дестабилизирующее воздействие на ключевые аспекты развития общества. В экономической сфере они искажают рыночные механизмы, искусственно регулируя инвестиционную привлекательность экономики и фактическую результативность капиталовложений, что напрямую коррелирует с материальным благополучием граждан. В социальном контексте это выражается в деформации общественного сознания, в нормализации коррупционных взаимодействий как неотъемлемого элемента операционных процессов. Политическая система подвергается искажениям из-за сильного влияния бюрократического аппарата, что снижает прозрачность принятия решений и эффективность государственного управления. Указанные проблемы свидетельствуют о системной трансформации институциональной среды под влиянием коррупции. Другими словами, в настоящее время, взяточничество затрагивает каждого гражданина нашей страны, если не напрямую, то косвенно.

По заявлениям Генерального прокурора РФ И. В. Краснова, за 2024 год в России было выявлено более 6,6 тысяч

фактов получения взяток, что на 30 % больше, чем в 2023 году. Применительно к этой статистике, следует учитывать, что взяточничество по большей части является преступлением латентным. Информация о большом количестве таких противоправных деяний до правоохранительных органов банально не доходит. По нашему мнению, данная ситуация сложилась в виду недостаточно жестких санкций, существующих за взяточничество. Либеральный подход законодателя к данному виду преступления, оказался малодейственным.

В данном вопросе согласимся с мнением Э. Ф. Побегайло, который считает, что: «уголовная политика не может и не должна быть либеральной во время разгула преступности. ...В сфере борьбы с преступностью российский либерализм, как, в частности, и в других сферах общественной жизни (например, экономической), оказался совершенно беспомощным» [2]. Не смотря на, то что мнение автора датируется 2004 годом, оно считается актуальным и поддерживается многими учеными. В настоящее время Уголовный кодекс предусматривает минимальное наказание за дачу(получение) взятки в качестве штрафа. При самой серьезной квалификации (по пред-

варительному сговору или организованной группой дача взятки в крупном размере) фигуранты преступления получают 8 лет лишения свободы и штраф в размере тридцатикратной суммы взятки.

Отметим, что дача (получение) взятки может способствовать таким проблем как: некачественное, вовремя не замененное оборудование в больнице, из-за чего шансы тяжело больного на выздоровление стремятся к нулю; Взятничество в сфере образования ведет к ухудшению его качества, а в последствии к плохо квалифицированным сотрудникам. И это лишь два института из множества, существующих в государстве.

Вышесказанное позволяет констатировать, что реформирование антикоррупционного законодательства в духе либерально-гуманистической политики демонстрирует свою системную несостоятельность. Это провоцирует формирование ситуации, в которой потенциальная выгода от коррупционных действий существенно превышает риски применения санкций. Это подтверждается статистикой правоприменительной практики, демонстрирующей рост латентных форм данного преступления при одновременном снижении надзора.

Литература:

1. Босхолов С. С., Бадмаева Б. Б. О понятии и критериях криминологической обоснованности уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного ун-та экономики и права. 2022. № 1. С. 28–35
2. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3–4. С. 133.
3. Никонов, П. В. Современные уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография / П. В. Никонов. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — 319 с.
4. Хорольский, Г. В. Антикоррупционная идеология в контексте правовых механизмов противодействия коррупции / Г. В. Хорольский // Право и государство: теория и практика. — 2011. — № 4(76). — С. 100–104. — EDN NUOLER.

Роль принципа добросовестности при признании сделки недействительной

Атаев Джавид Джейхунович, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье проводится анализ принципа добросовестности в гражданском праве, а также его роль при признании сделки недействительной. Автором исследуются сложившиеся теоретико-правовые подходы к проблеме добросовестности, а также основные положения о недействительности сделок в рамках данного принципа.

Ключевые слова: недействительные сделки, принцип добросовестности, недобросовестность, оспаривание сделок.

The role of the principle of good faith in the recognition of a transaction as invalid

Ataev Javid Jeyhunovich, student master's degree
Moscow Economic Institute

The article analyzes the principle of good faith in civil law, as well as its role in recognizing a transaction as invalid. The author examines the established theoretical and legal approaches to the problem of good faith, as well as the main provisions on the invalidity of transactions within the framework of this principle.

Keywords: *invalid transactions, principle of good faith, bad faith, challenging transactions.*

Согласно положениям действующего законодательства граждане обязаны действовать добросовестно, в том числе и при заключении сделок с другими участниками гражданско-правовых отношений. В связи с чем, особый интерес на теоретическом и практическом уровне вызывают правовые принципы, в том числе и добросовестности субъектов гражданских правоотношений. Прежде чем определить роль принципа добросовестности при признании сделки недействительной, необходимо определить, что следует понимать под принципами в праве, в общем. Понятие «принцип» происходит от латинского слова «*principium*», в переводе означающее — исходное положение. Согласно философии права под принципом следует понимать «непосредственное обобщение опыта и фактов, результатом которого является основная мысль, идея, служащая для построения какой-либо теории» [3, С.77]. В логике данный термин понимается учеными, как «основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления этой области, из которой данный принцип абстрагирован» [4, С.294].

В теории права принципы, чаще всего, рассматриваются как идеи, подлежащие реализации в нормативно-правовом регулировании и на практике. Так, Ведяхин В. М. под правовыми принципами понимает «руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение» [5, С.19–28].

Закрепление в ГК РФ исследуемого принципа Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой гражданского кодекса Российской Федерации» привело к возникновению споров относительно целесообразности на законодательном уровне данного понятия, а также его правовой и морально-нравственной природы. Многие представители научного сообщества в своих трудах высказывают мнение о невозможности включения принципа добросовестности в гражданском праве, поскольку отсутствует его согласованная единая дефиниция, что приводит к отсутствию единообразия в складывающейся судебной практике. Такую позицию можно считать обоснованной, поскольку именно суды при рассмотрении споров обязаны определить то, отвечает ли поведение сторон и их действия, критериям принципа добросовестности. Так, например, Расулова Н. А. обратилась в суд с иском к Бобыкину А. А., Хчоян А. Т. о признании договора купли-продажи доли жилого дома и земельного участка недействительным, применении последствий недействительности сделки, взыскании судебных расходов. В обоснование заявленных требований указывая на то, что Хчоян А. Т. продала от ее имени принадлежащее

истцу имущества ответчику Бобыкину А. А. Однако полномочий на совершение такой сделки не было, поскольку истцом была отозвана доверенность от ДД.ММ. ГТТГ, ранее выданная на ответчика. Таким образом, обращаясь в суд с иском, указала на то, что сделка является недействительной. Проанализировав представленные в материалы дела доказательства, Новоспасский районный суд Ульяновской области, пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на положения п.1 ст.10 ГК РФ. Суд не усмотрел в действиях ответчика недобросовестного поведения, так как обязательства по договору купли-продажи между ответчиками были исполнены. Напротив, суд усмотрел недобросовестное поведение в действиях истца, поскольку она вводила ответчиков в заблуждение.

Другим примером является Решение Октябрьского районного суда г. Омска Омской области по иску Штеблау О. П. к Суханову И. И., Юлаевой О. П. о признании сделки договора купли-продажи земельного участка недействительной и применении последствий недействительности сделки. Обращаясь в суд с иском, истец мотивировала иски требования тем, что она является собственником земельного участка, расположенного в СНТ «Полет-10», предоставленного истцу на основании Распоряжения Департамента имущественных отношений Администрации г. Омска. Ей стало известно, что между ответчиками заключен оспариваемый договор, который нарушает ее права. По мнению Штеблау О. П. он является мнимым, совершен для вида, без намерения создать правовые последствия. Рассматривая заявленные иски требования, изучив возражения ответчиков, суд пришел к выводу о том, что оснований для удовлетворения исковых требований и применения к ответчикам положений ст. 10 ГК РФ не имеется. Таким образом, признал необоснованными доводы истца о недобросовестном поведении ответчиков, в виду отсутствия злоупотребления ими своими гражданскими правами [2].

Приведенные примеры судебной практики позволяют прийти к выводу о том, что в настоящее время при рассмотрении споров, связанных с признанием сделок недействительными, отсутствует единообразие. В первую очередь, данная проблема связана с отсутствием легального толкования исследуемого принципа. Последствием данного пробела, на наш взгляд, является то, что участник гражданско-правовых отношений, возникающих при заключении той или иной сделки, может понести неблагоприятные последствия при признании ее недействительной. Исходя из чего, считаем необходимым закрепить в положениях ст. 1 ГК РФ дефиницию принципа добросовестности, а также дать соответствующие разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ по данной проблеме, что позволит привести судебные акты к единообразной позиции.

Литература:

1. Решение Новоспаского районного суда Ульяновской области от 01 июля 2024 года по делу № 2–1-105/2024//Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: URL: www.consultant.ru
2. Решение Октябрьского районного суда г. Омска Омской области от 15 мая 2023 года по делу № 2–1476/2023//Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: URL: www.consultant.ru
3. Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. — М., 1972. С.77.
4. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. — М., 2004. С. 294.
5. Ведяхин В. М. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. — 2002. — № 4. — С.19–28.

О признании кредитного договора, заключенного в результате мошеннических действий, недействительным

Атаев Джавид Джейхунович, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье проводится анализ заключения кредитных договоров между гражданами и банковскими организациями, в результате мошеннических действий со стороны третьих лиц, а также последствия признания таких сделок недействительными по статьям 178, 179 ГК РФ. Анализируется имеющаяся судебная практика по данной проблеме и имеющиеся гражданско-правовые способы защиты права по данной категории споров. Автором делается вывод о том, что необходимо и дальше проводить внутреннюю политику по минимизации заключения подобных сделок, а также решить вопрос о том, является банковская организация потерпевшей стороной в такой ситуации или нет.

Ключевые слова: недействительные сделки, мошенничество, волеизъявление, оспаривание сделок, материальный ущерб, кредитный договор.

On recognition of a loan agreement concluded as a result of fraudulent actions as invalid

Ataev Javid Jeyhunovich, student master's degree
Moscow Economic Institute

The article analyzes the conclusion of loan agreements between individuals and banking organizations as a result of fraudulent actions by third parties, as well as the consequences of recognizing such transactions as invalid under Articles 178 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation. The existing judicial practice on this issue and the existing civil law methods of protecting the right in this category of disputes are analyzed. The author concludes that it is necessary to continue to pursue an internal policy to minimize the conclusion of such transactions, as well as to resolve the issue of whether the banking organization is the injured party in such a situation or not.

Keywords: invalid transactions, fraud, expression of will, challenging transactions, material damage, loan agreement.

Одним из инструментов, направленных на урегулирование отношений между гражданскими субъектами, выступает институт сделок. В теории гражданского права существует достаточно большое количество научных трудов ученых, занимающихся исследованием данного института и его правовой природы. Важно обратить внимание на то, что свое развитие институт сделок начал еще со времен Древнего Рима. Так, Е. В. Васильковский понимает под сделками «дозволенные юридические действия, которые направлены на произведение какого-либо юридического последствия» [3, С.151]. И. К. Скловский высказывает позицию о том, что сделки представ-

ляют собой «акты, в которых существенным оказывается исключительно волевое содержание, называемые сделками, люди совершают потому, что они понимают значение прав и обязанностей в своей жизни, и, совершая такие действия, они ставят перед собой цель достичь именно юридического результата. Достаточно самого общего представления о праве, собственно, только понимания того, что изъявление воли порождает правовые последствия» [9, С.278].

В теории имеются и иные толкования исследуемого института, однако все они так или иначе схожи в позиции о том, что сделка представляет собой юридический факт.

В соответствии с положениями ст.153 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) под сделками следует понимать «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [1]. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда условия действительности такого соглашения не соблюдены заключившими его субъектами, что приводит к признанию такой сделки недействительной.

В современном обществе достаточно остро стоит вопрос, связанный с проблемой обеспечения правовой безопасности интересов граждан, в том числе и при заключении ими сделок в результате мошеннических действий. На сегодняшний день государством активно проводится политика, направленная на защиту интересов участников таких сделок.

Прежде всего обратим внимание на то, что следует понимать под мошенничеством в соответствии с теоретическими и законодательными положениями. В научной литературе отсутствует единая позиция относительно правовой природы института мошенничества, что подтверждается также достаточным количеством исследований по данному обстоятельству. В. М. Лебедев считает, что мошенничество — это «форма хищения, для которой характерны все основные признаки хищения» [4, С.278]. По мнению А. Г. Безверхова мошенничество представляет собой «склонение путем обмана к передаче имущества, уступке имущественного права или к совершению иного действия (бездействия) имущественного характера, если это деяние совершено в значительном размере» [2, С.33]. Согласно ч.1 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) мошенничество понимается, как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [10].

Особый интерес со стороны государства, а также теоретиков и практиков, вызывает заключение кредитного договора в результате мошеннических действий. Согласно презентации директора Департамента банковского регулирования и аналитики Банка России А. Данилова на уральском форуме «Кибербезопасность в финансах» следует, что «объект кредитного фрода, когда мошенники оформляют на клиентов банков кредиты, в 23 крупнейших российских банках по итогам 2024 года оценивается в 12,8 млрд. рублей» [5].

Заключение и исполнение кредитного договора при получении стороной кредита регламентировано положениями ст. 819 ГК РФ. После заключения такой сделки ее субъекты приобретают определенный перечень прав и обязанностей. Основными обязательствами по кредитному договору следует считать: выдача банковской организацией субъекту денежных средств в размере, предусмотренном договором, а также возврат указанной суммы с причитающимися процентами заемщиком в установленный соглашением срок. Однако судебная практика все чаще стала «пополняться» исками об оспаривании заемщиком кредитного договора по основаниям, предусмотренным ст.178 ГК РФ «Недействительность сделки, со-

вершенной под влиянием существенного заблуждения», а также ст. 179 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств». Основанием для предъявления иска с такими требованиями к банковской организации в последнее время, чаще всего, выступает отсутствие свободной воли заявителя на его заключение, в виду совершения в отношении него мошеннических действий неустановленными лицами.

В соответствии с п.6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 года следует, что «кредитный договор, заключенный в результате мошеннических действий, является недействительной (ничтожной) сделкой» [6]. При рассмотрении подобного спора в судебном порядке на суд возлагается обязанность по установлению фактических обстоятельств заключения кредитного договора. Так, например, Ц. обратилась в Люберецкий городской суд Московской области с иском к Банку ВТБ (ПАО), Газпромбанку (АО), АО «Почта Банк», ПАО «Росбанк», ПАО КБ «УБРИР», ПАО «Сбербанк России» с требованиями о признании недействительными кредитных договоров. В обоснование заявленных требований указала на то, что кредитные договора были заключены с нарушением законодательства, поскольку она не выражала согласия на их заключение, заключение договоров стало возможно в виду мошеннических действий со стороны третьих лиц, которые истцу не известны. Свои требования основывала на положениях ст. 179 ГК РФ. Отказывая в удовлетворении исковых требований, районный суд указал на то, что кредитные денежные средства были перечислены банками истцу, которая в дальнейшем самостоятельно распорядилась ими. При этом доказательств того, что спорные договоры были заключены Ц. в результате мошеннических действий и под влиянием обмана и введения в заблуждение со стороны третьих лиц и по данному факту возбуждено уголовное дело, не является основанием для признания их недействительными. Указывая на то, что «для признания кредитных договоров недействительными на основании ст. 179 ГК РФ необходимо предоставление доказательств преднамеренного создания банками у истца не соответствующего действительности представления о характере сделок, их условиях, предмете и других обстоятельствах, равно как и доказательств тому, что воля истца при заключении кредитных договоров неправильно сложилась вследствие обмана со стороны ответчиков. Однако доводы истца на этом не основаны, соответствующих доказательств суду не представлено» [7].

Противоположным примером судебной практики может послужить Решение Савёловского районного суда г. Москвы [8] по иску Б. к ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк» о признании договора от 11.11.2021 года, подписанный неустановленным лицом от ее имени, незаключенным, недействительным. В обоснование заявленных требований истец указала на то, что кредитный договор не заключала, денежные средства не получала,

операции по получению кредита и распоряжением денежными средствами были осуществлены мошенниками без ее волеизъявления. Суд первой инстанции, исследовав представленные в материалы дела доказательства, пришел к выводу о том, что требования подлежат удовлетворению, поскольку Банк при выполнении распоряжений по счетам истца не принял во внимание характер совершаемых операций, а именно, получение кредитных средств с одновременным их перечислением и перечислением других средств на другой счет, выполнение всех операций за короткий промежуток времени, то есть банком не были предприняты меры предосторожности.

Указанные примеры судебной практики, подтверждают наши доводы о том, что в настоящее время отсутствует ее единообразие по исследуемой проблеме. Кроме того, возникает вопрос, связанный с применением последствий недействительности такой сделки по ст. 167 ГК РФ. Это связано с тем, что банки при рассмотрении подобных споров фактически перекалывают ответственность по возмещению причиненных убытков на граждан, у которых отсутствовало волеизъявление на заключение таких сделок. Данная позиция представляется нам в корне неверной, поскольку банковская организация выступает профессиональным участником рынка оказания кредитных услуг в то время, как граждане признаются потерпевшими. То есть в настоящее время необходимо решить назревший вопрос: «Что получает Банк в случае признания кредитного договора, заключенного в результате мошеннических действий, недействительным?». На сегодняшний день отсутствуют какие-либо правовые последствия для банковских организаций, на которые данный субъект вправе рассчитывать для покрытия возникших

убытков. Решение данной проблемы имеет важное значение не только для финансово-кредитной сферы, но и для государства в целом. В связи с чем, необходимо рассмотреть вопрос о признании банков потерпевшими в рамках возбуждаемых уголовных дел наравне с гражданами. Поскольку усматривается противоречие в применении норм ГК РФ, с одной стороны, банк обязан совершать операции по заявлению клиента, с другой стороны, на организацию возлагается обязанность по проверке совершаемых действий физическим лицом. Однако возможность достоверно оценить действует ли лицо самостоятельно заключая кредитный договор или напротив под влиянием третьих лиц, у банка отсутствует в виду цифровизации банковских процессов. В связи с чем, на наш взгляд, банковские организации в данном случае имеют право на возмещение имущественного вреда при признании такой сделки недействительной. Возможность использования банком данного способа защиты права при рассмотрении гражданских исков по исследуемой категории дел будет способствовать вовлечению банка в активное противодействие заключению таких сделок и совершению преступлений.

Таким образом, становится очевидным, что несмотря на то, что кредитный договор и институт признания сделки недействительной являются гражданско-правовыми категориями, данная тема затрагивает различные отрасли права, которые взаимосвязаны между собой в вопросе регулирования данного вопроса. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку способы мошенничества в отношении граждан по заключению кредитных договоров становятся изощреннее, а также наносят ущерб банковским организациям.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, «Собрание законодательства Российской Федерации» от 05 декабря 1994 года, № 32, Ст.3301, «Российская газета» от 08 декабря 1994 года № 238–239, с изменениями на 08 августа 2024 года.
2. Безверхов А. Г. «Имущественные преступления: Монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2002 год, С.33.
3. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003 год, С.151.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е издание, переработанное и дополненное. — М.: Юрайт, 2017. С.278.
5. «Обман шире: мошенничества с кредитами в РФ превысили 12 млрд. рублей. Какие схемы краж популярны и как им противостоять» [Электронный ресурс]: URL <https://iz.ru/1842296/lubov-lezneva/obman-sire-mosennicestva-s-kreditami-v-rf-prevysili-12-mlrd-rublei> (дата обращения 29.05.2025 года)
6. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019 года), «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 10, октябрь, 2019 год
7. Решение Люберецкого городского суда Московской области от 26.03.2025 года по гражданскому делу № 02–5835/2025//Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: URL: www.consultant.ru
8. Решение Савёловского районного суда г. Москвы от 26.06.2023 года по гражданскому делу № 02–4890/2023//Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: URL: www.consultant.ru
9. Скловский К. И. «Сделка и ее действие: комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности: [16+] / К. И. Скловский. — 4-е изд., доп. — Москва: Статут, 2019 год, С.278.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ, «Собрание законодательства», 17 июня 1996 года, № 25, Ст.2954, с изм. и доп. вступ. в силу 02.05.2025 года.

Охрана и защита ноу-хау и коммерческой тайны как объекта исключительных прав в России

Бавин Дмитрий Евгеньевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Ноу-хау и коммерческая тайна являются ценными нематериальными активами современных компаний, которым необходима правовая охрана. Под коммерческой тайной обычно понимаются сведения, обладающие коммерческой ценностью благодаря неизвестности их третьим лицам, в отношении которых принят режим конфиденциальности. Такие сведения нередко именуется секретом производства (ноу-хау) и в ряде правовых актов отнесены к объектам интеллектуальных прав. В Российской Федерации существуют специальные нормы, обеспечивающие исключительные права обладателей коммерческих секретов. Цель данной работы — провести анализ механизмов охраны и защиты ноу-хау (коммерческой тайны) в России, уделив особое внимание различиям в административных и судебных способах защиты, а также иным формам охраны указанных сведений.

Ключевые слова: охрана, защита, ноу-хау, коммерческая тайна, объекты интеллектуальных прав, исключительные права, конфиденциальность.

В российском законодательстве коммерческая тайна рассматривается прежде всего как режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю получать коммерческие выгоды (например, увеличить доходы, сохранить положение на рынке). Собственно секрет производства (ноу-хау) — это сведения любого характера (производственные, экономические, организационные и др.), в том числе о результатах научно-технической деятельности и способах профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности третьим лицам, при условии, что третьи лица не могут свободно с ними ознакомиться на законном основании и обладатель принял разумные меры для сохранения их конфиденциальности. Из этого определения следует, что для возникновения охраняемого секрета необходимо введение специального режима коммерческой тайны. Обладатель информации должен идентифицировать сведения, составляющие коммерческую тайну, ограничить к ним доступ и обеспечить их защиту документально (например, утвердив перечень конфиденциальных сведений, проставляя гриф «Коммерческая тайна» на носителях, заключая с работниками соглашения о неразглашении и т. п.). Закон также прямо перечисляет виды сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну (например, сведения о государственных закупках, загрязнении окружающей среды и т. д.).

Согласно главе 75 ГК РФ, секрет производства (ноу-хау) отнесен к объектам интеллектуальных прав, обладающим особым исключительным правом. Обладатель секрета производства вправе использовать его любым законным способом, в том числе в производстве изделий, экономической и организационной деятельности, а также распоряжаться исключительным правом (например, передавать по договору) [1]. Отличие от классических объектов ИС заключается в том, что обладание ноу-хау не дает монополии в абсолютном смысле: если другое лицо независимо и добросовестно разработает или иным за-

конным путем получит те же самые сведения, оно приобретает собственное самостоятельное право на этот секрет производства. Таким образом, российское право охраняет именно конфиденциальность информации, а не уникальность технического решения, как в случае патентов. Срок охраны ноу-хау потенциально не ограничен — исключительное право действует до тех пор, пока соблюдается конфиденциальность сведений.

Нарушением исключительного права на секрет производства считается несанкционированное получение, раскрытие или использование охраняемых конфиденциальных сведений третьими лицами. Обладатель ноу-хау вправе требовать в судебном порядке пресечения неправомерного использования его коммерческой тайны и возмещения убытков. Закон «О коммерческой тайне» отсылает к ответственности, установленной законодательством за нарушение прав на конфиденциальную информацию [2, ст. 14]. В частности, ст. 11 этого закона предусматривает, что работодатель вправе взыскать прямой ущерб и упущенную выгоду с работника, незаконно разгласившего коммерческую тайну. В общем порядке убытки включают реальный ущерб и упущенную выгоду, что применяется и к случаям нарушения прав на ноу-хау [1, ст. 15]. Российские суды при рассмотрении исков тщательно проверяют, соблюдал ли истец сам требования режима коммерческой тайны. Если компания не приняла необходимых мер для защиты секретных сведений (например, не определила перечень тайной информации, не уведомила сотрудника о режиме тайны), то требовать компенсации затруднительно. В то же время судебная практика выработала подход, при котором даже отсутствие специального грифа «коммерческая тайна» на документах не лишает информацию защиты, если совокупность мер по конфиденциальности была принята. Так, в одном деле Свердловский областной суд подтвердил законность увольнения работника за разглашение коммерческой тайны: работодателем было введено Положение о коммерческой тайне с перечнем секретных данных, с работником подписано

соглашение о неразглашении, и суд счел принятые меры достаточными — отсутствие маркировки на конкретном документе не отменяет его статус конфиденциального [5]. Этот пример показывает, что для успешной защиты в суде российским компаниям необходимо документально обеспечивать режим коммерческой тайны.

В РФ имеется и административная ответственность за неправомерное обращение с конфиденциальной информацией. Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает штраф за разглашение сведений с ограниченным доступом (не являющихся государственной тайной), к которым отнесена и коммерческая тайна. Раскрытие чужой тайной информации, к которой нарушитель имел доступ по работе или договору, если это не содержит состава уголовно наказуемого деяния, влечет штраф для граждан в размере от 5 до 10 тысяч рублей, а для должностных лиц — от 40 до 50 тысяч рублей. Юридические лица могут привлекаться к ответственности за недобросовестную конкуренцию, если, например, они незаконно получили или использовали чужие секреты производства [3; ст. 13.14]. Антимонопольный орган вправе рассматривать такие действия как акт недобросовестной конкуренции по закону о защите конкуренции. Однако специализированного административного механизма, аналогичного китайскому, в России нет: случаи промышленного шпионажа или утечки секретов, затрагивающие публичные интересы, скорее переходят в плоскость уголовного или трудового права, чем в административные штрафы.

Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну. Преступлением считается кража документов, подкуп или угрозы с целью добыть чужой секрет, а равно незаконное разглашение или использование сведений, причиненное лицом, которому они доверены. Наказание зависит от тяжести последствий и умысла: базовые санкции — штраф до 500 тыс. рублей (или в размере зарплаты за период до 1 года) либо лишение свободы на срок до 2 лет. Если деяние со-

вершено группой лиц или из корыстной заинтересованности и причинило крупный ущерб, предусмотрено более строгое наказание — вплоть до 5 лет лишения свободы. Особо отягчается ответственность, когда коммерческая тайна передана за границу или иностранной организации — такие действия рассматриваются как государственное преступление экономического характера [4, ст. 183]. Таким образом, российское уголовное право достаточно строго охраняет коммерческие секреты, создавая превентивный эффект. На практике уголовные дела возбуждаются нечасто, главным образом при умышленных утечках, повлекших существенный ущерб компании или связанным с конкурентной борьбой.

Помимо перечисленных мер, в России защиту ноу-хау обеспечивают договорные и организационные механизмы. Работодатели включают в трудовые договоры условия о неразглашении, заключают с контрагентами соглашения о конфиденциальности (NDA). За разглашение тайны работник может быть подвергнут дисциплинарным взысканиям вплоть до увольнения. В некоторых случаях компании пытаются заключать с ключевыми сотрудниками соглашения о неконкуренции (запрет работать у конкурентов), однако в российском праве нет прямого регулирования таких условий, и их enforceability ограничена общими принципами свободы труда. Тем не менее, комплекс превентивных мер — ограничение круга сведений и круга осведомленных лиц, техническая защита информации, регулярное обучение персонала правилам обращения с конфиденциальными данными — является важнейшей составляющей охраны коммерческой тайны. Закон «О коммерческой тайне» прямо обязывает обладателя информации принимать меры по охране ее конфиденциальности, и невыполнение этих мер фактически лишает информацию правовой охраны [2, ст. 10]. Таким образом, эффективная защита ноу-хау в РФ базируется на сочетании: превентивный режим секретности и судебное преследование нарушителей, а в серьезных случаях — привлечение правоохранительных органов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.10.2024). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Федеральный закон РФ от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024), ст. 3 (понятия), ст. 10, 11, 14. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.06.2025). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Апелляционное определение Свердловского облсуда от 10.06.2020 по делу № 33–5593/2020 — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

Юридические риски использования искусственного интеллекта при принятии управленческих решений в корпоративных структурах

Бавин Дмитрий Евгеньевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья посвящена правовым рискам применения искусственного интеллекта при управлении корпоративными структурами. Рассматриваются вопросы ответственности, деликтов, корпоративных споров и непрозрачности алгоритмов. Приводится анализ российского законодательства и зарубежных подходов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, корпоративное управление, юридическая ответственность, алгоритмическое принятие решений, прозрачность ИИ.

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в корпоративном управлении способно повысить эффективность управленческих решений, однако сопряжено с юридическими рисками. Правовое регулирование применения ИИ при принятии решений в организациях в Российской Федерации пока находится на начальном этапе. В 2020 году понятие ИИ впервые закреплено законодательно в рамках экспериментального правового режима в г. Москве [1], но данный акт не решил вопрос об ответственности в случае сбоев или ошибок работы алгоритмов. Таким образом, компании вынуждены опираться на общие нормы гражданского и корпоративного права, которые не учитывают всех специфических особенностей ИИ.

Российское законодательство возлагает на руководителей организаций обязанность действовать в интересах компании добросовестно и разумно. Статья 53.1 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, обязано возместить убытки, причинённые по его вине, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно [2]. Аналогично, ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» обязывает членов органов управления действовать добросовестно и разумно и устанавливает их ответственность перед обществом за убытки, причинённые виновными действиями [3]. Следование рекомендациям ИИ не освобождает менеджмент от этих обязанностей. Напротив, слепое доверие к непрозрачному алгоритму может расцениваться как небрежность, то есть нарушение стандарта разумности действий управленца.

Второй риск связан с возможным причинением вреда третьим лицам вследствие решений, принятых с участием ИИ. По общему правилу (ст. 1064 ГК РФ) вред, причинённый личности или имуществу гражданина либо организации, подлежит возмещению в полном объёме лицом, его причинившим [2]. Таким образом, если алгоритм, задействованный в управлении, приводит к ошибочным действиям и наносит ущерб контрагентам или потребителям, ответственность перед потерпевшими понесёт сама компания как сторона, от имени которой действовал ИИ. Более того, использование ИИ в отдельных случаях может

быть квалифицировано как деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, что влечёт ответственность организации независимо от вины [2, ст. 1079]. Специальные же нормы о возмещении вреда, причинённого ИИ, в российском законодательстве отсутствуют, вследствие чего остаётся неопределённым распределение ответственности между разработчиками алгоритмов и их пользователями.

Применение ИИ в управленческих решениях способно спровоцировать корпоративные конфликты. Акционеры или участники могут оспаривать решения органов управления, принятые в основном на основе рекомендаций алгоритма, особенно если такие решения повлекли убытки для общества или ущемление прав миноритариев. Возникает вопрос о действительности таких решений и сделок. Если будет установлено, что руководители фактически не осуществили самостоятельной бизнес-оценки, а бездумно следовали выводам программы, такие решения могут быть признаны недействительными. Например, совершение крупной сделки без надлежащего одобрения, основываясь только на советах ИИ, может рассматриваться как нарушение установленного порядка и превышение полномочий органа. В соответствии с ГК РФ, сделка, совершённая с превышением полномочий, может быть признана недействительной, если контрагент знал или должен был знать о таком превышении [2, ст. 174]. Следовательно, чрезмерная автономия алгоритмов без контроля со стороны уполномоченных лиц несёт риск оспаривания сделок и управленческих актов внутри компании.

«Чёрный ящик» ИИ представляет отдельный юридический риск. Непрозрачность алгоритмов затрудняет оценку обоснованности и правомерности принимаемых решений. Руководство компании может оказаться не в состоянии объяснить мотивы решения, что усложняет как внутренний аудит, так и судебное разбирательство при возникновении спора. В отсутствие объяснимости алгоритма менеджерам сложнее доказать, что они действовали разумно и добросовестно. Зарубежный опыт показывает, что данная проблема осознаётся регуляторами: в Европейском союзе «право на объяснение» результатов работы высокорисковых алгоритмических систем планируется закрепить законодательно. Если же решения ИИ непрозрачны для проверяющих органов и инвесторов,

это может повлечь дополнительные претензии и санкции к компании.

Для иллюстрации следует отметить, что в международной практике вырабатываются подходы к регулированию обозначенных рисков. Европейский союз разрабатывает комплексный нормативный акт об ИИ — Регламент (ЕС) 2024/1689, который системно регулирует использование ИИ и устанавливает обязательные требования по управлению рисками и прозрачности алгоритмов [4]. В США пока отсутствует единый закон об ИИ, и вопросы ответственности решаются посредством общих норм и саморегулирования. Например, в г. Нью-Йорк вступил в силу местный закон, запрещающий компаниям использовать автоматизированные системы для найма персонала без предварительного аудита на отсутствие дискриминации.

Таким образом, использование ИИ при принятии управленческих решений в корпоративных структурах влечёт комплекс юридических рисков, связанных с ответ-

ственностью, деликтными обязательствами, корпоративными спорами и неопределённостью правового статуса алгоритмов. В настоящее время специальные нормы для ИИ отсутствуют, и применяются общие положения гражданского и корпоративного права. Развитие правового регулирования в этой сфере представляется необходимым. Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются: введение специальных правил ответственности за вред, причинённый ИИ (включая распределение рисков между разработчиком и пользователем алгоритма), закрепление требований к прозрачности и объяснимости используемых в корпоративном управлении алгоритмов, а также уточнение статуса и юридической силы решений, принимаемых с участием ИИ, в нормах о корпоративном управлении. С учётом зарубежного опыта, российский законодатель может заблаговременно выработать подходы, обеспечивающие баланс между инновационным развитием и защитой прав участников корпоративных отношений и третьих лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования технологий искусственного интеллекта в городе Москве». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ) (ред. от 31.10.2024). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 30.11.2024). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 March 2024 on harmonised rules on artificial intelligence and amending certain Union legislative acts (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. (дата обращения: 11.06.2025).

Использование смарт-контрактов в России: проблемы правоприменения и перспективы правового регулирования

Бавин Дмитрий Евгеньевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья посвящена правовому анализу смарт-контрактов, которые, с развитием блокчейн-технологий, стали важным инструментом автоматизации договорных отношений. В статье рассматриваются существующие правовые проблемы, с которыми сталкиваются стороны смарт-контрактов в России, такие как неопределённость правового статуса и недостаточность законодательных норм. Также предлагаются перспективные направления для их правового регулирования, направленные на устранение правовой неопределённости и обеспечение эффективного применения смарт-контрактов в российской правовой системе.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, автоматизация договорных отношений, правовой статус, правовое регулирование, цифровая экономика, правоприменение, российская правовая система, цифровые технологии.

Понятие смарт-контракта и его сущность

Смарт-контракт можно рассматривать как компьютерную программу, которая автоматически выполняет за-

ранее прописанные условия контракта при выполнении определённых критериев. В отличие от традиционных контрактов, где стороны обязаны следить за выполнением условий, смарт-контракт сам автоматически исполняет

обязательства, как только соответствующие условия выполняются. Это исключает необходимость в посредниках и снижает вероятность ошибок или злоупотреблений.

Исторически концепция смарт-контракта была предложена Ником Сабо в 1994 году [4], однако широкое признание она получила лишь с развитием блокчейн-технологий. В основе смарт-контракта лежит использование технологии распределённого реестра (блокчейн), который обеспечивает неизменность данных и автоматическое исполнение условий контракта. Тем не менее в российской правовой системе смарт-контракты ещё не имеют самостоятельного правового регулирования, что вызывает потребность в создании новых норм для их правового признания.

Правовой статус смарт-контрактов в российском законодательстве

На сегодняшний день российское законодательство не содержит чёткого определения смарт-контрактов. В этом контексте возникает вопрос, можно ли применять существующие нормы гражданского законодательства, в частности Гражданского кодекса Российской Федерации, к отношениям, возникающим в связи с использованием смарт-контрактов. В Гражданском кодексе России имеются нормы, касающиеся исполнения обязательств (ст. 309 ГК РФ), свободного заключения договора (ст. 421 ГК РФ), а также формы договора (ст. 434 ГК РФ) [1]. Эти нормы могут быть применены к смарт-контрактам, однако возникает вопрос, насколько они учитывают особенности, связанные с автоматическим исполнением условий и отсутствием физического взаимодействия сторон.

Проблема правового признания смарт-контрактов остаётся открытой. В частности, Закон о цифровых активах [3], опубликован в 2020 году, не затрагивает смарт-контракты как отдельный вид договоров, а лишь фиксирует понятие цифровых активов и их регулирование. В связи с этим существует мнение, что в российском законодательстве следует разработать отдельные нормы, регулирующие смарт-контракты с учётом их особенностей.

Проблемы правоприменения смарт-контрактов в России

Основными правовыми проблемами, возникающими при применении смарт-контрактов в России, являются неопределённость их правового статуса, отсутствие стандартов для цифровой идентификации участников сделки и проблемы, связанные с доказательством исполнения смарт-контрактов в суде.

Первая проблема заключается в том, что российское законодательство не даёт ясного определения смарт-контрактам. Это создаёт правовую неопределённость для сторон сделки. Если одна из сторон нарушит условия контракта, то каким образом можно будет доказать факт выполнения обязательств? Поскольку все действия про-

исходят автоматически в блокчейн-сети, возникают вопросы о правомерности использования таких данных в судебных разбирательствах.

Вторая проблема связана с отсутствием чётких стандартов для цифровой идентификации сторон, что представляет собой серьёзную преграду для применения смарт-контрактов в России. В законодательстве существует регулирование цифровых подписей (ФЗ № 63-ФЗ «Об электронной подписи») [2], однако оно не учитывает всех нюансов, связанных с технологией блокчейн и особенностями смарт-контрактов.

Наконец, третья проблема касается исполнения смарт-контрактов. Поскольку выполнение условий контракта автоматически подтверждается через программный код, возникает вопрос о том, как доказать исполнение условий в суде. Традиционные методы доказательств, такие как свидетельские показания или письменные доказательства, не применимы в случае смарт-контрактов, что создаёт трудности в правоприменении.

Зарубежный опыт правового регулирования смарт-контрактов

Международный опыт показывает, что многие страны уже разработали или находятся на стадии разработки нормативных актов, регулирующих использование смарт-контрактов. Например, в США штат Вайоминг стал первым, кто признал смарт-контракты юридически значимыми. В Европейском Союзе активно разрабатываются проекты правового регулирования цифровых активов, включая смарт-контракты, а в Китае с 2019 года ведётся работа по интеграции блокчейн-технологий в государственные процессы.

В этих странах смарт-контракты признаются юридически значимыми при выполнении ряда условий, таких как соблюдение требований к цифровым подписям, соблюдение принципов справедливости и прозрачности при заключении сделок. Европейский Союз, в свою очередь, разрабатывает единый подход к регулированию цифровых активов, что позволит установить чёткие правила для использования смарт-контрактов на уровне всех стран-членов ЕС.

Перспективы правового регулирования смарт-контрактов в России

Для эффективного правового регулирования смарт-контрактов в России необходимо в первую очередь разработать соответствующие нормы Гражданского кодекса, которые бы учитывали особенности смарт-контрактов, такие как автоматическое исполнение условий и использование блокчейн-технологий. Это потребует пересмотра существующих норм гражданского законодательства и введения специальных норм для цифровых технологий.

Кроме того, необходимо утвердить законодательство, регулирующее цифровую идентификацию и цифровые

подписи, которые будут применяться в контексте смарт-контрактов. Важно, чтобы нормативные акты, регулирующие эти процессы, были адаптированы к современным технологическим реалиям и обеспечивали безопасность сделок.

Также стоит обратить внимание на необходимость разработки отдельного законодательства, регулирующего применение смарт-контрактов в государственных закупках и других сферах, где автоматизация процессов может значительно повысить эффективность.

Заключение

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ) (ред. от 31.10.2024). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. — Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 13.06.2025).
4. Мамаева, Н. В. Смарт-контракты и их особенности / Н. В. Мамаева. — Текст: электронный // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 11.
5. Развитие рынка цифровых активов в российской федерации. — Текст: электронный // Центральный Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf (дата обращения: 13.06.2025).
6. С. А. Якушкин, И. В. Осипов. Блокчейн-технология: значение, категории, правовая перспектива. — Текст: электронный, Бюллетень науки и практики. — 2019. — № 8.

Баланс интересов работодателя и работника при мониторинге корпоративной переписки в России: правовой анализ

Бавин Дмитрий Евгеньевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья представляет собой детальный правовой анализ проблемы баланса интересов между работодателями и работниками в ситуации мониторинга корпоративной переписки в Российской Федерации. Основное внимание уделено конфликту между конституционным правом работника на неприкосновенность частной жизни, закрепленным в статье 23 Конституции РФ, и правом работодателя контролировать использование корпоративных ресурсов для обеспечения безопасности, производительности и защиты коммерческих интересов. Авторы подчеркивают, что российское законодательство, включая положения Трудового кодекса РФ, не дает четкого ответа на вопрос о допустимых границах такого мониторинга, что приводит к правовой неопределенности и потенциальным спорам.

Ключевые слова: баланс интересов, мониторинг корпоративной переписки, права работников, защита личной переписки, неприкосновенность частной жизни, корпоративные ресурсы.

Введение: Повсеместное распространение интернета и мобильных технологий, особенно в условиях перехода на удаленную работу (включая период пандемии), сделало корпоративную переписку ключевым элементом рабочего процесса. Это порождает конфликт интересов: с одной

стороны, право сотрудников на неприкосновенность личной переписки, с другой — законное стремление работодателей контролировать корпоративные каналы связи для защиты коммерческой информации, обеспечения безопасности и соблюдения внутренних стандартов.

Хотя мониторинг переписки является для бизнеса необходимой практикой, критически важно найти баланс между этими интересами. В России правовое регулирование этого вопроса пока не до конца сформировано, что создает правовые коллизии и неясности на практике, затрудняя поиск справедливого компромисса.

Право на неприкосновенность переписки в российском праве

В российском праве право на неприкосновенность частной жизни является одной из основополагающих гарантий, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Согласно статье 23 Конституции РФ, каждому гражданину гарантируется неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Это право включает в себя и защиту переписки, что прямо указано в статье 24 Конституции РФ [1], которая запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Однако права работодателя также являются важной составляющей правового регулирования, в том числе в отношении контроля за использованием корпоративных ресурсов. Работодатель имеет законное право защищать свою информацию и ресурсы, и осуществлять мониторинг корпоративной переписки с целью предотвращения утечек данных, борьбы с нарушениями трудовой дисциплины и проверки эффективности работы сотрудников. Однако такая практика должна строго соответствовать действующему законодательству.

Важным аспектом правового регулирования является то, что контроль за перепиской сотрудников не должен нарушать их права на личную неприкосновенность. Вопросы, касающиеся права работодателя на доступ к личной переписке работников, регулируются рядом нормативных актов, в том числе Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) [2]. В частности, в статье 57 ТК РФ закреплена обязанность работника соблюдать требования работодателя, касающиеся использования рабочего времени и ресурсов, что косвенно дает работодателю право контроля. Однако при этом важно соблюдать принцип разумности и соразмерности при применении таких мер.

Корпоративная переписка: правовой режим

Корпоративная переписка является официальным каналом общения внутри компании, и, как правило, она осуществляется через рабочую почту, корпоративные чаты, мессенджеры и другие коммуникационные платформы. Эти каналы, по сути, принадлежат работодателю, и, следовательно, он имеет право контролировать их использование.

Тем не менее, вопрос собственности на аккаунты, через которые осуществляется корпоративная переписка, не всегда решен однозначно. Рабочая почта и корпоративные

чаты формально принадлежат работодателю, однако если сотрудники используют их для личных целей, возникает противоречие между правами работодателя на контроль и правами работников на сохранение личной переписки.

В судебной практике также существуют примеры, когда работодатели пытались использовать информацию из корпоративной переписки для разрешения трудовых споров. Например, в делах, касающихся увольнения за нарушение трудовой дисциплины, работодатели использовали данные из электронной почты или мессенджеров сотрудников как доказательства. Однако суды не всегда принимают такие доказательства, если они были получены без согласия работника, что является нарушением его прав на частную жизнь.

Международная практика (на примере ЕСПЧ)

Одним из ярких примеров правового регулирования мониторинга корпоративной переписки является судебное разбирательство по делу *Bărbulescu v. Romania* [5], рассмотренному Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). В этом деле рассматривалась ситуация, когда работодатель использовал информацию, собранную через корпоративную почту, для проверки того, что сотрудник использовал рабочую почту для личных целей. Суд постановил, что несмотря на то, что работодатель имел право контролировать использование корпоративной почты, он должен был уведомить работника о возможном мониторинге и необходимости соблюдения корпоративных стандартов.

Это дело стало важным прецедентом для стран Европы, включая Россию, поскольку оно поднимало вопрос о правомерности и границах контроля за корпоративной перепиской. Европейский суд установил, что необходимо соблюсти баланс между правом работодателя на контроль и правом работника на личную неприкосновенность.

Внутренние акты работодателя и защита прав работников

Для того чтобы соблюсти баланс между интересами работодателя и правами работников, компаниям необходимо разрабатывать внутренние нормативные акты (ЛНА), которые четко регулируют вопросы мониторинга корпоративной переписки. Локальные акты должны содержать подробные положения о том, каким образом может проводиться мониторинг, в каких случаях и при каких условиях, а также какие данные могут быть использованы для подтверждения нарушений трудовой дисциплины.

Важно, чтобы такие акты были оформлены с учетом прав работников на частную жизнь и с обязательным информированием их о возможности мониторинга. Работник должен быть заранее осведомлен о том, что его переписка может быть проверена работодателем. Это необходимо для соблюдения принципа информированного

согласия, который является важным элементом правового регулирования.

Кроме того, работодатели должны соблюдать принципы конфиденциальности при обработке личной информации работников, а также применять меры для предотвращения несанкционированного доступа к данным.

Заключение

Баланс между интересами работодателя и правами работников при мониторинге корпоративной переписки является важным правовым и этическим во-

просом. В условиях цифровизации и удаленной работы, когда границы между личной и рабочей жизнью становятся все более размытыми, особое внимание следует уделить правам работников на защиту личной переписки. Для этого необходимы четкие и прозрачные внутренние нормативные акты, которые должны регулировать процессы контроля, уведомления работников и защиты их прав.

Кроме того, важно, чтобы законодательство в России, а также международные стандарты, обеспечивали равновесие между необходимостью обеспечения безопасности и соблюдением прав работников.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (ст. 23, 24). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 22, 57). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. — Доступ из СПС «Tendence.ru». — Текст: электронный.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.04.2015 (дело № 33–12843). — Доступ из СПС «Garant.ru». — Текст: электронный.
5. Решение ЕСПЧ от 12.01.2016 «Барбулеску против Румынии». — Доступ из СПС «Garant.ru». — Текст: электронный.
6. Анализ судебной практики по мониторингу переписки. — Доступ из СПС «Garant.ru». — Текст: электронный.

Биометрические данные как новый вызов для законодательства: безопасность и права человека

Баннов Александр Валерьевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена исследованию правовых и этических проблем, связанных с использованием биометрических данных в условиях цифровой трансформации. Автор анализирует противоречие между необходимостью обеспечения безопасности (борьба с преступностью, терроризмом, цифровая идентификация) и защитой фундаментальных прав человека на приватность и неприкосновенность личной жизни. Особое внимание уделено пробелам в законодательстве: отсутствию четкого регулирования хранения биометрии, неопределенности статуса «анонимных» биометрических шаблонов и рискам дискриминации на основе физиологических характеристик. Проведен сравнительный анализ подходов к регулированию в ЕС (GDPR) и РФ (152-ФЗ «О персональных данных»). В заключение предложены меры по гармонизации законодательства, включая создание независимых этических комитетов для аудита биометрических систем и внедрение технологий «дифференциальной приватности» для защиты данных.

Ключевые слова: биометрические данные, безопасность, права человека, распознавание лиц, GDPR, 152-ФЗ, цифровая идентификация, приватность, утечки данных, этика биометрии, дифференциальная приватность, Единая биометрическая система.

Новизна исследования:

1. Проведен комплексный анализ рисков использования биометрии в контексте **цифрового суверенитета**.
2. Выявлен **парадокс нормативной неопределенности**: несмотря на формальный запрет обработки биометрии без согласия (ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»), массовое внедрение распознавания лиц в публичных пространствах де-факто лишает граждан выбора.

Новизна подтверждается критикой устаревших методов анонимизации биометрии и предложением инновационных технологических решений, сочетающих правовые нормы с криптографическими методами защиты.

Современное общество переживает технологическую трансформацию, в рамках которой биометрические данные становятся ключевым элементом цифровой идентификации. Такие данные активно внедряются в банковские системы, государственные услуги и коммерческие

сервисы, обещая удобство и эффективность. Однако уникальность биометрических данных, их необратимость в случае утечки и потенциал для злоупотреблений ставят перед законодателями беспрецедентные задачи. Эти данные, в отличие от паролей или PIN-кодов, невозможно изменить, что превращает их компрометацию в пожизненную угрозу для приватности и безопасности граждан.

Биометрические данные: понятие, виды и особенности

Биометрические данные представляют собой уникальные физиологические или поведенческие характеристики, используемые для идентификации личности. В отличие от традиционных методов аутентификации, таких как пароли или PIN-коды, биометрия опирается на индивидуальные особенности человека, которые крайне сложно подделать. К таким характеристикам относятся, например, отпечатки пальцев, узор радужной оболочки глаза, геометрия лица, голосовые паттерны или даже походка. Каждый из этих элементов уникален: рисунок папиллярных линий на кончиках пальцев формируется еще в утробе матери и остается неизменным в течение жизни, а особенности строения радужки определяются генетически и случайными факторами внутриутробного развития. Именно эта уникальность делает биометрию мощным инструментом для идентификации, но одновременно создает значительные риски. Если пароль можно сменить после утечки, то биометрические данные, будучи неотъемлемой частью человеческого тела, не подлежат замене. Компрометация отпечатка пальца или цифрового шаблона лица означает, что человек навсегда теряет контроль над этой частью своей идентичности. Кроме того, биометрия зачастую собирается и хранится в форме, позволяющей восстановить исходные данные, что повышает интерес злоумышленников к таким базам. Например, утечка шаблонов радужной оболочки может привести к созданию поддельных биометрических идентификаторов, которые невозможно отозвать. Эти особенности ставят перед разработчиками и регуляторами сложную задачу: как обеспечить удобство технологий, не превращая их в «пожизненный цифровой след», угрожающий приватности и безопасности пользователей?

Массовое внедрение систем распознавания лиц в публичных пространствах ставит под угрозу право на анонимность: алгоритмы способны идентифицировать людей без их согласия, как это происходит в некоторых мегаполисах Китая или России. Кроме того, сбор биометрии государственными и коммерческими структурами часто осуществляется без прозрачных механизмов информированного согласия, что нарушает базовые принципы приватности. Исследования, такие как работа MIT (2018), демонстрируют и другую проблему: алгоритмы могут ошибаться при работе с определенными группами людей (например, темнокожими или женщинами), что

усиливает риски дискриминации в правоохранительной практике или трудоустройстве.

Законодательство в этой сфере остается фрагментированным и не успевает за технологическим прогрессом. В ЕС GDPR строго регулирует обработку биометрии, классифицируя ее как «особую категорию данных», но не решает вопросов трансграничного обмена информацией. В США отсутствие единого федерального закона приводит к правовой неопределенности: штаты вводят собственные нормы, такие как BIPA в Иллинойсе или CCPA в Калифорнии, но их требования зачастую противоречат друг другу. На международном уровне отсутствуют универсальные стандарты, что осложняет регулирование деятельности глобальных корпораций. Пробелы также проявляются в слабой защите данных: многие законы не учитывают необходимости обязательного шифрования, а ответственность за утечки остается несоответственно низкой.

Рекомендации для укрепления правовой защиты биометрических данных

Устранение правовых пробелов в сфере биометрии требует комплексного подхода, объединяющего международное сотрудничество, технологические инновации и этические принципы. Важным шагом может стать разработка универсальных стандартов ООН или Совета Европы, которые установили бы единые требования к сбору, хранению и трансграничному обмену биометрическими данными. Такие стандарты должны включать не только технические протоколы, например обязательное использование биометрического шифрования данных, но и этические рамки, гарантирующие прозрачность алгоритмов и минимизацию собираемой информации. Одновременно необходимо внедрить обязательную оценку этических рисков для всех проектов, связанных с биометрией, по аналогии с Европейским регламентом об искусственном интеллекте (AI Act). Это позволит выявлять и предотвращать потенциальные угрозы дискриминации, слежки или нарушения приватности на этапе разработки технологий.

Не менее значимым аспектом является модернизация технической инфраструктуры: переход к децентрализованным системам хранения, где биометрические данные не сосредоточены в единой уязвимой базе, а распределены между защищенными узлами, способен снизить риски масштабных утечек. Параллельно следует ужесточить ответственность за нарушения — как для корпораций, так и для государственных органов. Например, введение штрафов, пропорциональных ущербу от утечки, и уголовного преследования за злоупотребление биометрией создаст действенные сдерживающие механизмы.

Ключевым условием защиты прав человека остается обеспечение добровольности использования биометрических систем. Граждане должны иметь законное право отказаться от предоставления своих биометрических данных без потери доступа к базовым услугам, будь то ме-

дицинская помощь или банковское обслуживание. Для этого необходимо закрепить в законодательстве нормы, запрещающие принудительный сбор биометрии, кроме случаев, прямо связанных с национальной безопасностью, и только при наличии судебного разрешения.

Реализация этих мер требует не только политической воли, но и активного диалога между технологическими компаниями, регуляторами и гражданским обществом. Только через синхронизацию правовых норм, внедрение

«защищенных по дизайну» технологий и приоритет этики над удобством можно создать среду, где биометрия служит прогрессу, не превращаясь в инструмент контроля.

Таким образом, интеграция биометрических технологий требует не только технической модернизации, но и глубокого пересмотра правовых норм. Международное сотрудничество, синхронизация законодательств и приоритет этических принципов — единственный путь к созданию безопасного цифрового будущего.

Литература:

1. General Data Protection Regulation (GDPR). — URL: <https://gdpr-info.eu>
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. 2023 г.). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
3. Определение персональных данных в Акте Калифорнии о защите неприкосновенности частной жизни потребителей (California Consumer Privacy Act — CCPA). — URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/17/opredelenie_personalnyh_dannyh_v_akte_kalifornii_o_zaschite_neprikosnovennosti_chastnoj_zhizni_potre
4. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век : доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. — URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g18/239/60/pdf/g1823960.pdf>
5. Степанян, А. Ж. Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act): первый взгляд на проект / А. Ж. Степанян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2021. — № 7 (83). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglament-evropeyskogo-soyuza-ob-iskusstvennom-intellekte-artificial-intelligence-act-pervyy-vzglyad-na-proekt>
6. Степенко, В. Е. Биометрические персональные данные / В. Е. Степенко, А. Д. Богдановская // Евразийский Союз Ученых. — 2020. — № 4–10 (73). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-personalnye-dannye>
7. Платонова, Н. И. Биометрические персональные данные: возможности и проблемы / Н. И. Платонова // Юрист. — 2019. — № 6. — С. 63–67.
8. Карпушина, А. В. К понятию биометрических персональных данных / А. В. Карпушина // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2023. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-biometricheskih-personalnyh-dannyh>
9. Платонова, Н. И. Современные правовые подходы к пониманию биометрических данных / Н. И. Платонова // Информационное право. — 2018. — № 1. — С. 22–26.

Роль государства в защите персональных данных: от регулирования до надзора

Баннов Александр Валерьевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Научная статья посвящена анализу роли государства в формировании и реализации механизмов защиты персональных данных в Российской Федерации. Основное внимание уделено эволюции нормативно-правового регулирования, функциям надзорных органов и практическим вызовам, связанным с цифровизацией общества.

В работе рассмотрены ключевые аспекты законодательной базы, включая Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и его последние поправки, такие как обязательная локализация данных на территории РФ и усиление ответственности за утечки. Особое внимание уделено роли Роскомнадзора как уполномоченного органа, осуществляющего федеральный государственный контроль за соблюдением требований обработки данных, включая проведение проверок, блокировку незаконно полученных данных и взаимодействие с правоохранительными структурами.

Автор подчеркивает противоречия между необходимостью соблюдения международных стандартов, например General Data Protection Regulation (GDPR), и требованиями цифрового суверенитета, что проявляется в ограничениях трансграничной передачи данных и конфликтах с иностранными компаниями. Анализируются меры ответствен-

ности за нарушения: от административных штрафов по ст. 13.11 Кодекса об административных правонарушениях до уголовного преследования по ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья также затрагивает актуальные проблемы, такие как недостаточная эффективность защиты данных в государственном секторе и необходимость внедрения новых технологических решений для предотвращения кибератак. В заключение предложены пути совершенствования законодательства, включая разработку отдельного закона о биометрических данных и усиление роли общественного контроля.

Ключевые слова: персональные данные, государственный надзор, Роскомнадзор, 152-ФЗ, цифровой суверенитет, ответственность за нарушения.

Новизна исследования: комплексный анализ взаимодействия законодательных и надзорных механизмов в контексте технологических вызовов, а также предложения по гармонизации национального и международного права в сфере защиты приватности.

В условиях цифровой трансформации защита персональных данных (ПДн) превратилась в один из ключевых элементов обеспечения прав граждан и национальной безопасности. Государство, выступая основным регулятором, формирует правовые рамки и обеспечивает надзор за их соблюдением, сталкиваясь с вызовами, связанными с технологическим прогрессом, международными стандартами и растущими киберугрозами.

Исторически российское законодательство о персональных данных прошло путь от фрагментарных норм в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе до создания комплексной системы регулирования. Принятие Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» в 2006 году стало отправной точкой, закрепившей базовые принципы обработки ПДн, права субъектов и обязанности операторов. Однако первоначальная редакция закона носила рамочный характер и не учитывала таких явлений, как Big Data, облачные технологии и биометрическая идентификация. Эволюция законодательства была тесно связана с цифровизацией общества, включающей расширение категорий ПДн (включение IP-адресов, геолокации, данных с IoT-устройств), ужесточение требований к операторам (локализация данных с 2015 года) и имплементацию отдельных положений GDPR, таких как принцип минимизации данных и право на забвение.

Административно-правовые механизмы защиты ПДн включают многоуровневую систему регулирования и надзора. Роскомнадзор, как уполномоченный орган, осуществляет контроль за соблюдением законодательства: проводит плановые и внеплановые проверки, выносит предписания, блокирует незаконные ресурсы.

Эта многоуровневая система в последние годы демонстрирует свою активность, что особенно ярко проявилось в 2023 году, когда Роскомнадзор значительно активизировал надзорную деятельность в сфере защиты персональных данных, проведя более 2,5 тыс. проверок операторов, включая коммерческие компании, государственные учреждения и IT-платформы. По итогам этих мероприятий нарушения были выявлены у 40 % проверенных организаций. Среди типичных нарушений — отсутствие корректного согласия субъектов на обработку

данных, несоблюдение требований к шифрованию информации, а также недостаточный уровень защиты информационных систем. Примечательно, что нарушения фиксировались даже в государственном секторе: например, в ряде региональных учреждений здравоохранения и образования персональные данные пациентов и учащихся соответственно хранились в открытом доступе или передавались третьим лицам без правовых оснований. Такие случаи демонстрируют системные проблемы, связанные с низкой цифровой грамотностью сотрудников и устаревшей IT-инфраструктурой.

ФСБ и Минцифры как ключевые участники системы защиты данных сосредоточены на разработке нормативно-технических требований. ФСБ, в рамках своих полномочий, утверждает стандарты криптографической защиты (например, использование российских алгоритмов шифрования в соответствии с ГОСТ Р 34.12–2015) и сертифицирует средства защиты информации. Минцифры отвечает за формирование стратегий цифровой трансформации, включая внедрение технологий искусственного интеллекта для мониторинга киберугроз. В 2023 году министерство инициировало создание единой платформы для аудита защищенности данных в госсекторе, однако ее реализация столкнулась с недостатком финансирования и бюрократическими барьерами.

Несмотря на активность ведомств, эффективность принимаемых мер остается под вопросом. Ярким примером уязвимости государственной инфраструктуры стала масштабная утечка данных проекта «СберКовид» в 2021 году, когда в открытый доступ попали персональные данные 3,5 млн россиян, включая ФИО, паспортные данные и результаты ПЦР-тестов. Расследование показало, что утечка произошла из-за грубых нарушений безопасности: база хранилась на незащищенном облачном сервере с паролем «admin», а доступ к ней имели сотрудники сторонних подрядчиков. Этот инцидент не только подорвал доверие граждан к государственным цифровым сервисам, но и выявил отсутствие межведомственной координации: Роскомнадзор, ФСБ и Минздрав не смогли оперативно заблокировать распространение данных, что привело к их утечке.

Меры ответственности за подобные нарушения остаются недостаточными. Несмотря на штрафы по ст. 13.11 Кодекса об административных правонарушениях (до 18 млн рублей для юрлиц), их размер несоизмерим с масштабом ущерба, а уголовные дела по ст. 137 Уголовного

кодекса Российской Федерации («Нарушение неприкосновенности частной жизни») возбуждаются в единичных случаях. Ситуацию усугубляет отсутствие специализированных ИТ-судов и недостаток экспертов в правоохранительных органах, способных расследовать сложные киберинциденты.

Таким образом, даже при наличии формально проработанной нормативной базы защита персональных данных в России сталкивается с проблемами исполнения. Для повышения эффективности необходимы не только ужесточение санкций и модернизация инфраструктуры, но и системные изменения: внедрение рискориентированного подхода в надзоре, подготовка кадров в области кибербезопасности и усиление прозрачности деятельности госорганов в цифровой сфере.

Ключевой проблемой остается противоречие между защитой приватности и интересами бизнеса. Технологические компании, такие как «Яндекс» или VK, используют данные для персонализации услуг, но не всегда обеспечивают прозрачность их обработки. Законодательные пробелы в регулировании анонимизированных данных и алгоритмических профилей создают риски деанонимизации, что подтверждается делами утечек из соцсетей. Государству необходимо усилить требования к технологи-

ческим решениям: внедрению сквозного шифрования, обязательному аудиту систем защиты, развитию ответственных ИТ-платформ.

Перспективным направлением является гармонизация российского законодательства с нормами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где страны-участницы разрабатывают общие стандарты защиты данных. Например, в 2022 году Россия и Казахстан подписали соглашение о взаимном признании мер безопасности, что может стать основой для создания единого цифрового пространства. Однако санкционное давление и изоляция от западных технологий осложняют этот процесс, требуя ускоренного развития национальной инфраструктуры.

Таким образом, роль государства в защите персональных данных остается многогранной: от формирования законодательства до надзора и международного взаимодействия. Несмотря на прогресс в создании правовой базы, системные проблемы — недостаточная эффективность штрафов, уязвимость госсектора, конфликт суверенитета и глобализации — требуют комплексных решений, в частности принятия отдельного закона о биометрических данных, усиления технических стандартов защиты и расширения полномочий общественных организаций в контроле за обработкой ПДн.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
2. General Data Protection Regulation (GDPR) 2016/679. — URL: <https://ogdpr.eu/ru>
3. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». — URL: <https://base.garant.ru/70252506/>
4. Отчет о выполнении Плана и показателей деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в 2023 году. — URL: https://rkn.gov.ru/docs/doc_3894.pdf
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области защиты информации» от 13.01.1995. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47932/
6. Рузанова, В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект / В. Д. Рузанова // Гражданское право. — 2019. — № 6. — С. 17–20.
7. Алиев, Н. А. Понятие персональных данных на современном этапе развития общества / Н. А. Алиев // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2022. — № 2–2. — С. 93–96.
8. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. — М. : Юрид. лит., 1976. — 118 с.

Кассационное судопроизводство: правовые основы, механизмы реализации и их влияние на качество судебных решений

Бирюкова Виктория Эдуардовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автором анализируются ключевые аспекты кассационного судопроизводства, выражающиеся в правовых основах, механизмах реализации и влияния постановленных судебных решений на само качество судебных решений, а также на судебную систему в целом. Автором произведен анализ деятельности судов Седьмого кассационного округа, выявлены актуальные причины отмены и изменений судебных решений.

Ключевые слова: отмена, изменение, кассационный суд, кассационное судопроизводство, приговор, законность, обоснованность.

Нормами статьи 401.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ закреплен предмет судебного разбирательства в кассационном порядке. Установлено, что суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобам, а также представлением законность приговоров, определений или постановлений суда, вступивших в законную силу [1].

Право на обращение в суд закреплено нормами статьи 46 Конституции Российской Федерации, а также нормами статьи 401.2. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, из которых следует, что в кассационном порядке может быть обжаловано вступившее в законную силу судебное решение, которое тем или иным образом затрагивает интересы лиц, участвующих в уголовном деле [2].

Порядок рассмотрения кассационных жалоб, представлений в судах кассационной инстанции регламентирован нормами ст. 401.4–401.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Данные нормы являются основной и важной частью уголовного процесса, обеспечивают эффективный механизм пересмотра судебных решений, как вступивших, так и не вступивших в законную силу, устанавливая порядок обжалования, справедливость и состязательность в уголовном судопроизводстве.

Судебным решением, вынесенным в ходе производства по уголовному делу в суде кассационной инстанции, является определение и постановление. Кроме того, стоит понимать, что решение суда кассационной инстанции это окончательное судебное решение по делу, пересмотренному в кассационном порядке, оно выносится после проверки законности и обоснованности решений нижестоящих судов, то есть судов первой и апелляционной инстанции.

Не стоит забывать, что Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», определено два порядка производства в суде кассационной инстанции, в порядке сплошной и выборочной кассации [3].

Сплошная кассация — с назначением судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационных жалоб, представлений для их рассмотрения в судебном заседании.

Выборочная кассация — с предварительно принятым решением судьи о передаче кассационных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Тем самым, в результате рассмотрения уголовного дела суд кассационной инстанции выносит решение, которым

может быть оставлена кассационная жалоба или представление без рассмотрения, или же в обратном случае, судебное решение может быть отменено или в него могут быть внесены изменения.

В соответствии с теоретической базой, изучена отчетность о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 2023 год, а именно раздел 5, формы отчетности № 8 утвержденной Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» [4].

Так, в суды кассационной инстанции в отчетном периоде поступило 36756 дел, из которых отменены обвинительные приговоры в отношении 2310 лиц, изменены обвинительные приговоры в отношении 3456 лиц. Кроме того, из данной отчетности следует, что к основаниям отмены и изменению судебного решения в порядке как сплошной, так и выборочной кассации относятся [5]:

— существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). В порядке сплошной кассации отменено, а также изменено — 2254 судебных решения, в порядке выборочной кассации — 860 судебных решений;

— существенные нарушения только уголовного закона (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). В порядке сплошной кассации отменено, а также изменено — 3783 судебных решений, в порядке выборочной кассации — 1802 судебных решений;

— существенные нарушения только уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). В порядке сплошной кассации отменено, а также изменено — 3454 судебных решения, в порядке выборочной кассации — 2034 судебных решений;

— несоблюдение досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Основания для отмены или изменения судебного решения в порядке сплошной, а также выборочной кассации не выявлены;

— устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ (рассмотрение дела по тяжким и особо тяжким преступлениям в отсутствие подсудимого), при наличии ходатайства осужденного или его защитника (ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ). В порядке сплошной кассации отменено, а также изменено — 4 судебных решения, в порядке выборочной кассации — 7 судебных решений;

— отменены с возвращением прокурору в связи с выявленными обстоятельствами, указанными в ч.1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ (ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ). В порядке сплошной кассации отменено, а также изменено — 5 су-

дебных решений, в порядке выборочной кассации — 4 судебных решения;

— несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой, апелляционной, кассационной инстанции (ст. 389.16 УПК РФ). В порядке выборочной кассации отменено, а также изменено — 1 судебное решение, в порядке сплошной кассации такие основания не выявлены;

— несправедливость приговора (ст. 389.18 УПК РФ). В порядке выборочной кассации отменено, а также изменено — 1 судебное решение, в порядке сплошной кассации такие основания не выявлены.

Таким образом, данная статистика подтверждает тезис, что исправление судебных ошибок в системе законодательства востребовано и необходимо. Кроме того, несмотря на работу судов по устранению недостатков, проблемы с соблюдением норм материального и процессуального права, а также с установлением фактических обстоятельств дела продолжают оказывать существенное влияние на обоснованность и законность судебных решений.

Для наглядного примера целесообразным будет рассмотреть статистические данные по регионам, например по делам, находящимся в производстве Седьмого кассационного округа.

Анализ статистических данных указывает на ухудшение в 2023 году качества судебных решений. Например, в Тюменской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Ханты-Мансийском автономном округе — Югры качество судебных решений варьируется от 48,5–57,6 %.

Однако в Свердловской области, Пермском крае, Курганской области, Челябинской области качество судебных решений значительно превышает коэффициент качества и варьируется в пределах от 60,0–62, 5 %.

Стоит отметить, что в представленных данных за 2023 год о работе судов Седьмого кассационного округа, на-

блюдается высокий процент отмененных и измененных судебных решений (39,1 %) и низкий коэффициент качества принятых судьями решений (60,9 %).

Данный показатель в своей структуре свидетельствует о различных проблемах и пробелах в системе правосудия, в основном касающихся равного доступа к правосудию, а также качества оказанной юридической помощи.

Согласно статистическим данным в кассационном порядке в 2023 году Седьмым кассационным судом общей юрисдикции было рассмотрено уголовных дел и материалов, постановленных мировыми судьями и районными (городскими) судами Пермского края, в отношении 1 175 лиц.

Кассационной инстанцией было отменено и изменено судебных решений, постановленных судьями Пермского края, в отношении 374 лиц, соответственно, качество судебных решений составило 68,2 %.

Кроме того, анализ статистических данных указывает на ухудшение в 2023 году качества судебных решений не только в Пермском крае, но и в округе в целом, тем не менее, данный показатель по Пермскому краю (68,2 %) значительно превышает среднеокружной (60,9 %) [6].

Таким образом, в отчетном периоде 2023 года в судах Седьмого кассационного округа обжаловано приговоров и судебных решений в отношении 5542 лиц, всего отменено и изменено судебных решений в отношении 2168 лиц, а общий коэффициент качества составляет 60,9 %.

Анализ статистических данных указывает на низкий процент качества принятых судебных решений, выражающийся в справедливости и состязательности уголовного судопроизводства.

Кроме того, данные показатели всецело указывают на различные проблемы и пробелы в системе правосудия, которые требуют незамедлительного принятия решения и внесения соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 221.02025) // Собрание законодательства РФ;
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке;
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65 (ред. от 26.06.2024) «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке;
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год № 8 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688>;
6. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/?year=2024>.

Теоретико-правовой аспект реализации договора возмездного оказания услуг

Бодяко Ольга Николаевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

На современном этапе развития общества важную роль играют различного рода договоры, которые заключаются в совершенно разных ситуациях. Согласно Гражданскому кодексу, а именно статье 420 «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. К договорам применяются правила о двух- и многосторонних сделках, предусмотренные главой 9 Гражданского кодекса, если иное не установлено настоящим Кодексом»

В связи с событиями последних лет, например, пандемией Covid-19, широкое распространение получили договоры на оказание платной медицинской помощи, так как государственные поликлиники не могли обеспечить огромное количество пациентов своевременной медицинской помощью. Такой вид договора является разновидностью договоров возмездного оказания услуг.

Для того, чтобы более подробно изучить теоретико-правовой аспект договоров возмездного оказания услуг, необходимо для начала определить то, с какой целью они заключаются, что является объектом данных соглашений. Объектом является услуга. Среди ученых существует несколько взглядов на определение понятия «услуга». Так, например, Филип Котлер, американский экономист и маркетолог, считал, что «услуга — это любая деятельность или выгода, которую одна сторона может предложить другой, которая по своей сути является нематериальной и не приводит к получению чего-либо в собственность. Её производство может быть связано или не связано с физическим продуктом».

Кристофер Лавлок, британский ученый, определял услугу как «экономическую деятельность, которая создаёт ценность и приносит пользу клиентам в определённое время и в определённом месте в результате желаемых изменений, происходящих с получателем услуги или от его имени».

В толковом словаре С. И. Ожегова определение понятия «услуга» звучит следующим образом: «Действие, приносящее пользу, помощь другому».

В Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует определение понятия «услуга». Однако в статье 128 обозначено, что оказание услуг относится к объектам гражданских прав.

Исходя из вышеописанных определений следует, что под услугой понимается определенная деятельность, которая способна принести пользу, но является нематериальной и не предполагает получение чего-либо в собственность.

Согласно ст. 420 Гражданского кодекса договор — это соглашение двух или более лиц, направленных на воз-

никновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом есть понятие «существенных условий», которое означает, что в каждом договоре должны содержаться пункты, предусмотренные законом, и только при их наличии договор будет признан действующим. Остальная информация, содержащаяся в договоре, может быть дополнена по усмотрению сторон, осуществляющих предпринимательскую деятельность. К существенным условиям, как правило, относят предмет договора, сроки, цену, данные параметры варьируются в зависимости от квалификации договора.

Определение договора о возмездном оказании услуг приводится в статье 779 Гражданского кодекса Российской Федерации: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги».

В договоре указываются реквизиты обеих сторон, в том числе информация об адресе регистрации или фактического местонахождения Исполнителя.

Предметом договора является конкретно описанная предоставляемая услуга. Исполнитель должен действовать самостоятельно, если другие условия не предусмотрены договором.

Стоимость услуги по договору определяется на основе различных тарифов и прейскурантов. Цена устанавливается соглашением сторон. Стоит отметить, что оплата услуг по договору о предоставлении услуг на платной основе не зависит от результата.

Одним из самых важных и основных пунктов содержания договора возмездного оказания услуг является раздел, посвященный правам и обязанностям сторон.

Основное право Заказчика заключается в получении услуги надлежащего качества и, соответственно, у Заказчика есть право осуществлять контроль за ходом выполнения услуги. Благодаря этому Заказчик может влиять на итоговый результат. Заказчик может обнаружить недостатки или некачественное выполнение работ, которые будут влиять на результат исполнения. Законодательство предоставляет заказчику право продлить ранее установленные сроки для устранения выявленных недостатков.

Заказчик также обязан содействовать Исполнителю в оказании услуг в соответствии с условиями договора. Если в ходе исполнения договора Заказчик не соблюдает договоренности и прописанные обязательства, Исполнитель имеет право на возмещение убытков и понесенных расходов, которые могут быть связаны с изменением

сроков выполнения работ, простоем или увеличением стоимости.

Главной обязанностью Исполнителя является предоставление Заказчику качественных услуг в определенный срок и в полном объеме. Ещё одной обязанностью Исполнителя является своевременное уведомление Заказчика о возникновении различных проблем, которые могут отражаться на процессе предоставления услуг. Если Заказчик, несмотря на своевременное предупреждение со стороны исполнителя, не принимает необходимых мер для устранения проблем, Исполнитель имеет право отказаться от договора в одностороннем порядке и потребовать компенсацию убытков.

У Исполнителя есть право на получение своевременной оплаты своих услуг. В том случае, если Заказчик отказывается платить в срок, Исполнитель может подать иск в суд о взыскании неустойки.

При заключении договора возмездного оказания услуг необходимо заранее согласовать существенные условия. В данном случае это будет предмет договора (согласно п. 1 статьи 779 ГК РФ). Также в связи с тем, что некоторые договоры возмездного оказания услуг подчиняются нормам, регулирующим договоры подряда, необходимо согласовать срок и цену. Условие о сроке договора услуг является обязательным, если его согласования потребовала одна из сторон сделки. Если в договоре не прописаны сроки оказания услуги, ее нужно оказать в течение семи дней с даты запроса со стороны заказчика. Цена договора услуг может относиться к обязательным условиям либо в случае прямого указания закона (например, о туристических услугах), либо если его требует признать таковым одна из сторон.

В договоре должны быть конкретно прописаны действия, которые требуются от исполнителя, период, за который необходимо эти действия совершить.

Для заключения договора стороны подписывают два экземпляра. Один для заказчика, другой для исполнителя. Другим способом может являться направления оферты заказчику, а заказчик, в свою очередь должен направить в ответ акцепт. Акцепт должен быть полным и безоговорочным.

В Гражданском кодексе есть только одна статья, посвященная исполнению договора возмездного оказания услуг. Это статья 780. Договор возмездного оказания услуг считается исполненным надлежащим образом, если исполнитель выполнил все условия по соглашению лично, если иное не оговорено условиями договора.

Безусловно, это является недостатком в правовом регулировании процесса исполнения соглашений об оказании услуг на возмездной основе.

Согласно статье 309 Гражданского кодекса, обязательства по договору должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями соглашения и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Данная статья относится ко всем договорным отношениям, которые возникают между сторонами.

Обязательства по договору обычно прописываются в разделах, посвященных правам и обязанностям сторон. Статья 450 Гражданского кодекса посвящена условиям изменения и расторжения договора. Из текста статьи следует, что договор может быть расторгнут по соглашению сторон, по инициативе одной стороны или по решению суда, в случае существенного нарушения одной из сторон условий договора.

Договор также может быть расторгнут в связи с отказом одной стороны от исполнения договора. Односторонний отказ может быть совершен как до начала фактического исполнения договора, так и в процессе ее осуществления.

В случае невыполнения условий договора исполнителем заказчик может отказаться от договора и потребовать возмещения убытков. Статья 782 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет заказчику право одностороннего отказа от договора об оказании возмездных услуг, но при этом обязывает его компенсировать исполнителю фактически понесенные расходы.

Заказчик может потребовать расторжения договора, если исполнитель не выполняет свои обязательства в установленные сроки. Если Заказчик обнаружит недостатки в работе исполнителя, он должен немедленно сообщить об этом. Если Заказчик обнаружил явные недостатки в результате работы, он может сослаться на них только в том случае, если это было предусмотрено в договоре. Если же есть скрытые недостатки, которые невозможно было обнаружить в процессе работы или которые Исполнитель преднамеренно скрыл, заказчик должен уведомить Исполнителя в разумный срок после их обнаружения.

Заказчик может отказаться от выполнения условий договора только в случае возмещения Исполнителю фактически понесенных им убытков. Если же Заказчик отказывается добровольно возмещать расходы, Исполнителем может быть подан иск в суд. Такой же принцип действует и в отношении Исполнителя, который должен возместить убытки Заказчику.

Отказ от исполнения договора может быть мотивированным, т. е. иметь веские причины и основания для этого действия, либо немотивированным, т. е. отказаться от исполнения условий соглашения можно без объяснения причин.

Для расторжения договора в одностороннем порядке сторона, решившая разорвать договорные отношения, направляет в адрес другой стороны уведомление. После получения такого оповещения, договор считается расторгнутым, если условиями договора не предусмотрен иной порядок.

Условия, по которым договор подлежит расторжению и ответственность сторон в случае несоблюдения условий договора, прописаны в пункте «Ответственность сторон» или «Прочие условия».

Договор возмездного оказания услуг является двусторонним и консенсуальным. Участниками такого договора могут быть как юридические, так и физические лица.

Согласно статье 433 ГК РФ, договор возмездного оказания услуг будет иметь юридическую силу только в случае его удостоверения. Под удостоверением понимается получение акцепта на оферту.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ, договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Таким образом, было рассмотрено определение понятия «договора возмездного оказания услуг», дана его общая характеристика, а также были определены его существенные условия. Договор возмездного оказания услуг является одним из наиболее распространенных в современном мире, поэтому необходимо понимать, что он подразумевает, для чего заключается и что является его существенным условием.

Литература:

1. Статья 420 Гражданского кодекса Российской Федерации «Понятие договора» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
2. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации «Объекты гражданских прав» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
3. Статья 779 Гражданского кодекса Российской Федерации «Договор возмездного оказания услуг» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
4. Статья 433 Гражданского кодекса Российской Федерации «Момент заключения договора» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
5. Статья 782 Гражданского кодекса Российской Федерации «Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
6. Статья 309 Гражданского кодекса Российской Федерации «Общие положения» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
7. Статья 450 Гражданского кодекса Российской Федерации «Основания изменения и расторжения договора» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
8. Статья 780 Гражданского кодекса Российской Федерации «Исполнение договора возмездного оказания услуг» [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс.
9. Официальный сайт онлайн-платформы Economics Discussion — URL: <https://www.economicsdiscussion.net/service-marketing/service/32466>

Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность банка: основные риски и преимущества

Бондарев Владислав Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Белова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор рассматривает вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в российском и зарубежном правовом порядке. Основное внимание уделено преимуществам внедрения в деятельность банка технологий искусственного интеллекта (ИИ), а также рискам, которые сопровождают применение ИИ. В заключении подчеркивается важность комплексного подхода к управлению рисками для эффективного использования ИИ как инструмента повышения конкурентоспособности банка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, банковская деятельность, цифровая трансформация, риски цифровизации.

Современный мир диктует банкам совершенно новую реальность, в которой привычные способы ведения дел больше не гарантируют успеха. Стремительное развитие цифровых технологий требует от кредитных органи-

заций такой же быстрой адаптации к ним, ведь ценой промедления может стать потеря клиентов, снижение доходов.

Цифровизация давно перестала быть «модным трендом» — теперь это бесспорная необходимость, ведь

клиенты ждут быстрых услуг, мгновенных решений и прозрачной деятельности. Потому крупные банки активно инвестируют в IT-инфраструктуру, повсеместно внедряют информационные технологии в свою деятельность, развивают мобильный банкинг.

Что же такое цифровизация? Выражаясь простым языком, это перевод простых «ручных» процессов в электронный, цифровой формат. К примеру, сегодня в мобильных приложениях банков оформить кредит можно за считанные минуты, а открыть счет и вовсе за несколько секунд, нажав лишь несколько кнопок. Такой позиции по вопросу определения цифровизации придерживается и государство — в приказе Минкомсвязи от 01.08.2018 года № 428 она определена, как «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов» [1]. Одним из важнейших её цифровых продуктов является искусственный интеллект, речь о котором пойдет далее.

Не секрет, что долгое время искусственный интеллект существовал преимущественно в плоскости научных исследований, поскольку его практическое использование сдерживалось ограничениями существующей техники. Современные же компьютеры позволили обрабатывать значительно большие объёмы информации, что сделало возможным массовое внедрение и применение технологий искусственного интеллекта. Такая массовость усложняет разработку универсального и исчерпывающего определения самого понятия «искусственный интеллект», ведь область его применения стала настолько широка, что, так или иначе, охватывает все сферы общественной жизни. Мировое сообщество всё ещё не пришло к единому мнению о содержании термина, а национальное законодательство государств самостоятельно и по-своему выбирает подход к его определению. Так, складывается ситуация, в которой в разных государствах различаются границы правового регулирования ИИ.

В Канаде в проекте закона «Об искусственном интеллекте и данных» [2] предложено считать систему ИИ технологической системой, которая автономно или частично автономно обрабатывает данные, связанные с деятельностью человека, с помощью генетического алгоритма, нейронной сети, машинного обучения или другой техники, чтобы генерировать контент или принимать решения, рекомендации или прогнозы.

Региональные акты Китайской Народной Республики определяют искусственный интеллект как систему теории, методов, технологий и приложений, позволяющих моделировать и повышать когнитивные способности человека, приобретая знания и применяя их оптимальным способом.

В Соединенных Штатах Америки в «Национальной инициативе в области ИИ» [3], принятой Конгрессом США искусственный интеллект — это машинная система,

которая может, в соответствии с заданным набором определенных человеком задач, делать прогнозы, рекомендации или принимать решения, воздействуя на реальную или виртуальную среду.

Япония в «Руководящих принципах государственной политики по реализации принципов ИИ» [4] закрепила такое определение: система, разработанная на основе подхода к машинному обучению, включая контролируемое, неконтролируемое обучение (обучение с учителем и без) и обучение с подкреплением, с использованием широкого спектра методов, в том числе, глубокое обучение, и способная по заданному набору целей, определяемых человеком, генерировать прогнозы, рекомендации или принимать решения, воздействуя на реальную или виртуальную среду. Системы искусственного интеллекта предназначены для работы с различными уровнями автономности. Они включают в себя не только программное обеспечение, но и непосредственно машину, которая содержит программное обеспечение в качестве элемента.

Наряду с государствами, международные организации также по-разному формулируют понятие искусственного интеллекта. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в «Рекомендациях по искусственному интеллекту» [5] определила его, как машинную систему, которая для достижения целей на основе полученных входных данных определяет, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на реальную или виртуальную среду. Системы ИИ различаются по уровню автономности и адаптивности. В «Рекомендации об этических аспектах ИИ» [6] ЮНЕСКО системы ИИ представляют собой технологии обработки информации, которые включают модели и алгоритмы, обеспечивающие способность обучения и выполнения когнитивных задач, с получением результатов в виде прогнозной оценки и принятия решения в материальной и виртуальной среде. Данные системы обладают различной степенью автономности, используют накопленные знания, расчет корреляционных зависимостей.

В России термин «искусственный интеллект» определен Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [7], как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Технологии ИИ в документе означают «совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта». Похожее по своему прикладному, практическому характеру определение содержится в ГОСТ Р 59277–2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного ин-

теллекта» [8]: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Столь разные определения ИИ связаны со спецификой национальных традиций и культур, и, хотя некоторые различия весьма существенны, большинство определений объединяет способность систем обучаться, принимать решения в реальных и виртуальных средах. Такое разнообразие подходов отражается на правовом регулировании и распространении технологий искусственного интеллекта, что наглядно проявляется в деятельности банков.

Зачем банкам ИИ? Применение искусственного интеллекта открывает перед ними широкие возможности оптимизации внутренних процессов и улучшения качества оказываемых клиентам услуг. Попробуем подробнее рассмотреть преимущества внедрения.

Первое и самое очевидное — это скорость принятия решений: ИИ способен обрабатывать большие объёмы данных буквально за секунды, тогда как специалисту может потребоваться несколько дней на изучение и суммирование сложного объемного документа. Благодаря технологиям ИИ, банки приобретают возможность оперативно принимать важные решения, ведь нейросети, к примеру, могут мгновенно оценивать параметры кредитных заявок и подбирать индивидуальные предложения в считанные минуты. Клиенты, в свою очередь, получают круглосуточный сервис в виде интерактивных чат-ботов и голосовых помощников, отвечающих практически на любые вопросы незамедлительно и создающих впечатление непрерывного присутствия банка рядом с клиентом. Вдобавок, освобождение работников банка от выполнения рутинных процессов, позволяет им уделять больше времени стратегическим задачам. Повышение общей производительности благодаря более эффективному перераспределению ресурсов и автоматизации рутинной нагрузки — второе преимущество, которое получает банк, внедривший в свою деятельность технологии ИИ.

Ещё одно важное преимущество — это снижение операционных ошибок. Точность работы ИИ обусловлена статистической обработкой данных и соблюдением строго установленных правил. Системы не подвержены человеческому фактору как причине неточностей и просчетов.

Следует также сказать о сокращении издержек банка, ведь, как мы заметили ранее, система ИИ выполняет многие простые операции быстрее и дешевле, чем люди. Она справляется с обработкой несложных запросов клиентов, анализирует регулирующие деятельность банка законопроекты, может проверять правильность заполнения данных. Все это позволяет банку экономить ресурсы на оплату труда и перенаправлять кадры на более сложные задачи.

Однако ИИ — не универсальное средство, и его внедрение всегда сопровождается определенными рисками, которые целесообразно понимать и оценивать заранее.

Одним из основных рисков можно назвать некорректную разработку и эксплуатацию моделей искусственного интеллекта. Проблема может быть обусловлена ошибками программирования, низким качеством входных данных или неправильным применением. Такой риск выступает причиной ошибочных прогнозов ИИ, некорректной работы, и, в конечном итоге, приводит к финансовым убыткам и ухудшению качества обслуживания клиентов. Его минимизация требует от банка уделения особого внимания качеству данных, а также постоянного мониторинга работы системы ИИ. Разработка банком собственных моделей ИИ также значительно уменьшает описываемый риск, так как внутренние разработчики лучше понимают специфику деятельности, потребности и цели. К тому же, внутренний контроль над разработкой позволяет оперативно исправлять неполадки, выявленные еще на этапе тестирования технологий, достигая при этом более высокого уровня надежности и безопасности решений.

Вопросы информационной безопасности в процессе применения систем ИИ заслуживают отдельного внимания. Постоянно растущий объём информации, которая переходит в электронный формат, открывает широкие возможности для злоумышленников, стремящихся украсть персональные данные клиентов или коммерческую тайну банка. Помимо риска кражи баз данных, можно выделить и другие: утечки персональных данных, хакерские атаки, направленные на системы ИИ. Чтобы снизить риски информационной безопасности при использовании технологий искусственного интеллекта, необходимо регулярно обновлять защитное программное обеспечение, совершенствовать политику обработки данных, использовать их шифрование и организовывать обучение работников основам информационной безопасности.

Ранее в статье было отмечено, что одно из важных преимуществ внедрения ИИ для банков — это сокращение издержек за счет автоматизации процессов, выполняемых людьми. Следует обратить внимание на обратную сторону: автоматизация с помощью ИИ приводит к сокращению рабочих мест, особенно в лёгких и стандартизированных процессах. Эта проблема представляется весьма существенной и требует серьезных шагов как со стороны государства и работодателей, так и со стороны самих работников. Важен компромисс между поддержкой инновационных технологий и защитой занятости.

Итак, можно увидеть, что современные банки сталкиваются с необходимостью быстрого перехода в цифровую среду. Искусственный интеллект стал важнейшим инструментом, предоставившим банкам уникальные возможности для повышения производительности и автоматизации процессов. Однако вместе с преимуществами неизбежно появляются и риски — некоторые из них рассмотрены в статье. Исключительно грамотное управление этими рисками обеспечивает наиболее безопасную и эффективную эксплуатацию ИИ, помогает предотвращать

негативные последствия. Оптимальным подходом является внедрение ИИ с учетом возможных рисков, а не вопреки им — лишь таким образом искусственный интеллект будет не угрозой, а конкурентным преимуществом.

Литература:

1. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (дата обращения: 08.06.2025).
2. The Artificial Intelligence and Data Act (AIDA). — Текст: электронный // Government of Canada: [сайт]. — URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/innovation-better-canada/en/artificial-intelligence-and-data-act-aida-companion-document> (дата обращения: 08.06.2025).
3. National Artificial Intelligence Initiative Act. — Текст: электронный // Congress.gov: [сайт]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text> (дата обращения: 08.06.2025).
4. Governance Guidelines for Implementation of AI Principles. — Текст: электронный // meti.go.jp: [сайт]. — URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/ai_shakai_jisso/pdf/20220128_2.pdf (дата обращения: 08.06.2025).
5. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. — Текст: электронный // OECD Legal Instruments: [сайт]. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 08.06.2025).
6. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. — Текст: электронный // UNESDOC Цифровая библиотека: [сайт]. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 08.06.2025).
7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.06.2025).
8. ГОСТ Р 59277–2020 Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. — Текст: электронный // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. — URL: <https://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=229236> (дата обращения: 08.06.2025).
9. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 6. С. 23–34. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034
10. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев; Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень, 2022. — 130 с.

Психология семейного бизнеса

Букатова Юлия Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает влияние семейного бизнеса на психологическую атмосферу в семье, складывание отношений между супругами-партнерами по бизнесу, и предлагает пути решения проблем, возникающих в отношениях такого рода.

Ключевые слова: психология, бизнес, юриспруденция, семья.

В современном обществе семья играет ключевую роль в формировании экономической структуры, и государственная политика активно поддерживает данный институт. Примечательно, что семейные предприятия составляют около 74 % всех малых и средних предприятий Российской Федерации, что свидетельствует об их значительной роли в экономике страны. Торгово-Промышленная Палата Российской Федерации, как ключевой институт, отвечающий за развитие предпринимательства, активно продвигает инициативы по поддержке семейного

бизнеса, рассматривая их как важный фактор, способствующий ускорению экономического роста [1].

В целях институционализации поддержки семейного предпринимательства, ряд субъектов Российской Федерации, включая Республику Башкортостан, Рязанскую область, Владимирскую область и Камчатский край, приняли соответствующие региональные законодательные акты. Эти нормативные документы направлены на создание благоприятных условий для развития семейного бизнеса, что способствует его устойчивому росту и развитию.

Дополнительно стоит отметить, что разработка подобных инициатив продолжается и в других регионах Российской Федерации, таких как Кемеровская, Тульская и Курская области. Эти региональные инициативы являются важным элементом общей стратегии поддержки предпринимательства, направленной на укрепление экономической базы страны и повышение ее конкурентоспособности в мировой экономике.

Иными словами, семейный бизнес в России хоть и малозаметен, тем не менее, играет большую роль в экономике, занимая 74 % среднего и малого бизнеса. Но любые экономические отношения зачастую рождают проблемы внутри семьи, и зачастую они связаны с феноменом ролевого смещения, при котором выполняется функция как супруга, так и подчиненного, усугубляясь вопросом экономической составляющей. Поскольку может возникнуть вопрос, кто является хозяином бизнеса и уделяет ему большую часть времени. Этот эффект может породить межличностные конфликты, обусловленные смещением ролей и сложностями в психологическом разделении профессиональной и домашней сфер жизнедеятельности. В результате человек сталкивается с напряжением [2]. Кроме того, в результате такого смещения может начаться нарушение профессиональных границ. Это обусловлено тем, что межличностные конфликты в семейной сфере негативно влияют на эффективность рабочего процесса, приводя к игнорированию профессиональных указаний и инструкций. Человек, находясь в состоянии стресса и обиды, может искаженно воспринимать просьбы, слова и действия партнера, что только усугубит проблему.

Неумение разделять бизнес и семью в таком роде деятельности также приводит к эмоциональному выгоранию.

В процессе профессиональной деятельности человек постепенно утрачивает способность четко разграничивать профессиональные и семейные роли, что приводит к постоянной готовности к решению рабочих задач даже в неформальной обстановке. Семейный ужин может стать площадкой для обсуждения рабочих вопросов, что, в свою очередь, способствует отчуждению от супруга/супруги и формированию отношений, основанных исключительно на рабочем взаимодействии.

С точки зрения психологии, данный феномен можно рассматривать как проявление смещения личного и профессионального, что усугубляется чувством ответственности за результаты совместного труда. Это может приводить к хроническому стрессу, тревожности и, как следствие, к эмоциональному выгоранию [3].

В контексте семейного бизнеса, возникает дополнительный аспект, связанный с конфликтом поколений. Дети, не желающие продолжать семейное дело, могут испытывать давление со стороны родителей, что вызывает напряжение и может привести к разрыву отношений. Родители, в свою очередь, сталкиваются с необходимостью выбора преемника, что также может стать источником

конфликта из-за разногласий в оценке профессиональных качеств потенциальных кандидатов [4].

Данная ситуация может усугубляться чувством вины у ребенка, что в дальнейшем может привести к отчуждению и разрыву семейных связей.

Таким образом, интеграция бизнеса и семейных отношений представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий глубокого анализа с позиций психологии и социологии.

Для решения данной проблемы нужно провести разделение ролей. То есть ввести четкие границы между профессиональной деятельностью и семейной жизнью, что способствует снижению конфликтов и повышению эффективности функционирования обеих сфер.

Обеспечить открытое и прозрачное обсуждение таких аспектов, как финансовое вознаграждение, распределение обязанностей и планирование наследства, что минимизирует риск недопонимания.

Можно использовать услуг профессиональных коучей или создать специальный совет директоров для принятия объективных решений, что способствует повышению объективности управления.

Обязательно обеспечить личное пространство. Создать условия для реализации личных интересов, поддержания социальных связей и обеспечения времени для отдыха вне контекста профессиональной деятельности, что способствует улучшению психоэмоционального состояния и повышению продуктивности.

А также разработать альтернативный план развития. Провести обсуждения возможных сценариев в случае прекращения деятельности бизнеса, что позволяет минимизировать негативные последствия и обеспечить финансовую стабильность.

Можно составить «семейный договор», заверенный нотариусом, где будут четко обозначены роли супругов. Семейный договор должен четко прописывать:

1. Кто отвечает за бухгалтерию, кто за менеджмент и т. д.;
2. Как распределяется прибыль;
3. Процедуру разрешения споров.

Также можно написать завещание, чтобы решить вопрос с наследованием. Создать траст, где активы передаются в управление доверительному собственнику, который распределяет доходы между наследниками. Или заключить соглашение о преемственности, оно подписывается при жизни, определяет, кто и как унаследует роли в компании.

Еще одним вариантом является медиация или арбитраж. В договоре может быть прописано, что перед судом обязательны переговоры с нейтральным медиатором. Если медиация не даст результат, подключить корпоративный арбитраж — создание внутреннего «третейского суда» из независимых директоров или внешних экспертов.

Но стоит помнить, что даже самые продуманные юридические механизмы не заменят доверия и открытого диалога в семье.

Литература:

1. Новости ТПП РФ // Официальный сайт Торгово-промышленной палаты России. Раздел новости URL: <https://news.tpprf.ru/ru/media/5681993/>
2. Цветкова Н. А. Трансформация семейных ролей как ведущая тенденция современного этапа развития института семьи // Школа будущего. — 2018. — № 4. — С. 41–46.
3. Краснокутская, Е. В. Взаимосвязь любовной аддикции с дисфункциональными отношениями с отцом у девушек / Е. В. Краснокутская, Л. А. Костина, М. А. Сергеева [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021. — Т 9. — № 2.
4. Семейное предпринимательство как основная форма развития малого и среднего бизнеса в России. Т. В. Варкулевич, В. А. Белоглазова. Журнал «Креативная экономика», 2023, т. 17, № 8.

Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства в Российской Федерации

Валуйских Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор рассматривает современные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства в Российской Федерации. Анализируются ключевые законодательные акты, регулирующие трудовые отношения, а также выявляются основные вызовы, связанные с изменениями на рынке труда, цифровизацией экономики и демографическими тенденциями. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав работников, обеспечению равных возможностей и адаптации законодательства к новым экономическим реалиям.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство.

Правовое регулирование занятости и трудоустройства является одной из важнейших сфер государственного управления, направленной на обеспечение стабильности рынка труда, защиту прав работников и работодателей, а также создание условий для экономического развития. В Российской Федерации данная сфера регулируется рядом нормативных актов, среди которых ключевым является Трудовой кодекс Российской Федерации, а также федеральные законы и подзаконные акты. Однако динамичные изменения в экономике и обществе ставят перед законодательством новые задачи и проблемы.

Среди ключевых вызовов можно отметить недостаточную защиту прав работников в условиях экономической нестабильности, а также необходимость адаптации законодательства к новым формам занятости, возникающим в результате цифровизации. Кроме того, демографические изменения, такие как старение населения и снижение численности трудоспособного населения, требуют пересмотра подходов к регулированию занятости. В данной статье мы проанализируем актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства в Российской Федерации и предложим пути их решения.

Трудовой кодекс Российской Федерации устанавливает основные принципы трудовых отношений, включая права и обязанности сторон, условия заключения и расторжения трудовых договоров, охрану труда и социальные гарантии [1]. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032–1

регулирует вопросы содействия занятости, включая меры по поддержке безработных граждан.

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, практика применения законодательства сталкивается с рядом проблем. Во-первых, наблюдается несоответствие между формальными нормами и реальным положением дел на рынке труда. Во-вторых, растет доля неформальной занятости и самозанятости, что затрудняет защиту прав работников. Неформальная занятость постоянно развивается, становится более гибкой и постоянно адаптируется к постоянно меняющейся экономической реальности, эволюционирует с рынком труда, порождая новые формы и виды деятельности [4].

По данным официальной статистики, уровень безработицы в России находится на исторически низком уровне — 2,3 % по состоянию на декабрь 2024 года, что соответствует примерно 1,788 миллионам безработных [13]. Исторический анализ показывает значительное улучшение ситуации на рынке труда: уровень безработицы снизился с 10,5 % в 2000 году до 4,8 % в 2018 году.

Одной из главных проблем является распространение неформальной занятости — незарегистрированная деятельность, не облагаемая налогами [3]. Это приводит к снижению социальных гарантий работников и уменьшению налоговых поступлений в бюджет. Законодательство пока недостаточно эффективно борется с этим явлением.

Следующая проблема непосредственно связана с развитием цифровых технологий, которые порождают новые формы занятости — удаленную работу, фриланс, плат-

форменную экономику (экономику совместного потребления) [5]. Существующие нормы Трудового кодекса Российской Федерации не всегда адекватно регулируют такие отношения, что создает правовую неопределенность для участников рынка труда.

Экономические кризисы, такие как пандемия COVID-19, продемонстрировали слабые места существующих систем правового регулирования занятости [8]. Законы, касающиеся увольнений, трудовых отношений и защиты работающих, оказались недостаточно гибкими для быстрого реагирования на такие изменения. «Необходимость введения временных мер поддержки работников и работодателей стала очевидной».

Пандемия COVID-19 значительно ускорила переход к удаленной работе, что потребовало адаптации правового регулирования. Основные проблемы включают:

— Техностресс и конфликты между работой и личной жизнью.

— Необходимость развития цифровой инфраструктуры.

— Вопросы компенсации расходов на организацию удаленного рабочего места.

Также одной из ключевых проблем является снижение численности трудоспособного населения требует адаптации законодательства к новым демографическим реалиям — стимулированию продолжения трудовой деятельности пожилых граждан и созданию условий для их социальной защиты [6].

Экономические кризисы усиливают риски увольнений и сокращений штата. Законодательство предусматривает определенные гарантии при массовых увольнениях (статья 81 Трудового кодекса Российской Федерации), однако на практике работники часто сталкиваются с нарушениями своих прав [7].

Для эффективного решения проблем правового регулирования занятости в России необходимо разработать комплексный подход, включающий следующие направления:

1. Адаптация законодательства к новым формам занятости.

— Упорядочивание понятийного аппарата, используемого в сфере регулирования дистанционной работы, путем разъяснения трех ключевых понятий: дистанционная (удаленная) работа, дистанционная (удаленная) работа, комбинированная дистанционная (удаленная) работа.

— Исключение из раздела Трудового кодекса по дистанционной работе ряда избыточных и уже устаревших норм, а также норм, не являющихся предметом трудового законодательства. Так, меняется положение о том, что для предоставления обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с мате-

ринством дистанционный работник направляет работодателю исключительно оригиналы документов, предусмотренных российским законодательством, по почте заказным письмом с уведомлением. Изменяются нормы, связанные с трудовой книжкой [14].

2. Усиление контроля за соблюдением трудовых прав.

Внедрение информационных технологий в контрольно-надзорную деятельность труда для обеспечения создания условий снижения случаев нарушения трудового законодательства, повышения эффективности федерального надзора в сфере труда, улучшения условий труда работников и формирования заинтересованности работодателей в соблюдении трудового законодательства [9].

3. Разработка условий по легализации неформальной занятости.

Улучшение и создание новых условий, направленных на стимулирование предпринимательской деятельности (кредитование, снижение и перераспределение налоговой нагрузки), что может привести к оздоровлению рынка труда [10].

4. Разработка механизмов защиты прав работников в условиях кризиса.

Использование экономических механизмов поддержки занятости (модернизация структуры, видов и форм занятости, поддержка создания новых рабочих мест, финансирование проектов по созданию новых рабочих мест и др.) [11].

5. Интеграция цифровых технологий в процесс трудоустройства.

Использование цифровых платформ является оптимальным вариантом для поиска и предоставления работы благодаря своей доступности, скорости и широкому выбору вакансий [12].

Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства в Российской Федерации требуют комплексного подхода к их решению. Современные вызовы — от неформальной занятости до изменений на рынке труда в результате цифровизации — ставят перед законодательством новые задачи. Для обеспечения эффективной защиты прав работников необходимо адаптировать существующее законодательство к новым экономическим реалиям, улучшить механизмы контроля за соблюдением трудовых норм и повысить уровень информированности граждан о своих правах.

Только через совместные усилия государства, работодателей и профсоюзов можно создать устойчивую систему защиты прав работников и обеспечить стабильность на рынке труда в Российской Федерации. Важно помнить, что успешное решение этих задач будет способствовать не только улучшению условий труда граждан, но и общему экономическому развитию страны.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1.

2. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» № 1032-1 от 19 апреля 1991 г.
3. Исраилов М. В., Джабраилова Л. Х. Проблемы неформальной занятости в регионе // Российское предпринимательство, № 10 (232).
4. Кушбин Е. С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 521–534. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.4.8
5. Остапенко В. А., Морозова И. М., Казанцева Н. В. Развитие новых форм занятости в условиях цифровой трансформации экономики // E-Management. 2022. Т. 5, № 3. С. 64–72.
6. Сеница А. Л. Численность населения в трудоспособном возрасте в России и возможные ответы на ее снижение // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — Т.13, № 11. — С. 2005–2017.
7. Обухова Г. Н. Вестник Омского университета. Серия «Право». № 2 (39). С. 129–134.
8. Копыток В. К., Кузьмина Ю. В. Безработица времен COVID-19: что могут рассказать административные данные? / Центр перспективных управленческих решений. — М.: ЦПУР — 38 с. — (Исследования по вопросам государственного управления. — 2021 — Вып. 06).
9. Щербак А. П. Реформа контрольно-надзорной деятельности как инструмент совершенствования контрольно-надзорной деятельности в сфере труда на современном этапе. Вопросы студенческой науки, № 4 (68). 2022.
10. Некипелова Д. В. Подходы к регулированию неформальной занятости: теория и практика. С. 75–99. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-7-75-99.
11. Яни А. В. Теоретико-методологические аспекты механизма регулирования занятости населения в условиях социально-экономической нестабильности // Креативная экономика. — 2021. Том 15. — № 2. — С. 427–442. DOI:10.18334/ce.15.2.111665.
12. Кашпурова О. В., Кононов Е. А. Интернет как средство поиска работы и персонала // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 11–2 (86). 2023. С. 85–89. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-2-85-89.
13. Сайт Trading Economics URL: <https://tradingeconomics.com/russia/unemployment-rate#:~:text=Russia's unemployment rate stood,unemployed people fell to>.
14. Кобякова О. С., Стародубов В. И., Кадыров Ф. Н., Обухова О. В., Базарова И. Н., Ендовицкая Ю. В., Чилилов А. М. Развитие удаленных (дистанционных) форм трудовой деятельности в здравоохранении. 2021. С. 6–7.

Понятие, содержание, правовая природа деятельного раскаяния

Веснина Виктория Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Минин Роман Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Тюменский государственный университет

В статье автор исследует институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Обращает внимание на различные подходы к пониманию данного института. Также в статье приводится статистика применения на практике основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием за последние годы.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, основания освобождения от уголовной ответственности, деятельное раскаяние.

Реализация уголовной ответственности возможно только после вынесения обвинительного приговора суда.

Лицо, совершившее преступление, в определенных случаях может быть освобождено от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от применения карательных мер к лицу, совершившему общественно-опасное деяние.

Данный институт освобождения от уголовной ответственности может быть применен не всегда.

Уголовный Кодекс РФ содержит в себе главу 11, которая предусматривает различные основания освобождения от уголовной ответственности.

В данном случае мы рассмотрим более подробно основание освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Уголовный Кодекс РФ не содержит понятие деятельного раскаяния. Данный вид освобождения от уголовной ответственности предусмотрен в статье 75 УК РФ, где прописано, что «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим

преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным» [5].

Из формулировки вышеуказанной нормы могут возникнуть следующие вопросы: необходимо ли выполнение всех перечисленных в норме действий или достаточно выполнить лишь одно или несколько; что значит иным образом загладило вред, причиненный преступлением; из чего может следовать факт утраты общественной опасности совершенного деяния.

Точное определение деятельного раскаяния не содержится в нормах уголовного закона. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» гласит «освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее содействие лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» [2].

Из данного положения следует ответ на один из задаваемых вопросов, а именно, то, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при выполнении как всех, так и ряда действий, перечисленных в ч. 1 ст. 75 Уголовного кодекса РФ.

Обратимся к судебной практике, которая также подтверждает данное суждение.

Постановлением Третьего Кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2022 года решения суда первой и апелляционной инстанции в части применения ст. 28 УПК РФ оставлены без изменения.

В своих доводах в кассационной жалобе потерпевший оспаривает выводы судов о том, что со стороны осужденного Куяла В. Э. выполнены не все условия, предусмотренные ч. 1 ст. 75 УК РФ, для прекращения уголовного дела в виду деятельного раскаяния. Отмечает, что добровольно с повинной Куяла В. Э. не являлся, раскрытию и расследованию преступления не способствовал, с предъявленным обвинением в полном объеме не согласился, моральный вред возместил частично, также указывает на то, что суд не учел его мнение о несогласии на прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. На что суд Кассационной инстанции в своем решении указывает, что «отсутствие в деле надлежащим образом оформленной явки с повинной, а также несогласие потерпевшего с прекращением уголовного дела в соответствии со ст. 75 УК РФ не препятствует суду в принятии такого решения» [3].

К вопросу о том, какие же действия следует расценивать как заглаживание вреда. Обратимся так же к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19,

где говорится: «Под заглаживанием вреда (часть 1 статьи 75, статья 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц» [2].

В своем определении от 27 сентября 2021 года Второй кассационный суд общей юрисдикции указывает: «...заглаживание вреда должно производиться в результате активных действий виновного лица. ...признание вины, раскаяние в содеянном, предоставление ранее неизвестной информации органам следствия не свидетельствуют о каких-либо действиях, предпринятых обвиняемым с целью заглаживания причиненного вреда. Данные обстоятельства суд может учитывать в качестве смягчающих наказание либо рассматривать как основания для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием на основании ст. 28 УПК РФ» [4].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации основание освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием применялось судами первой инстанции в 2021 году — 11 606 раз, в 2022 году — 12 147 раз, в 2023 году — 10 611 раз и в первом полугодии 2024 года — 4558 раз. Также стоит отметить, что согласно изученной статистики указанное основание освобождения от уголовной ответственности занимает второе место среди других оснований освобождения, уступая освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Согласно указанным данным мы видим тенденцию сохранения актуальности данного института освобождения от уголовной ответственности.

Следует отметить, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием может применяться как на стадии досудебного производства, так и в ходе производства в суде.

Можно ли рассматривать каждое действие, перечисленное в ч.1 ст. 75 как самостоятельное условие освобождения от уголовной ответственности? Нет, так как самостоятельно указанные действия можно рассматривать как смягчающие вину обстоятельства при назначении наказания судом. Также данный факт подтверждается тем, как построена сама ч.1 ст. 75 УК РФ. В данной норме действия, которые необходимо выполнить, перечислены через запятую, союз «или» не используются в данной конструкции. [1, стр.30].

Например, признание вины, как самостоятельное смягчающее наказание обстоятельство, является частью деятельного раскаяния. Поскольку признание вины — это факт осознания лицом совершенного деяния и подтверждение, что это противоправное деяние действительно было совершено соответствующим лицом. Деятельное

раскаяние содержит в себе психические аспекты, которые выражаются не только во внутренних переживаниях человека от совершенного деяния, но и в активных действиях, которые направлены на исправление случившегося и последствий.

В уголовном законе нет единого определения понятию деятельное раскаяние, в связи с чем в научной литературе ученые дают свои определения данному правовому явлению.

Так, по мнению Е. Л. Забарчука «деятельное раскаяние предусмотренные уголовным законом общественно полезные, активные, добровольные действия лица, совершившего преступление, выразившиеся в конкретных формах, сочетание которых дает вывод об утрате лицом общественной опасности либо ее снижении» [7, стр.8].

По мнению О. Е. Терновой, деятельное раскаяние трактуется как «субъективные переживания, приводящие

к переоценке виновным своего поведения и изменению его отрицательных установок на положительные или нейтральные» [8, стр. 20].

Авторы каждый в своем определении понятия деятельного раскаяния уделяют внимание либо объективным либо субъективным признакам деятельного раскаяния. Отсюда можно сделать вывод, что данное понятие включает в себя как субъективные, так и объективные признаки. Возникает вопрос, какие из указанных признаков более важны при применении основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Данные признаки должны оцениваться в совокупности, лишь наличие хотя бы в части и тех и других признаков могут свидетельствовать о деятельном раскаянии и тогда шанс применения органами дознания, следствия или суда рассматриваемого основания будет намного выше.

Литература:

1. Густова Э. В., Осипов В. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: проблемы теории и практики // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 26–32.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».
3. Постановление Третьего Кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2022 года по уголовному делу № 77–2643/2022. URL: <https://3kas.sudrf.ru>
4. Постановление Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2021 года по уголовному делу № 77–2643/2022. URL: <https://2kas.sudrf.ru>
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025).
6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
7. Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: Дис. канд. юрид. наук. — Москва, 2006. С. 8.
8. Терновая О. Е. Освобождение от уголовной ответственности как форма поощрения за позитивное постпреступное поведение: автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 20.

Методы борьбы с коррупцией в судебной системе

Гужина Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Лавринов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский филиал Российской таможенной академии

Статья рассматривает различные методы борьбы с коррупцией в судебной системе, включая профилактические меры, такие как повышение заработной платы судей, ужесточение наказания за коррупционные преступления и повышение прозрачности судебных процессов. В статье также обсуждаются методы обнаружения и расследования коррупции, такие как создание независимых антикоррупционных органов и использование информационных технологий для отслеживания коррупционных сделок.

Ключевые слова: коррупция, правовые источники, судебная система, правовая помощь, судебные аппараты, Федеральный закон «О противодействии коррупции», методы, статистика, прогнозы, негативное социальное явление.

Коррупция — это уникальное явление, которое затрагивает все сферы жизни общества будь то «благодарность» врачу за хорошо проведенную операцию, либо

же подкуп таможенного работника для быстрого проведения досмотра. В литературе существует довольно-таки много статей и исследований, которые показывают в про-

центном соотношении? в каких сферах коррупция наиболее распространена [9]. Исследовав различные литературные источники, а также данные МВД РФ можно утверждать, что коррупция более развита в следующих направлениях:

1. финансово-кредитная сфера;
2. сфера освоения бюджетных средств и потребительского рынка;
3. медицинская сфера;
4. сфера строительства;
5. судебные органы власти;
6. сфера транспорта и жилищно-коммунального хозяйства.

Все вышеперечисленные сферы очень важны для общества, но некоторые из них могут контролировать другие.

Для Российской Федерации сравнительное изучение опыта оказания правовой помощи в борьбе с коррупцией интересно тем, что позволяет найти наиболее оптимальные решения проблемы борьбы с коррупцией в государственных учреждениях, особенно в судах, в соответствующих условиях. Одним из основных направлений современной государственной политики является совершенствование системы государственного управления и принятие эффективных мер по противодействию коррупции в органах государственной власти. В Российской Федерации в соответствии со статьей 11 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) урегулирование конфликта интересов в органах государственной власти возлагается на государственных служащих, в том числе судей и работников аппаратов судов.

Коррупция в судебной системе представляет собой широко распространённую и серьёзную проблему в многочисленных странах мира. Она наносит непоправимый ущерб авторитету судов и способствует безнаказанности, поскольку подрывает принципы эффективного управления правосудием. Любые проявления коррупции в судебной системе, как единичные случаи, так и систематические явления, вызывают глубокую озабоченность, поскольку прямо противоречат верховенству закона и способности судебной власти защищать права и законные интересы граждан. Подобная практика разрушает доверие общества к правовой системе в целом. Коррупция в судах не является новым явлением. Исторические документы свидетельствуют о её существовании ещё с IX века, когда в Древнерусском государстве была введена система «кормлений», порождавшая условия для взяточничества [10]. К XV веку коррупция приобрела системный характер и получила определённую классификацию: «мздоимство» — получение взятки за законные действия, и «лихоимство» — получение взятки за совершение незаконных действий. Первые попытки борьбы с коррупцией были предприняты Иваном III, который запретил судьям брать взятки. Иван Грозный ввёл смертную казнь за взяточничество, а Соборное Уложение 1649 года закрепило жёсткие наказания за различные виды коррупционных преступ-

лений в судебной системе [8]. По статистике наибольшему коррупционному влиянию подлежат районные суды, так как по их подсудности рассматриваются наибольшее количество гражданских, уголовных и административных дел [11]. Самым громким делом о взяточничестве судей в районных судах является дело бывшего председателя Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону Алексея Куделина. На бывшего главу Ленинского районного суда Алексея Куделина завели уголовное дело о получении взятки. Разрешение на его арест у Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) запрашивал председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин. Алексей Куделин занимал должность с июля 2019 года. Следователи подозревали его в трёх эпизодах получения взятки в особо крупном размере — то есть, более одного миллиона рублей в каждом из этих случаев [12]. По данным портала «Право.Ру», на заседании ВККС была озвучена схема, в следствии которой, по версии следователей, выносились «нужные» судебные решения. В частности, подозреваемые получали более мягкую меру пресечения. Например, вместо ареста в СИЗО назначался домашний арест. Стоила услуга, по версии следователей, пять миллионов рублей. Решения, как уточняет портал, согласовывались с Еленой Золотарёвой. ВККС согласовала арест бывшего судьи. Как сообщило в сентябре 2024 года информационное агентство ТАСС со ссылкой на источники в силовых структурах, Алексея Куделина этапировали в московское СИЗО.

В 2023–2024 году произошли массовые «чистки» судебных аппаратов, что в свою очередь усилило недоверие граждан не только к суду, но и к закону в целом. Всё началось с ареста бывшего председателя Ростовского областного суда Елены Золотаревой которая по данным СК РФ получила четыре взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК), а еще две — в крупном (ч. 5 ст. 290 УК), ее заместителю Юровой достались по два особо крупных и крупных подношения. Кроме того, она выступала посредником (ч. 4 ст. 291.1 УК РФ) при передаче взятки председателю суда.

Ситуация, которая возникла в нынешнее время в судебной системе показывает, что законы, которые должны «не допускать» этого, просто не соблюдаются. Исходя из нынешней ситуации можно выделить ряд причин, по которым она могла возникнуть:

1. чувство безнаказанности;
2. «кумовство»;
3. отсутствие возможности решить вопросы без «взятничества»;
4. отсутствие карьерного роста без «нужных связей»
5. закрытость судебного аппарата и. т.д.

Многие научные авторы предлагают различные методы борьбы с коррупцией, но они в основном все имеют «теоретический аспект». На взгляд автора методы борьбы с коррупцией в судебной системе должны иметь «практический» характер, например:

— Установление чёткой системы ответственности и ограничений для государственных служащих, в том числе судей, является важнейшим принципом обеспечения про-

зрочности и беспристрастности их деятельности. В частности, должностные лица обязаны информировать о намерении осуществлять дополнительную оплачиваемую деятельность, о получении подарков или других привилегий, а также о возникновении конфликта интересов при исполнении своих обязанностей. Кроме того, они должны представлять достоверные сведения о своих доходах, расходах, имуществе и финансовых обязательствах [6, 13].

— Мониторинг средств массовой информации. Необходимо осуществлять постоянный мониторинг публикаций в средствах массовой информации с целью выявления сообщений о фактах коррупции в судебной системе. При выявлении таких сообщений, важно провести тщательную проверку опубликованных сведений и принять адекватные меры реагирования в соответствии с законодательством и установленными процедурами.

— На официальном сайте суда создан специальный раздел, посвящённый борьбе с коррупцией. В этом разделе публикуются действующие нормативные акты в об-

ласти противодействия коррупции, методические материалы, данные о доходах и расходах, а также другая необходимая информация.

— Использование средств массовой информации, таких как художественные и документальные фильмы, радио- и телепередачи, играет важную роль в формировании общественного мнения по вопросам противодействия коррупции. Данные средства способствуют активному неприятию различных форм коррупции, повышению престижа государственной службы и пропаганде соблюдения антикоррупционных норм [14].

Но даже если все эти методы будут соблюдаться, главным фактором всё равно останется человек. Если сознание работников судебного аппарата в конечном итоге не изменится, то вероятность снижения коррупции достаточно низка. Необходимо работать с мышлением уже устоявшихся судей и нового поколения юристов, от которых в будущем будет зависеть роль коррупции не только в судебной системе, но и в обществе в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495137&dst=100001#iEitjnUWZPHEzZH71> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета от 31 мая 2003 года, № 104. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19524>
3. Алимпеев С. А. Особенности общесоциального предупреждения коррупционных правонарушений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 106–110. <https://elibrary.ru/qqtooe>. (дата обращения: 10.01.2025).
4. Коррупция: от общественного осуждения к общественному противодействию. Материалы антикоррупционного проекта «Чистая совесть». Владивосток. <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2022/02/polyakova-tn-2018.pdf>. (дата обращения: 11.01.2025).
5. Лахман А. Г. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы правопонимания // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 1 (62). С. 100–109. <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-i-protivodeystvie-korrupsiiproblemy-pravoponimaniya>. (дата обращения: 10.01.2025).
6. Луньков А. С. Коррупция в общественных институтах разного типа. Социально-философский анализ // Актуальные проблемы научного правительства государственной политики Российской Федерации в области противодействия реформе. Екатеринбург, № 1. С. 216–223. <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sotsialnyh-institutah-raznogo-tipa-sotsialno-filosofskii-analiz>.
7. Новый этап реализации государственной стратегии противодействия коррупции. — Среднерусский вестник общественных наук 2016 ВАК — <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-etap-realizatsii-gosudarstvennoy-strategii-protivodeystviya-korrupsi>. (дата обращения: 12.01.2025).
8. Ягодин Р. С., Волков П. А. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. № 2. С. 259–264. <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsi> (дата обращения: 11.01.2025).
9. Астафьева Т. А. Международно-правовой опыт борьбы с коррупцией. // Молодые юристы — науке и практике. Владивосток, 2020
10. Антикоррупционная политика / Под ред. Г. А. Сатарова — М.: Фонд ИНДЕМ, РА «СПАС», 2022
11. Статистика коррупционных преступлений [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 11.01.2025).
12. Лахман А. Г. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы право понимания // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 1 (62). С. 100–109. <https://elibrary.ru/pyadbb>. (дата обращения: 10.01.2025).
13. Асташина Е. Е. Противодействие коррупции через образование (методические материалы). — Самара, 2021 (дата обращения: 11.01.2025).
14. Позднякова Е. В. Административно-правовая трансформатика: защита безопасности граждан и профилактика коррупции: монография. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. — 142 с. (дата обращения: 12.01.2025).

Правовое регулирование банкротства корпораций в Российской Федерации: история развития и направления совершенствования

Гунич Олеся Олеговна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Основным законом, регулирующим несостоятельность юридических и физических лиц в России, является Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в который с момента его вступления в силу 26 октября 2002 года неоднократно вносились изменения.

В конце декабря 2008 г. были приняты дальнейшие реформы, включая положения об администраторах банкротства, приоритетах платежей, правах обеспеченных кредиторов, обращении взыскания на обеспечение во время банкротств и уплате налогов.

Вероятно, самое значительное изменение российского законодательства о несостоятельности до принятия в 2002 г. Закона «О банкротстве» произошло с принятием поправок в законодательство 1998 г., которое заменило закон о банкротстве 1992 г. Закон 1992 г. сам по себе был новым правовым режимом, установленным после распада бывшего Советского Союза.

Поправки 1998 г. вызвали живой интерес как у средств массовой информации, так и у ученых-юристов, поскольку они были провозглашены фундаментальной реформой законов о банкротстве, которая позволяла должникам до принятия поправок накапливать непреодолимые долги, которые оставляли очень мало средств для распределения.

Прежние законы подвергались критике как слишком благоприятные для должников, позволяющие более слабым компаниям продолжать финансировать свои испытывающие трудности операции, не платя кредиторам. Тем самым, многие российские эксперты по экономике и неплатежеспособности утверждали, что законы о банкротстве способствовали крупным неплатежам, которые должникам позволялось накапливать до того, как они были объявлены банкротами.

Отличительной чертой поправок 1998 г. и темой большей части дискуссий была надежда на новый экономический прагматизм в отношении закона «о банкротстве», который поможет модернизировать экономику.

В то время в России существовал уровень неплатежей, который угрожал жизнеспособности экономики, и сторонники реформ считали, что законы о банкротстве слишком мягки к неплатежеспособным должникам.

В апреле 2009 г. были внесены дополнительные поправки, которые включали положения о субсидиарной ответственности перед третьими лицами при банкротстве; более низкие пороги добровольного банкротства; правила урегулирования конфликтов между субъектами хозяйствования; и положения, касающиеся инструментов судебного разбирательства по делам о банкротстве, таких

как действия по предотвращению, используемые для возврата активов в конкурсную массу (например, иски о преференциях или мошеннические передачи).

30 июля 2017 г. в Закон «О банкротстве» были внесены существенные изменения, касающиеся субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Эти и другие последующие поправки к российскому Закону «О банкротстве» были призваны усовершенствовать практическое применение его положений и предотвратить предполагаемые злоупотребления со стороны акционеров.

Существуют различные законы, которые устанавливают нормы финансового оздоровления и неплатежеспособности компаний, помимо Закона о несостоятельности. Например, в процессуальном кодексе содержатся правила, которые регулируют процесс рассмотрения дел о неплатежеспособности компании арбитражными судами.

Законодательство о несостоятельности и процедуры неплатежеспособности в РФ имеют тенденцию скорее ликвидировать обанкротившийся бизнес, чем восстанавливать платежеспособность должника. Тем самым, наиболее используемой процедурой банкротства является конкурсное производство, а не финансовое оздоровление и внешнее управление, направленное на поддержку и восстановление бизнеса должника. Одной из причин такого акцента на конкурсном управлении является то, что кредиторам предоставлена широкая свобода действий в выборе процедуры несостоятельности, которая будет применяться к должнику. Таким образом, в большинстве случаев основной целью производства по делу о несостоятельности является продажа имущества должника и удовлетворение требований кредиторов.

Сделать вывод о том, что Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» имеет множество недоработок, можно на примере судебной практики, и постоянных поправок в данное законодательство. Ниже рассмотрим статистику с портала «Федресурс» о введении судами процедур банкротства за 2023 г.

Таким образом, исходя из данных статистики можно отметить, что в период с января по сентябрь 2023 г. количество банкротств сократилось на 29,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. и составило 5071 случаев. В то же время число наблюдений увеличилось на 28 % до 5555 случаев в те же периоды. В сравнении с предпандемическим периодом (9 месяцев 2019 г.) количество конкурсных производств уменьшилось на 44,4 %, а число наблюдений снизилось на 25,2 % за 9 месяцев 2023 г.

Количество намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве компаний в январе-сентябре

Таблица 1. Количество сообщений о введении судами процедур в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств

Мес/Год	Открытие конкурсного производства	О введении наблюдения	О введении внешнего управления	О введении финансового оздоровления
Январь/ 2023	364	494	2	1
Февраль/ 2023	478	621	5	-
Март/ 2023	525	691	6	-
Апрель/ 2023	519	662	6	-
Май/ 2023	523	624	7	-
Июнь/ 2023	706	634	5	3
Июль/ 2023	595	642	10	3
Август/ 2023	689	603	9	1
Сентябрь/ 2023	672	584	10	1
Янв-сен/ 2023	5071	5555	60	9
Янв-сен/ 2022	7220	4333	113	7

2023 г. составило 23519 случаев, что в 2,9 раза больше, чем в аналогичном периоде 2022 г.

Такой рост числа наблюдений и намерений кредиторов объясняется действием моратория на инициирование новых дел о банкротстве кредиторами в значительной части 2022 г. Кроме того, внесудебная реструктуризация долгов оказалась эффективной альтернативой банкротству. Государственная поддержка экономики и инфраструктурные изменения в банкротной отрасли также сыграли свою роль в стабильности компаний. В результате, доля процедур, инициированных конкурсными кредиторами, увеличилась до 77,6 % в январе-сентябре 2023 г. по сравнению с 66,8 % в аналогичном периоде 2022 г. Доля ФНС России как заявителя снизилась до 13,4 % (по сравнению с 24,1 % в те же периоды). Должники по собственной инициативе начали свое банкротство в 8,6 % случаев, а работники инициировали 0,4 % дел.

Количество реструктуризаций (внешних управлений и финансовых оздоровлений) составило 69 случаев за 9 месяцев 2023 г. (по сравнению с 120 случаями в аналогичном периоде 2022 г.), и их доля упала до 1,3 % от общего числа процедур, кроме наблюдения, с 1,6 % в те же периоды.

Из-за отсутствия законодательного закрепления основной юридической цели несостоятельности (банкротства), ее определение является спорным в современной и правовой литературе.

В указанной связи, М. В. Телюкина указывает на две равнозначные цели конкурсного права: «восстановительную (восстановление платежеспособности должника) и ликвидационную (исключение неплатежеспособных должников из экономического оборота), которые направлены в конечном счете на удовлетворение требований кредиторов в максимально возможном объеме» [1].

По мнению Е. А. Колинченко: «к настоящему моменту реабилитационные процедуры стоят во главе угла процедур банкротства фактически всех развитых правовых систем; на современном этапе помимо справедливого удовлетворения кредиторов другой, не менее

важной целью производства по делу о несостоятельности является восстановление платежеспособности должника» [2].

Е. Г. Дорохина указывает, что: «основной целью правового регулирования несостоятельности (банкротства) является установление правил, позволяющих обеспечить максимальное удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника на принципах очередности и пропорциональности» [3].

Ликвидация юридического лица проходит либо добровольно, либо принудительно, так же существует внесудебный порядок, который может быть осуществлён налоговым органом.

В случае, если задолженность превышает 300 000 рублей и не погашается в течение трех месяцев, принудительная ликвидация за счет средств кредиторов начинается. Добровольная ликвидация организации может быть проведена в любое время в течение ее существования. Налоговый орган проводит внесудебную ликвидацию в случае неисполнения обязательств по налоговой отчетности. При банкротстве юридического лица применяются следующие процедуры:

— Наблюдение — процедура неплатежеспособности, применяемая к должнику с целью сохранения его имущества, анализа его финансового положения, подготовки реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов. По общему правилу процедура наблюдения является первой и обязательной стадией производства по делу о несостоятельности.

— Финансовое оздоровление — процедура неплатежеспособности, применяемая к должнику с целью восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с утвержденным графиком погашения задолженности. Финансовое оздоровление длится не более двух лет.

— Внешнее управление — процедура неплатежеспособности, применяемая к должнику с целью восстановления его платежеспособности. Обычно внешнее управление в суде устанавливается по решению собрания

кредиторов. В начале действия внешнего управления установлен срок до 18 месяцев, который может быть увеличен на шесть месяцев. Общий период внешнего управления и финансового оздоровления не должен превышать двух лет.

— Конкурсное производство — применяется к должнику, уже признанным банкротом с целью реализации имущества должника для погашения требований кредиторов.

— Мировое соглашение. Процедура, применяемая в деле о банкротстве с целью достижения соглашения должника с кредитором, на любых этапах процедуры банкротства. Кредиторы могут принять решение о мировом урегулировании на собрании кредиторов. Это решение принимается простым большинством голосов существующих необеспеченных кредиторов при условии, что все обеспеченные кредиторы проголосуют за мировое соглашение [4].

Еще одной особенностью дел о банкротстве юридических лиц (корпораций) в РФ является то, что они часто используются для взыскания задолженности независимо от платежеспособности должника. Причиной этого является то, что законодательство о неплатежеспособности предоставляет кредиторам больший контроль над процедурой реализации имущества должника и включает в себя инструменты взыскания активов, в том числе возвратные взыскания, в отличие от общей исполнительской процедуры. Кроме того, общая процедура принудительного исполнения осуществляется государственными судебными приставами, которые нередко действуют медленно и неэффективно, в отличие от управляющих по делам о несостоятельности, которых обычно выбирают кредиторы.

Кредиторы имеют широкую свободу действий при принятии решения о процедуре продажи или присвоения активов и сделать его более гибким и отвечать их потребностям. Например, они могут решить продать активы одним лотом и, если они не будут проданы, продать их по частям.

Поправки к Закону о неплатежеспособности, внесенные в ответ на пандемию Covid-19, предусматривают упрощенную процедуру утверждения мировых соглашений, если производство по делу о неплатежеспособности защищаемого лица начинается в течение трех месяцев после прекращения действия моратория.

В таких случаях мировые соглашения должны быть одобрены 50 % кредиторов защищенного должника, присутствующих на собрании кредиторов, и всеми обеспеченными кредиторами, присутствующими на собрании кредиторов (а не 50 % всех зарегистрированных кредиторов и всех обеспеченных кредиторов). Кроме того, кредитор может утвердить конкретные условия мирового соглашения с защищенным должником в течение периода моратория, и это будет действительным одобрением мирового соглашения в случае неплатежеспособности защищенного должника.

Поправки к Закону о несостоятельности, направленные на преодоление кризиса COVID-19, также ввели новые правила, регулирующие реструктуризацию долга защищенных должников. Согласно поправкам, компания-должник, подавшая заявление о неплатежеспособности в период действия моратория, может подать заявление об утверждении плана реструктуризации после введения судом первой процедуры банкротства и проведения первого собрания кредиторов.

Тем самым, проведя анализ становления законодательства в области несостоятельности (банкротства) можно выделить определенную этапность, представим её в таблице 2.

Анализируя правовую базу, регулиующую несостоятельность юридических лиц, можно выявить как благоприятные, так и неблагоприятные тенденции.

Положительным моментом является то, что Закон о банкротстве ускоряет процесс создания юридического лица и обеспечивает своевременное выполнение руководителями своих обязанностей. В тех случаях, когда компания работает добросовестно, долги погашаются после уведомления, что гарантирует непрерывность корпоративной деятельности. Тем самым, это подчеркивает роль процедур банкротства в регулировании взаимодействия юридических лиц и государственных органов. И наоборот, необходимо признать отрицательные аспекты.

Предприниматели часто инициируют процедуру банкротства задолго до фактического роспуска компании, а некоторые организации создаются намеренно с целью использования несправедливых преимуществ. Следовательно, кредиторы обязаны следовать ряду общепринятых практики для восстановления своих судебных прав, включая обращение в суд, посредничество в спорах вне суда и, при необходимости, обращение в Арбитражные суды. Судебная практика отражает тенденцию к тому, что суды отдают предпочтение мерам банкротства, а не механизмам мониторинга. В идеале должно быть больше возможностей дать должникам время для восстановления своей финансовой стабильности и платежеспособности. Примечательно, что возложение субсидиарных обязательств на руководителей создает проблемы из-за возможных изменений в управленческом составе с течением времени, что усложняет выявление лиц, ответственных за преднамеренную неплатежеспособность организации.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что государство пытается защитить малый и средний бизнес путем внесения изменений в законодательство и реализации мер по поддержке юридических лиц. Однако недобросовестные корпорации пользуются этими мерами, нанося вред честным организациям. На сегодняшний день институт банкротства прочно укрепился, и это означает, что учредители могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности. Важно отметить, что активные усилия направлены на поддержку честных компаний и общей экономики страны.

Таблица 2. Этапы становления законодательства в области несостоятельности (банкротства)

Этап	Период	Регулирование	Характеристика и сложности
I этап. Становление законодательства о несостоятельности.	1992 г.	Закон РФ от 19.11.1992 года № 3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»	Основные понятия в сфере несостоятельности, виды процедур. Сложности в доказывании превышения обязательств над стоимостью имущества должника при наличии неудовлетворительной структуры баланса. Споры об определении внешнего признака (банкротства) предприятия.
II этап. Нововведения.	1998 г.	Федеральный закон № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»	Изменение понятие несостоятельности. Регулирование банкротства сельскохозяйственных, страховых, кредитных организаций, также банкротство гражданина и индивидуального предпринимателя. Определены размеры задолженности, при наличии которых могло быть возбуждено дело о банкротстве. Установлены 4 вида процедуры банкротства: наблюдение, конкурсное производство, внешнее управление и мировое соглашение.
III этап. Настоящее время.	2002 г.	Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»	Расширилось понятие несостоятельности (банкротства). Поправки: о введении моратория на банкротство; о предоставлении работникам предприятия-банкрота полномочий по участию в деле о банкротстве; уточнение правового статуса арбитражных управляющих и решение организационных моментов, связанных с их участием в деле о банкротстве; введение института банкротства физических лиц; установление возможности оспаривания сделок должника; возможность привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и т. д.; усовершенствования порядка продажи имущества должника; введение новой реорганизационной процедуры — финансового оздоровления; установление порядка удовлетворения требований кредиторов, обеспеченных залогом имущества должника и иное.

Литература:

1. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М., 2018. С.68.
2. Колинченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. М., 2019. С. 152
3. Дорохина Е. Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства. Подготовлено для системы Консультант Плюс, 2021. С. 34
4. Зорикова Е. И. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) корпорации как основание прекращения ее деятельности в соответствии с законодательством РФ // Вестник науки. 2023. № 5 (62). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nesostoyatelnosti-bankrotstva-korporatsii-kak-osnovanie-prekrascheniya-ee-deyatelnosti-v-sootvetstvii-s](https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nesostoyatelnosti-bankrotstva-korporatsii-kak-osnovanie-prekrascheniya-ee-deyatelnosti-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom-rf) (дата обращения: 11.01.2024).

Особенности наследственного договора в Российской Федерации

Дамдинова Туяна Баторовна, студент;

Патронникова Алёна Денисовна, студент

Научный руководитель: Степаненко Ольга Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Актуальность исследования обусловлена тем, что внедрение института наследственного договора в российское законодательство вызывает активные профессиональные дискуссии среди правоведов. Данное

нововведение существенно расширило традиционные механизмы наследования, добавив альтернативу к уже существующим способам: по закону и по завещанию.

Хотя рассматриваемый правовой механизм был позаимствован из зарубежной правовой системы и не является принципиально новым, его практическое воплощение сопряжено с рядом сложностей и противоречий. При реализации данного института возникает множество проблемных аспектов, требующих детального анализа и правового регулирования.

«Наследственный договор, хоть и является двусторонним по своей природе, на практике может создавать определенные риски для наследника. Исполнение всех условий договора не всегда гарантирует полное получение имущества. Наиболее значительная угроза заключается в возможности появления «обязательной доли», о которой стороны могут не догадываться, что существенно изменяет их изначальные ожидания. Изменение или аннулирование договора возможно исключительно в период жизни обеих сторон; после смерти право на внесение правок переходит только к судебным органам. В Швейцарии этот вопрос решается несколько иначе: там практикуется создание соглашения о компенсации между всеми наследниками, что позволяет учесть интересы каждого участника процесса» [10, с. 57].

«Конфликт нескольких наследственных договоров, претендующих на одно и то же имущество, выявляет значительные недостатки в действующем законодательстве. Преимущество, которое получает первый оформленный договор, ставит остальных наследников в неопределенность, создавая риск серьезных финансовых потерь, которые не могут быть компенсированы действующими правовыми нормами. Ситуация усугубляется, когда наследодатель, игнорируя условия ранее подписанного соглашения, продолжает распоряжаться имуществом, предназначенным для наследования. Это особенно проблематично, если наследник уже вложил средства в его улучшение. Введение на законодательном уровне обязательства наследодателя возместить убытки, понесенные таким наследником, представляется необходимым шагом для гарантии надежности и предсказуемости наследственных отношений. Это позволит защитить интересы добросовестных наследников и укрепить доверие к институту наследственного договора» [7, с. 105].

«Как и завещание, наследственный договор требует соблюдения определенных условий со стороны наследодателя: он должен быть полностью дееспособен, присутствовать при удостоверении сделки нотариусом и подтвердить свои права через Единую информационную систему. Особые доверительные отношения, лежащие в основе наследственного договора, обязывают наследодателя лично участвовать в процессе, исключая возможность представительства. Сторонами договора могут быть самые разные лица, включая граждан, организации, публично-правовые образования, государства и международные организации. Исключения составляют только те

субъекты, которые не обладают правоспособностью на момент заключения договора, такие как нерожденные дети, а также специализированные наследственные фонды. Тем не менее, при более детальном анализе законодательства бросается в глаза терминологическая непоследовательность. Вызывает вопросы, почему законодатель избегает использования термина «наследник» для обозначения лиц, получающих права по наследственному договору, в то время как относительно наследодателя подобные ограничения не действуют. Эта терминологическая коллизия требует пристального внимания, так как аналогичный подход не применяется к наследодателю, что ставит под сомнение логическое и целесообразное обоснование такого разграничения» [5, с. 475].

«Процесс оформления наследственного договора, по сути, аналогичен составлению завещания и требует непосредственного участия всех заинтересованных сторон, исключая возможность представительства. Это в свою очередь порождает уместный вопрос: какие требования предъявляются к дееспособности и правоспособности других участников данного соглашения, кроме наследодателя? Можно ли включить в наследственный договор лицо, действующее по доверенности?

С нашей точки зрения, учитывая специфическую природу этого соглашения, основанную на доверительных отношениях, ограничения, касающиеся представительства, должны распространяться ко всем сторонам договора. Только в таком случае возможно полноценное понимание правовой сути наследственного договора. Подобно завещательным распоряжениям, заключение наследственного договора предполагает исключительно личное волеизъявление вовлеченных сторон.

Предоставленная в статье 1140.1 Гражданского кодекса РФ возможность составления наследодателем нескольких договоров, при этом действительным признается лишь первый по времени, создает коллизию, ставящую под сомнение устойчивость наследственных прав. Участники последующих договоров, добросовестно исполнявшие свои обязательства, могут оказаться в невыгодном положении, сталкиваясь с серьезными финансовыми убытками, которые не всегда возможно возместить с помощью механизма реституции (ч. 2 ст. 167 ГК РФ). Особенно остро эта проблема проявляется в контексте возмездных наследственных договоров, количество которых растет, несмотря на отсутствие прямых запретов в законодательстве. В связи с этим становится важным рассмотреть фидуциарную природу наследственного договора, который базируется на особом доверии сторон. Мы считаем, что наследственный договор обладает четко выраженным фидуциарным характером и требует приоритетной защиты прав и законных интересов стороны, находящейся в более уязвимом положении» [9, с. 410].

«Наследство, как правило, включает не только права, но и обязательства покойного. Однако вопрос о том, можно ли это правило распространить на наследственный договор, остается открытым. Действует ли принцип, со-

гласно которому наследник, получая что-либо по данному договору, также несет ответственность за долги наследодателя, если настоящие сделки последнего были признаны незаконными? Или, напротив, доверие, лежащее в основе соглашения, предлагает защиту от такой обязанности? По этому поводу мнения юристов расходятся: одни утверждают, что данное правило всегда применяется, другие же полагают, что для наследственного договора следует учесть исключение, сославшись на различные подходы, используемые в законе для завещания и наследственного договора (статьи 1140.1 и 1112 Гражданского кодекса РФ)» [8, с. 74].

«Введение в российскую правовую систему института наследственного договора следует оценивать как позитивный шаг, направленный на расширение диспозитивности в сфере наследственного права. Вместе с тем, действующее правовое регулирование характеризуется рядом несогласованностей и недоработок, которые затрудняют эффективное применение этого инструмента. В частности, представляется, что действующий принцип универсального правопреемства (ст. 1110 ГК РФ) не в полной мере согласуется с природой наследственного договора и требует переосмысления в контексте специфики перехода прав и обязанностей, возникающих из такого договора. Не менее важной является и адаптация положений ст. 1175 ГК РФ, определяющих порядок ответственности наследников по долгам наследодателя, к специфике наследственных правоотношений, возникающих на основании наследственного договора. Именно внесение соответствующих корректировок в законодательство позволит обеспечить единообразное понимание и применение этого института. Отсутствие устоявшейся судебной практики лишь добавляет сложностей, затрудняя толкование соответствующих правовых норм и порождая правовую неопределенность.

Законодатель акцентирует внимание на одностороннем отказе наследодателя, предусматривая в этом случае компенсацию убытков (п. 10 ст. 1140.1 ГК). Однако, вопросы, связанные с последствиями изменения условий, расторжения договора или совершения сделок с имуществом, являющимся объектом договора, остаются без должного внимания. В этих случаях добросовестный контрагент оказывается практически беззащитным. Федеральная нотариальная палата, предпринимая попытки исправить ситуацию, рекомендует нотариусам разъяснять наследодателям порядок одностороннего отказа, но эта рекомендация не имеет обязательной силы. Необходимо законодательное урегулирование, направленное на преобразование этой рекомендации в обязанность нотариуса, обеспечивающую надлежащую защиту прав контрагента. Кроме того, ответственность за ущерб, причиненный неправомерным распоряжением предметом договора, должна быть урегулирована в рамках общих положений ГК РФ о возмещении убытков (ст. 15, ст. 393)» [6, с. 564].

«Статья 1140.1 Гражданского кодекса РФ недостаточно четко разъясняет последствия нарушения наследствен-

ного договора. Кажется, возможно требовать выполнения обязательств даже после смерти наследодателя, однако в тексте не указано, как поступать, если условия договора не исполняются. Таким образом, ответственность за подобные случаи остается неопределенной.

Дополнительную путаницу вызывает пункт 4, в котором уточняется, что права и обязанности по данному соглашению не могут быть переданы третьим лицам. С одной стороны, это подчеркивает, что соглашение опирается на доверительные отношения, и что эти права и обязанности не являются частью наследственной массы. С другой стороны, неясно, о чем именно идет речь: касаются ли данные ограничения только наследников партнера наследодателя, или также распространяются на наследников самого наследодателя? Для разрешения этой юридической неопределенности требуется тщательный анализ действующего законодательства и выработка четкого и однозначного толкования данного положения» [7, с. 105].

На сегодняшний день невозможно с уверенностью сказать, являются ли обязательства наследодателя по компенсации убытков контрагенту по наследственному договору личными и прекращаются ли они с его смертью, или же они переходят к наследникам по завещанию, словно долговое бремя. Формулировка закона, к сожалению, допускает различные, порой противоположные толкования, оставляя этот вопрос открытым. Да и в целом вопрос о составе наследственной массы и о том, какие обязательства наследодателя подлежат включению в нее, до сих пор является предметом оживленных научных дискуссий. С появлением наследственного договора эта проблема приобрела особую остроту, поскольку возник новый вид обязательств, связанных с возмещением убытков, вызванных отменой договора завещанием.

В заключение следует отметить, что правовое регулирование наследственного договора нуждается в дальнейшем совершенствовании. Слабая защита интересов наследодателей приводит к снижению привлекательности этого правового инструмента. Тем не менее, наследственный договор обладает потенциалом стать выгодным механизмом для всех участников процесса, особенно учитывая разнообразие субъектов, имеющих возможность наследовать (ст. 1116 Гражданского кодекса РФ). Данный вид договора позволяет передать имущество даже тем, кто не является наследником по закону. При этом наследодатель может заранее определить не только, какое имущество будет наследовано, но и установить условия, которые наследник должен будет выполнить, например, заботиться о животных или поддерживать определенные проекты.

Таким образом, формируется соглашение, имеющее значительный потенциал пользы для обеих сторон. Внедрение института наследственного договора в российское наследственное право представляется своевременным и обоснованным решением, отвечающим современным потребностям гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ. Часть третья: Федеральный закон от 26 ноября 2001 № 146-ФЗ (в редакции от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: от 11 февраля 1993 № 4462-1 (в редакции от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 3. — Ст. 632.
3. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // БВС РФ. — 2012. — № 7.
4. Воинская, И. А. Проблемы применения наследственного договора в Российской Федерации / И. А. Воинская, О. А. Карташова // Наука через призму времени. — 2024. — № 6(87). — С. 28–30.
5. Грицаева, Н. Б. Характеристика и отличительные особенности наследственного договора / Н. Б. Грицаева // Молодой ученый. — 2024. — № 21(520). — С. 474–478.
6. Козина, В. С. Наследственный договор в гражданском праве Российской Федерации / В. С. Козина // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. — 2024. — № 1. — С. 563–572.
7. Лягошина, Н. В. Наследственный договор: плюсы и минусы / Н. В. Лягошина // Молодой ученый. — 2024. — № 11(510). — С. 104–107.
8. Петрушина, А. А. Наследственный договор: правовая природа и основные отличия от завещания и договора аренды / А. А. Петрушина, О. П. Казаченок // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 106–6. — С. 73–75.
9. Полежаев, А. О. Институт наследственного договора в российском гражданском праве / А. О. Полежаев // Образование и право. — 2024. — № 5. — С. 409–414.
10. Чигарова, Е. Ю. Вопросы реализации наследственного договора: особенности заключения договора между супругами / Е. Ю. Чигарова, Д. А. Богнетова // Студенческий форум. — 2024. — № 32(299). — С. 57–59.

Роль внешнего государственного финансового контроля в обеспечении экономической безопасности государства

Даньшина Дарина Валерьевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Глобальные экономические трансформации и усиливающееся внешнее давление (политическое, санкционное) актуализируют проблему экономической безопасности государства. В этих условиях она выступает ключевой детерминантой национальной стабильности и суверенитета.

Внешний государственный финансовый контроль является решающим фактором в нейтрализации возникающих угроз от киберпреступности и теневых финансовых схем до нецелевого расходования бюджетных средств и системной коррупции [4]. Реализуемый независимыми институтами (счетными и контрольно-счетными палатами), он обеспечивает прозрачность и подотчетность в управлении государственными ресурсами. Путем выявления нарушений и содействия эффективному использованию бюджетных средств и государственной собственности данный контроль подтверждает принцип законности и результативности в расходовании средств налогоплательщиков, что напрямую коррелирует с уровнем экономической безопасности государства.

Научная литература трактует экономическую безопасность как состояние защищенности национальной эко-

номики от дестабилизирующих внутренних и внешних факторов, что обеспечивает ее поступательное развитие, достижение национальных целей и поддержание суверенности государства. Это многогранное явление, включающее ряд взаимосвязанных составляющих, таких как финансовая, бюджетная, инвестиционная, продовольственная, энергетическая, социальная. Достижение и поддержание высокого уровня экономической безопасности невозможно без адекватной и эффективной системы контроля за государственными финансами [7]. Ключевую роль в этом процессе играет внешний государственный финансовый контроль. Он осуществляется уполномоченными органами и представляет собой системную независимую деятельность по надзору и оценке процессов формирования, распределения и использования государственных финансовых ресурсов и собственности. Основная его цель заключается в обеспечении законности, целесообразности, результативности и эффективности управления бюджетными средствами и государственным имуществом, а также в превенции и пресечении финансовых нарушений и правонарушений [2].

Ключевые задачи внешнего государственного финансового контроля охватывают верификацию законности и обоснованности формирования и исполнения бюджетов всех уровней, а также утвержденных планов подконтрольных субъектов; оценку результативности и экономичности использования государственных финансовых ресурсов и имущества; идентификацию и фиксацию случаев нецелевого расходования, хищений и иных финансовых нарушений; проведение экспертизы и аналитического обзора проектов бюджетного законодательства; обеспечение публичности и информирование органов государственной власти и общества о результатах контрольно-надзорной деятельности [4].

Деятельность внешних контрольных органов базируется на ряде фундаментальных принципов: независимости, объективности, гласности, законности, системности [8].

Взаимосвязь экономической безопасности и внешнего государственного финансового контроля очевидна и носит прямой причинно-следственный характер, так как является неотъемлемым условием обеспечения экономической безопасности государства по ряду причин.

Во-первых, выявляя и пресекая нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств, коррупционные проявления и хищения, внешний финансовый контроль напрямую способствует сохранению финансовой устойчивости государства. Каждое предотвращенное нарушение — это сохраненные ресурсы, которые могут быть направлены на развитие экономики и социальные нужды.

Во-вторых, независимый контроль повышает прозрачность и подотчетность государственного сектора, что снижает риски возникновения теневой экономики, способствует формированию благоприятного инвестиционного климата и укрепляет инвестиционную составляющую экономической безопасности.

В-третьих, аудит эффективности государственных программ и проектов позволяет оптимизировать государственные расходы, направляя их на наиболее результативные направления. Это способствует рациональному использованию ресурсов и повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Счетная палата выступает высшим органом внешнего государственного финансового контроля [1]. Ее независимый правовой статус имеет критическое значение, поскольку позволяет осуществлять объективный контроль без какого-либо влияния со стороны исполнительной или законодательной власти. Обширные компетенции палаты, являющиеся неотъемлемой частью функций внешнего государственного финансового контроля, включают надзор за исполнением федерального бюджета, управлением государственной собственностью и государственным долгом, а также экспертную оценку законопроектов, касающихся бюджетно-финансовой сферы [10].

Органы внешнего государственного финансового контроля применяют разнообразные инструменты, каждый из которых играет свою роль в защите экономических интересов государства:

— Аудит эффективности — метод, направленный на оценку того, насколько результативно и экономично используются государственные средства и имущество для достижения поставленных целей. Он позволяет выявлять неэффективные расходы, нерациональное управление и избыточные траты, тем самым предотвращая потери бюджета и обеспечивая максимальную отдачу от инвестиций в государственные программы.

— Финансовый аудит законности определяет достоверность отчетности и выявление нарушений законодательства в процессе формирования и использования государственных средств. Он направлен на обнаружение фактов нецелевого использования, хищений, искажения данных и других финансовых злоупотреблений.

— Экспертиза проектов законов о бюджете и других нормативных правовых актов, при которой проводится предварительная оценка проектов законов и других документов, касающихся бюджетно-финансовой сферы. Это позволяет выявлять потенциальные риски и противоречия на стадии их разработки, до вступления актов в силу. Такая превентивная функция незаменима для минимизации угроз экономической безопасности.

— Анализ и мониторинг позволяют своевременно выявлять негативные тенденции, финансовые дисбалансы и формирующиеся риски и обеспечивают оперативное реагирование на изменяющуюся экономическую ситуацию для защиты экономических интересов страны.

Практическая реализация внешнего государственного финансового контроля осуществляется по ключевым направлениям: контроль формирования и исполнения государственного бюджета, аудит государственных закупок, контроль управления ведомственной собственностью, мониторинг долгового спектра в масштабах страны [6].

Независимость и объективность являются краеугольными принципами, без которых эффективность внешнего государственного финансового контроля и его вклад в экономическую безопасность невозможны. Независимость означает свободу контрольных органов от любого политического, ведомственного или личного давления. Это позволяет им формировать выводы исключительно на основе фактов и доказательств, без искажений. Объективность требует беспристрастного подхода, исключяющего предвзятость и преследование личных интересов при проведении аудита. Только независимые и объективные контрольные органы могут реально выявлять нарушения, предоставлять достоверную информацию и эффективно способствовать защите финансовых интересов государства, укрепляя тем самым его экономическую безопасность [9]. Любое отступление от этих принципов подрывает доверие к контролю и снижает его превентивную и корректирующую роль.

Современный контекст выявляет ряд значительных проблем для внешнего финансового контроля. Например, цифровые угрозы и киберпреступность. Усложнение финансовых операций, рост объемов данных и появление новых цифровых активов создают новые возможности

для финансовых нарушений и затрудняют их выявление традиционными методами. Развитие теневой экономики, изощренные коррупционные схемы и международный характер многих финансовых преступлений требуют постоянного совершенствования методов аудита [5]. Сейчас необходимы высококвалифицированные специалисты, обладающие глубокими знаниями в области финансов, права, информационных технологий и риск-менеджмента, и эта потребность становится все более острой. Кроме того, в некоторых аспектах действующее законодательство может не успевать за развитием новых финансовых инструментов и форм государственных расходов, создавая возможности для совершения недобросовестных действий.

Для повышения продуктивности внешнего государственного финансового контроля в условиях возрастающих угроз экономической безопасности необходимы следующие направления развития: внедрение новых технологий (Big Data, искусственного интеллекта, блокчейна), усиление международного сотрудничества, совершенствование методологии аудита, повышение квалификации кадров, укрепление независимости и расширение полномочий [3].

Реализация этих направлений позволит внешнему государственному финансовому контролю не только успешно реагировать на современные вызовы, но и стать проактивным инструментом в системе обеспечения экономической безопасности государства.

В рамках данного исследования была проанализирована ключевая роль внешнего государственного финансового контроля в обеспечении экономической безопасности государства как состояния защищенности национальной экономики от угроз, раскрыты его понятие и принципы, подчеркнута необходимость его независимости и объективности. Исследование показало, что, используя такие инструменты, как финансовый аудит, аудит эффективности, экспертиза бюджетного законодательства и мониторинг, органы внешнего контроля, в частности Счетная палата, эффективно пресекают нецелевое использование бюджетных средств, коррупцию в госзакупках и неэффективное управление государственной собственностью. Несмотря на существующие вызовы, связанные с цифровизацией и усложнением финансовых нарушений, дальнейшее совершенствование методологии, внедрение новых технологий и укрепление международного сотрудничества позволят повысить действенность внешнего финансового контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/ (дата обращения: 15.06.2025).
2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.06.2025).
3. Болотнова, Е. А. Цифровизация государственного финансового контроля в РФ / Е. А. Болотнова, А. А. Храменко, А. В. Анопин, К. Р. Никитина // Вестник Академии знаний. — 2021. — № 45 (4). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rf> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Лукашов, А. И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования / Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-sovremennyye-vyzovy-i-napravleniya-sovshenstvovaniya> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Лукашов, А. И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации // Финансовый журнал. — 2023. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekushee-sostoyanie-i-perspektivy-tsifrovizatsii-organov-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.06.2025).
6. Султанмуратов, Д. Ю. Понятие государственного финансового контроля / Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. — VII Международная научно-практическая конференция. — 2020. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-1> (дата обращения: 15.06.2025).
7. Тарасов, А. М. К вопросу об эффективности государственного контроля // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 3 (55). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-effektivnosti-gosudarstvennogo-kontrolya-1> (дата обращения: 15.06.2025).
8. Фарикова, Е. А. Субъекты государственного финансового контроля и аудита в современной России // Право и практика. — 2022. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-i-audita-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Хребтова, Т. П. Государственный финансовый контроль: сущность, содержание, виды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2021. — № 1 (838). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-suschnost-soderzhanie-vidy> (дата обращения: 15.06.2025).
10. Шардан, С. К. Инструментарий государственного финансового контроля / С. К. Шардан, М. Х. Абдуев // Вестник Академии знаний. — 2020. — № 3 (38). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya> (дата обращения: 15.06.2025).

Проблемы цифровизации в методологии гражданского права

Дубинин Дамир Максимович, студент

Научный руководитель: Хейгетова Светлана Егоровна, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В статье исследуются актуальные методологические проблемы цифровизации в сфере гражданского права. Анализируется трансформация традиционных правовых институтов под влиянием новых технологий. Основное внимание сосредоточено на возможности признания искусственного интеллекта субъектом гражданского права, правовом статусе цифровых активов, включая цифровой рубль и криптовалюты, а также месте новых цифровых конструкций в сложившейся системе гражданского права.

Ключевые слова: цифровизация, методология, цифровой рубль, криптовалюта, цифровые права, субъекты гражданского права.

В последние годы цифровизация проникает во все сферы жизни, включая право. Однако, её влияние на гражданскую отрасль вызывает множество споров. Рассмотрим основные проблемы, связанные с цифровизацией в методологии гражданского права, а также предложим пути их решения.

Сама по себе цифровизация гражданского права представляет собой сложный процесс трансформации традиционных правовых институтов под влиянием новых технологий. В советский период юридическая наука находилась под сильным влиянием политэкономических концепций, которые зачастую подменяли собой правовой анализ. Сегодня мы наблюдаем аналогичную ситуацию, когда экономический анализ права пытается занять доминирующее положение, вытесняя традиционные цивилистические подходы.

Можно прийти к выводу, что обе эти тенденции — и советская политэкономизация права, и современный экономический анализ — в равной степени опасны для методологии гражданского права. Они ведут к подмене юридического содержания экономическими категориями, что разрушает системность правового регулирования. Особенно тревожной представляется тенденция механического заимствования иностранных правовых моделей без должного учёта особенностей российской правовой системы.

Например, в Германии действительно успешно применяется юриспруденция интересов (*Interessenjurisprudenz*), однако это не означает, что мы должны напрямую заимствовать данный подход. Наше частное право — это продукт длительного исторического развития, обладающий собственной логикой и системностью. Любые изменения должны проводиться с учётом этой специфики, а не путём простого переноса зарубежных конструкций [8].

Также сегодня все чаще в юридической литературе активно обсуждается вопрос о признании искусственного интеллекта субъектом гражданского права. Некоторые авторы даже предлагают внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, создав специальный раздел об ИИ по аналогии с нормами о физических и юри-

дических лицах. Однако, есть основания не согласиться с такой позицией.

Основная проблема заключается в том, что у ИИ отсутствует ключевой признак субъекта права — способность самостоятельно нести имущественную ответственность. Рассмотрим конкретный пример: два беспилотных автобуса сталкиваются, причиняя ущерб третьим лицам. Кто должен возмещать этот ущерб? Сторонники признания ИИ субъектом права предлагают решить этот вопрос через страхование ответственности. Но это лишь переносит проблему: страховые взносы должен кто-то платить, а сам ИИ не обладает для этого необходимыми ресурсами.

Более того, ИИ не может самостоятельно оплачивать энергию, техническое обслуживание или налоги. Все эти функции выполняют его владельцы или операторы. Поэтому ИИ остаётся всего лишь сложным инструментом, объектом права, но не субъектом. Если в будущем появятся полностью автономные системы, обладающие собственным имуществом, вопрос можно будет пересмотреть. Но на текущем этапе подобные предложения являются преждевременными и методологически необоснованными.

Еще одним важным вопросом на сегодня является вопрос о цифровом рубле. Центральный банк России анонсировал введение цифрового рубля, позиционируя его как «третью форму денег» наряду с наличными и безналичными деньгами. Однако такой подход вызывает серьёзные методологические возражения [7].

Согласно статье 75 Конституции РФ [1] и Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», единственным законным платёжным средством на территории России является рубль в форме банкнот и монет Банка России [3]. Безналичные деньги, как неоднократно подчёркивал Конституционный Суд РФ, не являются деньгами в строгом смысле слова, а представляют собой право требования клиента к банку [4].

Что касается криптовалют, то они вообще не подпадают под понятие денег или законного платёжного средства. Криптовалюты — это всего лишь цифровой код,

который стороны могут использовать для расчётов по взаимному согласию. Однако такие сделки не защищены действующим законодательством. Если контрагент откажется принимать криптовалюту в качестве платежа или возникнут проблемы с её конвертацией, суд не сможет принудить к исполнению такого обязательства, поскольку оно будет квалифицировано как натуральное. Можно привести в пример определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160 Ф. В данном случае криптовалюта не была включена в конкурсную массу, из-за непризнания ее имуществом [9].

Распространённое же представление о безналичных деньгах как о «втором виде денег» является глубоко ошибочным с юридической точки зрения. Статья 128 ГК РФ прямо указывает, что безналичные денежные средства относятся к имущественным правам, а не к вещам [2].

Разница между наличными и безналичными деньгами носит принципиальный характер. Например, при недостатке средств у юридического лица порядок удовлетворения требований кредиторов определяется статьёй 855 ГК РФ, а не усмотрением самого должника. Это наглядно демонстрирует, что безналичные «деньги» — это не деньги в собственном смысле слова, а всего лишь один из способов осуществления расчётов, основанный на обязательственных правоотношениях между клиентом и банком [6].

Криптовалюты, такие как биткоин, также часто ошибочно называют «цифровыми деньгами» или «альтернативной валютой». Однако с юридической точки зрения они не обладают ни одним из существенных признаков денег.

Во-первых, криптовалюты не являются законным платёжным средством. Во-вторых, они не обеспечиваются каким-либо активом или обязательством эмитента. В-третьих, их стоимость крайне волатильна и зависит исключительно от рыночных спекуляций.

Главная правовая проблема заключается в отсутствии чёткого регулирования оборота криптовалют. Сделки с их использованием фактически представляют собой натуральные обязательства, не подлежащие судебной защите.

Необходимо также разъяснить, что такое «цифровые права». Понятие «цифровые права» было заимствовано из англо-американской правовой системы, где отсутствует чёткое разделение на вещные, обязательственные и корпоративные права.

В российской правовой системе, согласно статье 141.1 ГК РФ, цифровые права представляют собой обычные обязательственные права, зафиксированные в электронной форме. Например, Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ относит к цифровым правам требования передачи вещи, оказания услуг или передачи исключительных прав. Однако ничего принципиально нового в этих конструкциях нет — это те же самые гражданско-правовые обязательства, только в цифровой форме [5].

Термин «цифровое имущество» также является калькой с англо-американского права и не имеет чёткого содержания в российской правовой доктрине.

В континентальной правовой системе, к которой относится Россия, любое имущество должно соответствовать одному из четырёх правовых режимов: вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права.

Если «цифровое имущество» не подпадает ни под один из этих режимов, оно не может быть признано объектом гражданских прав.

Таким образом, цифровизация гражданского права представляет собой объективный процесс, требующий глубокого методологического осмысления. Как показал анализ, ключевые проблемы связаны не только с внедрением новых технологий, но и с риском подмены юридической сущности явлений экономическими конструкциями или нерациональным заимствованием зарубежных правовых моделей.

Для гармоничной интеграции цифровизации в гражданско-правовую методологию необходимо:

1. Разработать чёткую методологию цифровизации гражданского права, исключая механическое заимствование иностранных моделей.
2. Установить исчерпывающий перечень субъектов гражданского права, исключив из него искусственный интеллект.
3. Закрепить в законодательстве правовой статус криптовалют как особого объекта гражданских прав, не являющегося денежным средством.
4. Провести систематизацию законодательства о цифровых правах, чётко определив их место в системе объектов гражданских прав.

Только последовательное соблюдение принципов системности, исторической преемственности и юридической чистоты понятий позволит цифровизации стать органичной частью методологии гражданского права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4200.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7442.

5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4408.
6. Лунц, Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Редкол.: Белевич А. В., Ем В. С., Шерстобитов А. Е. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2004. — 350 с.
7. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9 (154).
8. Хвостов, В. М. Система римского права. Учебник / Вступ. ст.: Суханов Е. А., Томсинов В. А. — М.: Спарк, 1996. — 522 с.
9. Решение от 24 октября 2017 г. по делу № А40–124668/2017 — Арбитражный суд города Москвы // <https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeHovUP/>

Компетенция органов исполнительной власти в сфере лицензирования предпринимательской деятельности

Дубовая Анастасия Александровна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

Лицензирование является одним из основных административно-правовых режимов, используемых для государственного регулирования экономики. Цель — рассмотреть компетенции органов исполнительной власти в области лицензирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Методологическую основу составили анализ, синтез, формально-юридический метод. Проведён анализ полномочий на федеральном и региональном уровнях, нормативных пробелов и практических противоречий. Выявлены институциональные проблемы, связанные с дублированием функций, цифровой фрагментарностью и недостаточной унификацией процедур. Предложены направления совершенствования нормативной базы и усиления межуровневой согласованности с учётом принципов цифровой трансформации.

Ключевые слова: лицензирование, исполнительная власть, компетенция, предпринимательская деятельность, федеральные органы, субъекты Российской Федерации, цифровизация, нормативное регулирование, административная процедура, правовая определённость

Competence of executive authorities in the sphere of licensing of business activities

Dubovaya Anastasiya Aleksandrovna, student master's degree
Vladivostok State University

Licensing is one of the main administrative and legal regimes used for state regulation of the economy. The purpose is to examine the competencies of executive authorities in the field of licensing business activities in the Russian Federation. The methodological basis was made up of analysis, synthesis, and the formal legal method. The author analyzes the powers at the federal and regional levels, regulatory gaps and practical contradictions. Institutional problems related to duplication of functions, digital fragmentation and insufficient unification of procedures have been identified. The directions of improving the regulatory framework and strengthening inter-level coherence, taking into account the principles of digital transformation, are proposed.

Keywords: licensing, executive power, competence, entrepreneurial activity, federal bodies, constituent entities of the Russian Federation, digitalization, regulatory framework, administrative procedure, legal certainty

Формирование эффективного институционального механизма регулирования предпринимательской деятельности в современной России невозможно без чёткого распределения и нормативного закрепления компетенции органов исполнительной власти в сфере лицензирования.

В условиях современного административного реформирования, где приоритет отдается принципам «регуляторной гильотины» и цифровой трансформации управления, компетенция органов исполнительной власти в области лицензирования должна не только соответствовать существующим нормативным требованиям, но

и быть адаптивной к меняющимся условиям предпринимательской среды. Проблема заключается в том, что большинство действующих механизмов лицензирования были разработаны для индустриальной модели экономики и не всегда учитывают специфику цифровых бизнес-процессов, платформенной занятости и гибридных форм экономической активности.

В условиях растущей сложности экономических отношений, а также необходимости обеспечения правовой определённости и предсказуемости для субъектов бизнеса, вопрос разграничения полномочий между различ-

ными уровнями исполнительной власти приобретает ключевое значение.

С одной стороны, государство выступает гарантом справедливых и прозрачных правил допуска на рынок. С другой — избыточное или неструктурированное вмешательство способно затруднить реализацию экономических свобод, предусмотренных Конституцией РФ и гражданским законодательством [4].

Основополагающим актом, определяющим правовые основы лицензирования в России, является Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее — Закон № 99-ФЗ) [2]. Он устанавливает общие принципы регулирования, перечень лицензируемых видов деятельности, а также требования к лицензиатам.

Однако правоприменительная практика показывает, что универсального подхода к разграничению компетенции органов исполнительной власти в этой сфере не сформировано — в частности, наблюдаются случаи дублирования функций, неопределённость в разграничении федеральной и региональной компетенции, а также пробелы в нормативной детализации полномочий отдельных ведомств.

Такое положение обусловлено, в том числе, отсутствием координирующего органа, наделённого полномочиями по системному анализу правоприменительной практики в области лицензирования и выработке рекомендаций по устранению правовых пробелов. Попытки решить данную проблему через межведомственные рабочие группы при федеральных министерствах нередко носят фрагментарный характер, что снижает результативность таких мер. Отсутствие комплексной стратегии влечёт за собой не только дублирование функций, но и формирование зон нормативной коллизии, в которых предприниматели вынуждены действовать в условиях регуляторной неопределённости.

Компетенция федеральных органов исполнительной власти охватывает значительную часть лицензируемых видов деятельности, отнесённых к ведению Российской Федерации.

Однако даже в тех случаях, когда функции чётко закреплены на федеральном уровне, практика реализации этих полномочий остаётся неоднородной. Это связано с различиями в ресурсном обеспечении министерств и ведомств, уровнем цифровизации внутренних процессов, а также степенью доступности информации о процедурах для заявителей. Анализ порталов государственных услуг показывает, что часть органов до сих пор публикует неполные или устаревшие сведения о порядке получения лицензии, что нарушает принципы административной доступности и правовой определённости.

Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 21 ноября 2011 г. № 957 [3], лицензирующими органами по большинству ключевых сфер выступают федеральные органы — в числе которых Минтруд, Минпромторг, Минздрав, Росздравнадзор, Роскомнадзор и другие.

Законодатель наделил их правом устанавливать порядок предоставления лицензий, проводить лицензионный контроль, принимать решения о приостановлении действия лицензии и её аннулировании.

Вместе с тем, на уровне субъектов Российской Федерации законодатель предусмотрел возможность реализации лицензирующих функций в пределах переданных полномочий.

Например, в сфере розничной торговли алкогольной продукцией, охраны частной собственности, образовательной деятельности — лицензирование осуществляется уполномоченными органами субъектов РФ. Это приводит к необходимости чёткого институционального разграничения, которое должно обеспечивать баланс между централизованным контролем и региональной автономией [6].

Одной из наиболее острых проблем, выявленных в процессе анализа законодательства и практики, является размытость критериев, определяющих, на каком уровне должна осуществляться конкретная лицензирующая функция. Хотя общий принцип изложен в статье 3 Закона № 99-ФЗ [2], где указывается, что лицензирование осуществляется федеральными органами, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, — на практике распределение полномочий порой происходит на основании подзаконных актов, не всегда согласованных по вертикали исполнительной власти. Это создаёт риск правовой неопределённости и административных барьеров для предпринимателей.

Дополнительные сложности вызывает наличие множественных механизмов ведомственного контроля. В частности, допускают значительное усмотрение со стороны проверяющих органов. Это приводит к неоднородной практике в части применения мер ответственности, сроков проверок, а также административных процедур, связанных с приостановлением действия лицензий. Усиление судебной нагрузки по делам, связанным с лицензионными спорами, зафиксировано, в частности, в ежегодных обзорах Верховного Суда РФ за 2023–2024 годы.

Отдельного внимания требует вопрос о цифровизации лицензионной деятельности. Однако степень готовности ведомств к внедрению цифровых решений неоднородна.

Согласно данным Минэкономразвития России, на 1 апреля 2025 года только 68 % лицензий оформляются с использованием единой цифровой платформы. При этом несогласованность между ведомственными информационными системами остаётся фактором, затрудняющим интеграцию процедур и единство контроля.

Серьёзной проблемой является и отсутствие единого подхода к квалификационным требованиям сотрудников лицензирующих органов. Несмотря на значительное влияние данных органов на судьбу субъектов предпринимательской деятельности, подготовка кадров ведётся по устаревшим программам, не учитывающим специфику межведомственного взаимодействия и особенности правового регулирования в цифровой среде.

Отсутствие централизованной системы повышения квалификации усиливает разнородность подходов и способствует увеличению числа обжалований решений в судебном порядке.

На этом фоне необходимым условием повышения эффективности государственного лицензирования становится дальнейшая нормативная кодификация компетенции органов исполнительной власти с учётом принципов вертикальной согласованности и цифровой совместимости. Представляется целесообразным разработать федеральный закон, отдельно регламентирующий разграничение полномочий между уровнями исполнительной власти в области лицензирования, с одновременным закреплением обязательных стандартов цифрового сопровождения и процедурного контроля [5].

Системное совершенствование нормативной базы возможно только при наличии устойчивого механизма обратной связи между органами власти и предпринимательским сообществом.

В этой связи целесообразно институционализировать участие представителей бизнеса в формировании и оценке лицензионных процедур — на основе консультативных советов, публичных обсуждений и обязательной правовой экспертизы проектов нормативных актов. Только в условиях правовой транспарентности и функционального разделения полномочий можно обеспечить соответствие системы лицензирования принципам правового государства и стимулирующего регулирования экономики.

Таким образом, компетенция органов исполнительной власти в сфере лицензирования представляет собой сложную и многослойную систему, требующую дальнейшего нормативного упорядочивания, цифрового обновления и институционального согласования. В современных условиях вопрос не ограничивается лишь формальными юридическими рамками, а затрагивает фундаментальные основы взаимодействия государства и бизнеса, эффективность публичного управления и реализацию экономических свобод.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности».
3. Постановление Правительства РФ от 21.11.2011 № 957 (ред. от 17.08.2024) «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности».
4. Клокова М. А., Барсукова Л. И. Актуальные проблемы реализации законодательства о лицензировании // Перспективы развития мировой социально-экономической системы. Актуальные проблемы развития естественных и технических наук. — 2022. — С. 80–85.
5. Котельникова М. А., Старченко А. С., Федорова Д. А. Развитие законодательства Российской Федерации о лицензировании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — №. 11–3. — С. 151–154.
6. Меликян А. С. Проблемы лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №. 1–2. — С. 130–132.

Значение судебной экспертизы в уголовном процессе

Железнякова Марина Александровна, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрено значение судебной экспертизы в уголовном процессе.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, доказательства, правоприменение, эксперты, качество экспертизы, правосудие, следственные действия.

The value of forensic expertise in criminal proceedings

The article examines the importance of forensic examination in the criminal process.

Keywords: judicial examination, criminal procedure, evidence, law enforcement, experts, quality of expertise, justice, investigative actions.

Судебная экспертиза занимает ключевое место в уголовном процессе, предоставляя необходимую поддержку для раскрытия преступлений и достижения спра-

ведливости. Низкая эффективность раскрытия уголовных дел подчеркивает важность оптимального использования судебно-медицинской экспертизы, что помогает избежать

ошибок в анализе вещественных доказательств. В данной статье рассматриваются основные аспекты судебной экспертизы, ее роль в уголовном процессе, а также проблемы, с которыми сталкиваются эксперты и правоохранительные органы.

Судебная экспертиза представляет собой процессуальную процедуру, включающую в себя изучение, анализ и составление заключений по вопросам, требующим специальных знаний. Эти вопросы формулируются контролирующими органами и должны быть ключевыми для осуществления правосудия. В научной среде нет единого определения термина «судебная экспертиза», что подчеркивает сложность и многогранность этого явления. Существует мнение, согласно которому это процессуальная процедура, включающая в себя изучение, анализ и составление заключения по вопросам, требующим специальных знаний. Эти вопросы формулируются контролирующими органами, при этом они должны являться ключевыми для осуществления правосудия. Дополняет данную точку зрения иная, согласно которой судебная экспертиза — это определенная последовательность действий, обеспечивающая подготовку экспертной оценки.

Экспертная оценка правового характера отличается от других экспертиз строгими требованиями к подготовке эксперта, его квалификации и форме представляемых заключений. Это особенно актуально для дел, связанных с налоговыми и финансовыми преступлениями, где необходимо интегрировать знания смежных дисциплин для обоснования выводов.

В уголовном процессе судебная экспертиза представляет собой специфическую процессуальную операцию, требующую четкого порядка назначения, исполнения и составления отчетов. В отличие от допросов или обысков, где следственные органы получают информацию напрямую, в рамках судебной экспертизы данные поступают исключительно от экспертов, вызываемых по запросу правоохранителей.

В большинстве уголовных дел экспертиза является необходимой мерой. Существует две формы ее обязательности: тактическая и процессуальная. Процессуальная обязательность связана с тем, что определенные обстоятельства могут быть исследованы только с помощью экспертизы, что делает ее назначение обязательным независимо от особенностей конкретного дела.

Для адекватной организации и проведения экспертизы необходимо учитывать уникальные особенности каждого

следственного случая. Каждое следственное действие, включая экспертизу, должно быть обосновано с точки зрения целесообразности, принимая во внимание имеющиеся доказательства. Например, в делах о незаконном обращении с наркотиками экспертиза обязательна для установления химического состава и дозы запрещенных средств.

Тем не менее, в процессе анализа судебной экспертизы выявляются проблемы, такие как недостаточное соблюдение прав участников уголовного процесса и сомнения в квалификации экспертов. Частные учреждения, где эксперты получают оплату от индивидуальных предпринимателей, могут создавать предвзятость и снижать объективность их работы. Это приводит к искажению представления прав участников уголовного дела и ставит под сомнение независимость экспертов.

Для обеспечения независимости судебных экспертов необходимо внедрение универсальных требований и стандартов их подготовки. Это касается как государственных, так и частных специалистов. Важно создать законодательную основу для негосударственной деятельности в области экспертизы и учредить независимые комиссии для проверки квалификации экспертов.

На следующем этапе уголовного процесса необходимо проводить анализ заключений экспертов, полученных в результате судебной экспертизы. Это требует систематической проверки результатов, начиная с логических выводов и анализа обоснованности научных результатов до проверки полноты собранных данных.

Судебная экспертиза является важной процедурой, обеспечивающей реализацию прав граждан, включая равенство перед законом и доступ к правосудию. Она способствует принятию обоснованных решений в ходе уголовных разбирательств. Судебная экспертиза представляет собой исследование, проводимое экспертом, назначенным судебными органами на основе специализированных знаний в различных областях. Эти данные необходимы для разрешения спорных вопросов на всех стадиях расследования и судебного разбирательства.

Таким образом, для повышения эффективности судебной экспертизы необходимо учитывать профессионализм правоохранительных органов, внедрять стандарты подготовки экспертов и обеспечивать независимость их работы. Это позволит улучшить качество экспертиз и, как следствие, повысить эффективность правоприменения в уголовном процессе.

Литература:

1. Зинин А. М. Судебная экспертиза / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. — М.: Право и закон. 2020. — 380 с.
2. Боярова М. А. Особенности правового статуса эксперта в рамках уголовного процесса // Известия Института систем управления СГЭУ. — 2019. — Т. 19. № 1. — С. 34–36.
3. Тимохина М. И. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений экономической направленности // Научный электронный журнал Меридиан. — 2019. — № 12 (30). — С. 234–236.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. — 2010. — № 296.

5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от (ред. от 08.03.15) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.

Правовое регулирование международных договоров как источников конституционного права в российской правовой системе

Иванова Маргарита Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Милинчук Дарья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва)

В статье анализируется правовая природа, классификация и юридическая сила международных договоров в контексте их взаимодействия с национальным конституционным правом России. Основная цель работы заключается в определении степени влияния международно-правовых соглашений на российскую конституционно-правовую систему. В рамках проведенного анализа автор раскрывает содержание понятия «международный договор», систематизирует его основные виды, проводит сравнительное исследование положений ключевых международных документов и национального законодательства, а также устанавливает иерархию юридической силы между нормами международного и российского конституционного права.

Ключевые слова: международные договоры, национальное законодательство России, правовая система России, место международных договоров

Международные договоры на протяжении веков служили основным инструментом регулирования отношений между государствами. Первоначально такие соглашения заключались преимущественно в двустороннем формате и были направлены на предотвращение военных конфликтов или закрепление результатов войн. Однако по мере усложнения международных отношений и роста взаимозависимости государств возникла потребность в многосторонних договорных механизмах, регулирующих широкий круг вопросов — от торговли и экологии до защиты прав человека.

В российской правовой системе статус международных договоров претерпел значительные изменения после принятия Конституции 1993 года. Их эволюцию можно разделить на три ключевых этапа, каждый из которых отражает смену приоритетов государства в сфере международного права. Первый период (1993–2020) характеризовался признанием примата международных норм над национальным законодательством. Второй этап (2020–2022), начавшийся после конституционной реформы, ознаменовался пересмотром этого подхода и усилением роли Конституции РФ. Наконец, третий, современный период (с 2022 г. по настоящее время), связан с отказом России от ряда международных обязательств, включая выход из юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Прежде чем анализировать место международных договоров в российской правовой системе, необходимо уточнить само понятие этого правового института. В современной юридической доктрине существует несколько подходов к определению международного договора, однако большинство из них восходит к положениям Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года [1]. Согласно этому документу, международный до-

говор представляет собой письменное соглашение между государствами, регулируемое нормами международного права независимо от его конкретного наименования, будь то конвенция, пакт или соглашение.

Российские правоведы, такие как И. В. Гетьман-Павлова, акцентируют внимание на правоустанавливающем характере таких соглашений, подчеркивая, что они создают взаимные права и обязанности для государств-участников [2, с. 149]. Это определение, сохраняя концептуальное единство с Венской конвенцией, делает акцент на регулятивной функции договоров. Таким образом, международный договор можно определить как формализованное соглашение между субъектами международного права, порождающее юридически обязательные последствия и подчиняющееся принципам международного правопорядка.

Классификация международных договоров отличается значительным разнообразием, что обусловлено их многофункциональностью. Одним из ключевых критериев систематизации является количество участников [2, с. 152]. Двусторонние договоры, как правило, регулируют конкретные аспекты взаимодействия между двумя государствами, например вопросы границ или торговли. Многосторонние соглашения обладают более сложной структурой и могут быть как открытыми (допускающими присоединение новых участников), так и закрытыми (ограниченными первоначальным кругом сторон).

Важное значение имеет также классификация по объекту регулирования. Политические договоры касаются вопросов безопасности и сотрудничества, экономические — торговых и финансовых отношений, а специализированные — таких сфер, как экология, транспорт или связь. Кроме того, международные договоры различаются

по сроку действия: они могут быть срочными (заключенными на определенный период) или бессрочными.

Особого внимания заслуживает вопрос действительности международных договоров. В юридической доктрине выделяют абсолютную недействительность (ничтожность) и относительную недействительность (оспоримость). Ничтожными признаются договоры, заключенные под принуждением или противоречащие императивным нормам международного права (*jus cogens*). Историческими примерами таких соглашений являются Мюнхенский договор 1938 года и секретные протоколы к Пакту Молотова — Риббентропа 1939 года. Оспоримые договоры, напротив, сохраняют силу до момента их официального признания недействительными, например из-за существенных ошибок или нарушений процедуры заключения.

Эволюция правового статуса международных договоров в России отражает динамику государственной политики в сфере международного права. В первые годы после принятия Конституции 1993 года [3] российская правовая система демонстрировала открытость к международным нормам. Часть 4 ст. 15 Конституции закрепляла, что международные договоры Российской Федерации являются частью правовой системы страны и имеют приоритет над национальными законами в случае коллизии. Этот принцип дублировался в отраслевом законодательстве, включая Гражданский и Уголовно-процессуальный кодексы.

Однако конституционная реформа 2020 года внесла принципиальные изменения [4]. Новая редакция ст. 79

Конституции установила, что решения международных органов, принятые на основании договоров, не подлежат исполнению в России, если они противоречат Основному закону. Это положение было конкретизировано в федеральном законодательстве, в том числе в законе «О международных договорах Российской Федерации» [5]. В результате международные договоры заняли промежуточное положение между Конституцией и федеральными законами, утратив безусловный приоритет.

Современный этап развития российской правовой системы, отсчет которого ведется с 16 сентября 2022 года — даты окончательного выхода России из Европейской конвенции о защите прав человека [6], знаменует собой новую веху во взаимодействии национального и международного права. Массовый выход из международных организаций и денонсация ключевых соглашений привели к сокращению сферы применения международных норм в российской правовой системе.

Таким образом, место международных договоров в России продолжает трансформироваться, отражая общий курс на укрепление государственного суверенитета. Перспективы развития этого института связаны с поиском новых форм международного сотрудничества, альтернативных западным моделям, в рамках таких объединений, как БРИКС и ШОС. Однако ограничение доступа граждан к международным механизмам защиты прав требует развития эффективных внутригосударственных правовых гарантий.

Литература:

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гетьман-Павлова, И. В. Международное право: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, Е. В. Постникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2021. — 560 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Милинчук, Д. С. Коллизии в Конституции Российской Федерации: ошибка или стратегия? / Д. С. Милинчук // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. Ч. 1. — М.: РГ-Пресс, 2021. — С. 34–38.
5. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

Правовая природа конституционно-правового статуса Президента как Верховного Главнокомандующего в Российской Федерации

Кабиров Али Тахирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Милинчук Дарья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва)

В статье анализируется конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами. Рассматривается взаимосвязь данного статуса с общими полномочиями главы государства, закреплёнными в Конституции РФ. Особое внимание уделяется правовой природе военных полно-

мочий Президента, их месту в системе государственного управления, а также вопросам ограничения прав граждан в условиях военного положения. На основе анализа законодательства об обороне и военном положении делается вывод о неразрывном единстве статуса Президента как главы государства и Верховного Главнокомандующего. Исследование актуально в контексте современных вызовов безопасности и особой роли института президентства в обеспечении обороноспособности страны.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, Президент РФ, Верховный Главнокомандующий, вооружённые силы, военное положение, полномочия президента РФ.

В условиях современных внешнеполитических вызовов, проведения специальной военной операции, а также в силу того факта, что 2025 год был объявлен президентом годом защитника Отечества, вопрос о конституционно-правовом статусе президента как главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации представляет собой особую научную ценность.

В современной науке конституционного права конституционно-правовой статус президента РФ рассматривается с точки зрения как единоличного органа государственной власти, так и с точки зрения высшего должностного лица, что обуславливается местом и ролью президента в правовом механизме [3, с. 15]. Согласно статье 80 Конституции Российской Федерации (далее — КРФ) [2], президент является главой государства. В 87 статье КРФ закреплено, что президент имеет статус Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации (далее — главнокомандующий ВС РФ). Следует отметить, обе нормы формируют единый правовой статус президента. Полномочия и деятельность президента как главы государства и как главнокомандующего ВС РФ неотделимы по своей правовой природе, а значит и подлежат анализу в рамках единого института президентства. Это прослеживается при правовом регулировании общественных отношений, возникающих в сфере организации военной безопасности РФ, в рамках которого законодатель, закрепляя полномочия президента, не выделяет статус главнокомандующего ВС РФ из общего статуса главы государства.

Во-первых, мероприятия по управлению государством в целом и вооружёнными силами в частности проводятся одним человеком — физическим лицом, избранным на должность президента РФ. Персонализация власти усиливает её вертикаль, позволяет сократить бюрократизацию, а также эффективно проводить командование вооружёнными силами.

Во-вторых, поскольку президент РФ в соответствии с ч.2 статьи 80 КРФ является гарантом конституции, прав и свобод человека и гражданина, он гарантирует реализацию конституционных прав граждан [1, с. 129]. Это имеет особое значение при введении военного положения, при котором, согласно статьям 6 и 18 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — ФКЗ о военном положении) [6], конституционные права граждан могут быть ограничены мерами военного времени, что может, порой, породить противоречия с интересами общества. В связи

с этим, именно за Президентом РФ закреплено право введения военного положения, как указано в ч.2 ст. 87 КРФ. ФКЗ о военном положении в статье 11 закрепляет другие полномочия президента, относящиеся к военному положению, среди которых особое внимание следует уделить пунктам 6 и 7. В пункте 7 закреплено право Президента устанавливать запреты или ограничения на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий, таким образом ограничивая конституционное право, закрепленное в статье 31 КРФ. В пункте 6 указано полномочие Президента на приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации. Статья 13 КРФ провозглашает идеологическое многообразие и многопартийность, а также равенство всех объединений перед законом, статья 30 КРФ гарантирует свободу деятельности общественных объединений. Но для обеспечения надлежащего функционирования военного положения, а также для охраны государственного суверенитета Президент имеет право временно ограничить предусмотренные вышеуказанными статьями права. Таким образом, поскольку военное положение по своей природе направлено на частичное ограничение конституционных прав граждан, субъектом права на его введение может быть только гарант конституции, что указывает на правовое единство статусов Президента РФ и верховного главнокомандующего ВС РФ.

В законодательстве РФ, однако, есть и сугубо военные полномочия, относящиеся к общественным отношениям по организации войск, их управлению и формированию военной политики государства. Такие полномочия свойственны носителю статуса главнокомандующего ВС РФ и являются его исключительной компетенцией. Статья 4 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (далее — ФЗ об Обороне) [7] закрепляет:

1) Полномочия в сфере управления вооружёнными силами. Согласно пунктам 3, 6 и 12 президент осуществляет общее руководство войсками, принимает решение об их передислокации, а также использовании подразделений ВС РФ не по их предназначению. Прямое вертикально-централизованное управление вооружёнными силами, а также их маневрированием относится к исключительно военному полномочию верховного главнокомандующего ВС РФ и не может быть делегировано.

В рамках данного полномочия президент осуществляет организационно-распорядительные функции по общему управлению войсками, проведению кадровой политики, утверждению и присвоению воинских званий.

2) Полномочия в сфере формирования государственной военной политики. Согласно пунктам 1, 2, 7, 8, 9, 11, 11.1 и 16 Президент РФ имеет полномочия на определение основных направлений военной политики РФ, утверждение документов оборонного характера и штатной численности ВС РФ. Закрепляются и исключительные полномочия по формированию политики в области ядерного сдерживания [8].

Пункт 4 статьи 4 ФЗ об обороне указывает на полномочие президента отдавать приказ Верховного главнокомандующего ВС РФ. С точки зрения юридической техники, документы официального характера в сфере общественных отношений по обороне государства подписываются от имени Президента РФ. Однако, некоторые приказы подписываются от лица Верховного главнокомандующего ВС РФ. К таковым можно отнести Приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами от 10 октября 2016 № 5 «О награждении Грамотой Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации» [5]. Различия между актами президента и главнокомандующего ВС РФ с юридической точки зрения нет, так как подписывает их один человек. Представляется, что это имеет скорее символическую значимость.

Таким образом, конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего представляет собой не обособленный институт, а органичную составляющую его полномочий как главы государства. Проведенный анализ нормативно-правовой базы и сложившейся практики позволяет утверждать, что военные полномочия Президента логически вытекают из его основной функции гаранта Конституции и обеспечивают целостность системы государственного управления.

Особое значение имеет рассмотренный в статье механизм реализации президентских полномочий в условиях военного положения, когда глава государства, с одной стороны, вынужден принимать меры по ограничению отдельных прав граждан, а с другой — остается гарантом сохранения конституционного строя. Этот баланс особенно важен в современных условиях, когда вопросы обороны и безопасности приобретают первостепенное значение.

Примечательно, что российская модель организации верховного командования, предполагающая его сосредоточение в руках главы государства, демонстрирует свою эффективность в условиях современных вызовов. Она обеспечивает оперативность принятия решений, единство командования и согласованность военной политики с другими направлениями государственного управления. При этом важно понимать, что военные полномочия Президента не существуют изолированно, а являются составной частью его общего конституционного статуса. [4]

Литература:

1. Колосова Н. М. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации: природа, особенности // Системно-структурные процессы в публичной власти: вопросы идеологии, политики, права: материалы и доклады X Международной научно-практической конференции (Самара, 28 мая — 1 июня 2014 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова, Е. Ю. Стахановой. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. — С. 125–134.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Лебедев В. А. Институт Президента Российской Федерации: история становления, конституционно-правовой статус // Проблемы права. — 2016. — № 5 (59). — С. 9–19.
4. Милинчук Д. С. Коллизии интересов государства и общества и роль правовой коммуникации в поиске их соблюдения // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов международной научной конференции. — Воронеж, 2020. — С. 230–236.
5. Приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации от 10 октября 2016 г. № 5 «О награждении Грамотой Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
6. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34852/ (дата обращения: 10.06.2025).
7. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/135907/> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: утв. Указом Президента РФ от 19.11.2024 № 991 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

Роль и значение основных принципов бесплатной юридической помощи в России

Карпенко Татьяна Николаевна, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена всестороннему анализу основных принципов бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, закрепленных в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Исследуется правовая природа, содержание и практическое значение данных принципов. Отмечается, что неукоснительное соблюдение принципов бесплатной юридической помощи является важным условием построения правового государства и обеспечения социальной справедливости.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, принципы, социальная справедливость, защита прав и свобод граждан, доступность, контроль, квалифицированность, доступ к правосудию, конфиденциальность, свободный выбор.

Проблема исследования роли и значения принципов бесплатной юридической помощи, перечисленных в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ, является сравнительно новой областью научного знания, в связи с чем заслуживает пристального внимания.

При рассмотрении предложенной законодателем классификации принципов бесплатной юридической помощи следует обратить внимание, что в своей совокупности они вытекают из общих принципов правотворческой политики, имеющих отношение к сфере законотворчества, и при этом характеризуются собственной спецификой, призванной унифицировать характер целенаправленного воздействия на социальные отношения и служить критериями оценки правильности принимаемых решений.

Исходным принципом, воплощающим в себе важнейшие ценностные ориентиры, является принцип обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Он означает, что бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации основана на конституционных нормах, положениях федеральных законов, законов субъектов Федерации, а также на не противоречащих им подзаконных нормативных правовых актах, которые должны строго и неукоснительно соблюдаться.

Принцип связан с созданием необходимых условий и механизмов, которые позволяют каждому человеку эффективно реализовать свои конституционные права и свободы, даже если у него отсутствуют финансовые ресурсы для обращения к услугам квалифицированного специалиста [3, с. 71].

Реализация данного принципа несовместима с игнорированием требований законодательства под предлогом политической, экономической или иной целесообразности. В случае отказа субъектов бесплатной юридической помощи от этого принципа очевидна неэффективность властных структур для общества, тогда как законодательное оформление ее действий придает авторитет власти и принимаемым ею решениям. Предполагается создание условий для наиболее полной реализации и эффективной защиты прав и свобод личности, которые определяют смысл, содержание и применение законов,

деятельность государственной власти. Признание, соблюдение и защита прав и основных свобод человека и гражданина является важнейшим направлением законотворческой деятельности.

Элементами принципа обеспечения реализации и защиты прав граждан выступают:

Доступность. Гарантии, позволяющие любому гражданину получить необходимую юридическую помощь, независимо от его финансового положения. Важно, чтобы потенциальные заявители знали о существовании и формах получения бесплатной юридической помощи.

Бесплатность. Возможность получения квалифицированной юридической помощи без взимания платы, особенно в отношении особо уязвимых категорий граждан (например, инвалидов, пенсионеров, несовершеннолетних).

Профессионализм. Обязанность адвокатов и других участников системы оказывать высококвалифицированную помощь, соответствующую профессиональным стандартам. Специалисты, участвующие в программах бесплатной юридической помощи, проходят специальную подготовку и постоянно повышают квалификацию.

Неприкосновенность. Гарантия независимости и безопасности работников, занятых в сфере бесплатной юридической помощи. Адвокаты и другие специалисты не должны подвергаться преследованиям или дискриминации за выполнение своих обязанностей.

Эффективность. Обеспечение своевременности и адекватности предоставляемой помощи, позволяющей оперативно реагировать на запросы граждан и минимизировать негативные последствия правонарушений или конфликтов.

Защита конфиденциальной информации. Сохранение конфиденциальности сведений, полученных в ходе оказания бесплатной юридической помощи, что защищает частную жизнь и репутацию обратившихся граждан.

Контроль и надзор. Наличие эффективных механизмов контроля и надзора за деятельностью исполнителей, предоставляющих бесплатную юридическую помощь, что предотвращает злоупотребления и повышает качество предоставляемых услуг.

Информационная открытость. Доступность и прозрачность процедур предоставления бесплатной юриди-

ческой помощи, регулярное информирование общественности о правилах и условиях получения услуг.

Соблюдение этих элементов создает необходимые условия для полноценного воплощения принципов демократии и верховенства права, обеспечивая реализацию прав и свобод граждан, в частности, путем предоставления им необходимой бесплатной юридической помощи.

– Социальная справедливость и социальная ориентированность при оказании бесплатной юридической помощи. Принцип социальной справедливости и социальной ориентированности в оказании бесплатной юридической помощи означает стремление государства создать справедливые условия для реализации прав граждан, особенно для социально уязвимых и экономически слабозащищенных слоев населения. Этот принцип реализуется посредством следующих ключевых элементов:

Равенство перед законом и судом. Независимо от имущественного положения и социального статуса, каждый человек должен иметь возможность получить квалифицированную юридическую помощь. Бесплатная юридическая помощь направлена на устранение препятствий, связанных с недостаточностью материальных средств, и обеспечение равных возможностей для защиты своих прав всеми гражданами.

Поддержка уязвимых групп населения. Особое внимание уделяется категории граждан, находящейся в затруднительном положении: пожилые люди, дети, инвалиды, безработные, беженцы и т. д. Для них созданы дополнительные меры поддержки и упрощены процедуры получения юридической помощи [4, с. 395].

Ориентация на социальные нужды. Система бесплатной юридической помощи учитывает реальные потребности граждан, помогая разрешать конфликтные ситуации, возникающие в повседневной жизни: жилищные споры, семейные конфликты, трудоустройство, нарушения трудовых прав и другие жизненно важные вопросы.

Учет особенностей регионального развития. Поскольку разные регионы отличаются уровнем благосостояния и условиями жизни, государственная политика предусматривает дифференцированный подход к распределению ресурсов и организации бесплатных юридических консультаций. Такая гибкость помогает лучше учитывать местную специфику и адаптировать систему к нуждам жителей разных территорий.

Привлечение независимых экспертов. Для обеспечения объективности и эффективности оказания бесплатной юридической помощи часто используются независимые эксперты и юристы, чьи знания и профессионализм помогают выявить и устранить возможные нарушения прав граждан.

Повышение правовой грамотности населения. Одним из важных компонентов социальной ориентации является проведение информационно-просветительских кампаний, повышающих уровень правовой культуры граждан. Такие кампании способствуют формированию

осознанного отношения к своим правам и стимулируют активность граждан в защите собственных интересов.

Реализация принципа социальной справедливости и социальной ориентированности оказывает положительное влияние на укрепление доверия граждан к государству и органам власти, создавая атмосферу стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

– Доступность бесплатной юридической помощи для граждан в установленных законодательством Российской Федерации случаях. Принцип доступности бесплатной юридической помощи представляет собой один из базовых постулатов правовой политики любого цивилизованного государства, отражает намерение сделать возможным получение юридической помощи каждым человеком, независимо от его социального статуса, финансового положения и иных индивидуальных характеристик. Ключевыми элементами данного принципа являются [5, с. 46].

Простота и понятность правил обращения. Гражданин должен ясно понимать условия и процедуры, необходимые для получения бесплатной юридической помощи. Правила должны быть простыми, легко воспринимаемыми и изложенными доступным языком. Информация о местах расположения офисов, контактных телефонах и онлайн-ресурсах должна быть широко известна и удобна для поиска.

Широкая распространенность. Организации, предоставляющие бесплатную юридическую помощь, должны располагаться равномерно по всей территории страны, чтобы исключить ситуацию, когда жители удаленных районов оказываются лишены доступа к необходимым услугам. Использование современных информационных технологий и дистанционного формата работы также играет ключевую роль в увеличении географической доступности услуг.

Отсутствие бюрократических барьеров. Процедура оформления заявления на получение бесплатной юридической помощи должна быть минимально обременительна для заявителя. Минимальное количество документов, простой процесс регистрации, сокращение сроков рассмотрения обращений — всё это способствует снижению административных преград и облегчению доступа к услугам.

Таким образом, соблюдение принципа доступности бесплатной юридической помощи подразумевает комплексное решение вопросов, касающихся информационного обеспечения, кадрового потенциала, финансовой устойчивости и административного удобства. Только при соблюдении всех указанных составляющих возможно говорить о действительно высоком уровне доступности бесплатной юридической помощи.

– Контроль за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и требований к качеству оказания бесплатной юридической помощи. Данный принцип включает в себя совокупность методов и инструментов,

направленных на поддержание высокого уровня компетентности и добросовестности юридических консультантов и адвокатов, действующих в рамках программы бесплатной юридической помощи [6]. Данный принцип включает в себя несколько аспектов:

Установление норм профессиональной этики. Юристы, предоставляющие бесплатную юридическую помощь, должны строго следовать установленным правилам профессиональной этики, закрепленным в кодексах и дисциплинарных регламентах [7, с. 66].

Механизмы контроля и оценки. Существуют внутренние и внешние инструменты контроля за работой лиц, оказывающих правовую помощь. Внутренний контроль осуществляется самими адвокатскими объединениями и специализированными комиссиями, ответственными за проверку жалоб и заявлений граждан. Внешний контроль осуществляют государственные органы, контролирующие качество предоставляемых услуг и соблюдение законов и инструкций.

Ответственность за нарушение норм и требований. Нарушение норм профессиональной этики и некачественное исполнение обязанностей влечет наложение санкций, таких как предупреждение, штраф, временное ограничение или прекращение профессиональной деятельности. Подобные меры направлены на предотвращение повторных нарушений и восстановление репутации профессии.

Таким образом, указанный принцип выступает гарантией соответствия действий юристов принятым стандартам и ожиданиям общества, обеспечивая доверие граждан к системе бесплатной юридической помощи и укрепляя авторитет профессии [8, с. 25].

– Установление требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Принцип установления требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь, заключается в установлении четких и прозрачных критериев, определяющих минимальный уровень компетентности и опыта, которыми должны обладать юристы, принимающие участие в предоставлении бесплатной юридической помощи гражданам. Данные требования обеспечивают высокое качество оказываемых услуг и защищают интересы пользователей от возможных рисков. Данный принцип направлен на повышение общего уровня профессиональной подготовки специалистов, участвующих в предоставлении бесплатной юридической помощи, и способствует созданию благоприятных условий для удовлетворения потребностей граждан в качественном юридическом сопровождении. В статье 8 Федерального закона высшее юридическое образование рассматривается как квалификационное требование к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь.

– Свободный выбор гражданином государственной или негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Данный принцип предполагает наличие альтер-

нативных вариантов получения необходимой юридической поддержки и самостоятельного определения лицом наиболее подходящего способа получения бесплатной юридической помощи. Основная цель данного принципа состоит в максимальном удовлетворении потребностей граждан и повышении эффективности защиты их прав и интересов.

Принцип свободного выбора даёт гражданам возможность самим решать, какая система бесплатной юридической помощи соответствует их интересам наилучшим образом, увеличивая шансы на успешное разрешение возникших правовых ситуаций.

– Объективность, беспристрастность при оказании бесплатной юридической помощи и ее своевременность. Данный принцип охватывает три взаимосвязанные характеристики, каждая из которых важна для эффективного функционирования института бесплатной юридической помощи.

Объективность подразумевает отсутствие субъективизма и предвзятости в действиях юристов, предоставляющих бесплатную юридическую помощь. Консультанты и адвокаты должны руководствоваться фактическими обстоятельствами дела, нормами законодательства и общепринятыми стандартами юридической практики [9, с. 55]. Исключено произвольное толкование фактов или избирательное отношение к материалам дела. Все обстоятельства рассматриваются всесторонне и полно, с учётом мнений и позиций всех заинтересованных сторон.

Беспристрастность проявляется в отсутствии заинтересованности в каком-либо конкретном исходе дела. Работники, предоставляющие бесплатную юридическую помощь, обязаны сохранять нейтралитет и действовать исключительно в интересах доверителя. Не допускается вмешательство третьих лиц, влияющее на принятие решений, равно как и личные симпатии или антипатии.

Своевременность предполагает быстроту реагирования на запросы граждан и надлежащее оформление, и подачу документов в разумные сроки. Любая задержка может привести к негативным последствиям для обратившегося лица, ухудшению его положения или утрате значимых прав. Поэтому в законодательстве устанавливаются четкие временные рамки для совершения отдельных действий и операций.

Совокупность перечисленных характеристик создаёт прочную основу для успешной реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, укрепляет доверие граждан к институту бесплатной юридической помощи и содействует укреплению принципов верховенства права и социальной справедливости.

– Равенство доступа граждан к получению бесплатной юридической помощи и недопущение дискриминации граждан при ее оказании. Данный принцип устанавливает, что каждый гражданин российской федерации имеет одинаковое право на обращение за бесплатной юридической помощью, независимо от пола, возраста, этнической принадлежности, вероисповедания, происхождения,

имущественного или должностного положения, места жительства или любых других обстоятельств, способных вызвать необоснованные различия в доступе к услуге.

– Обеспечение конфиденциальности при оказании бесплатной юридической помощи. Принцип обеспечения конфиденциальности при оказании бесплатной юридической помощи означает необходимость защиты частной жизни и персональных данных граждан, прибегнувших к данным услугам. Основными аспектами, раскрывающими содержание данного принципа, являются:

Охрана тайны общения. Информация, сообщённая клиентом своему юристу, не подлежит разглашению третьим лицам без согласия самого клиента. Даже в случае передачи дела другому специалисту внутри одной организации клиент должен быть проинформирован об этом факте и дать согласие на передачу данных.

Хранение информации. Все персональные данные клиентов подлежат хранению в специально оборудованном помещении, исключающем несанкционированный доступ посторонних лиц. Электронные носители с персональными данными защищены специальными средствами шифрования и аутентификации.

Конфиденциальность предоставляемых услуг. Любая информация, связанная с процессом оказания бесплатной юридической помощи, считается закрытой и не подлежит огласке без специального разрешения компетентных органов.

Таким образом, соблюдение принципа конфиденциальности становится залогом успешного функционирования института бесплатной юридической помощи, позволяя гражданам свободно делиться важными сведениями и рассчитывать на полную защиту своих прав и интересов.

Литература:

1. Россиев, В. В. Отдельные вопросы модернизации права на квалифицированную юридическую помощь / В. В. Россиев. — Текст: непосредственный // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 года. — Москва: РГ-Пресс, 2024. — С. 316–321.
2. Мелешко, О. П. О понятии юридической помощи / О. П. Мелешко, Ю. Г. Кипселиди. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2016. — № 8. — С. 72–77.
3. Туранин, В. Ю. Бесплатная юридическая помощь: система нуждается в совершенствовании (на примере уголовного судопроизводства) / В. Ю. Туранин, Д. В. Погорелов, В. А. Польская. — Текст: непосредственный // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. — 2022. — № 3 (47). — С. 70–81.
4. Туранин, В. Ю. Бесплатная юридическая помощь: система нуждается в совершенствовании (на примере уголовного судопроизводства) / В. Ю. Туранин, Д. В. Погорелов, В. А. Польская. — Текст: непосредственный // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. — 2022. — № 3 (47). — С. 70–81.
5. Резник, Е. С. Бесплатная юридическая помощь: актуальные вопросы доступности и качества / Е. С. Резник. — Текст: непосредственный // Право и политика. — 2018. — № 9. — С. 43–56.
6. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты VIII конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.). — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml (дата обращения: 09.06.2025).
7. Герасимов, Н. В. Место профессиональной этики в деятельности юридических клиник при оказании бесплатной юридической помощи / Н. В. Герасимов. — Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института. — 2016. — № 3. — С. 63–67.

Указанные принципы приносят эффект только во взаимосвязи, характеризуются исторической динамикой, демонстрируют общее состояние и тенденции развития системы права и ее норм.

Подводя итог, отметим, что современная Россия, унаследовавшая многие элементы советской правовой культуры, развивает собственную концепцию бесплатной юридической помощи на основе закрепленных в законодательстве принципов. Важнейшими достижениями развития данного института являются принятие Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», введение обязательной страховки ответственности адвокатов и учреждение сети государственных юридических бюро.

Исследования российских учёных последовательно развивают поддержанную законодателем идею о том, что эффективная система бесплатной юридической помощи является важным инструментом обеспечения социальной справедливости и соблюдения прав граждан. Несмотря на серьезные шаги, предпринятые в сфере оказания гражданам бесплатной юридической помощи, еще остаются нерешенными многочисленные проблемы, мешающие эффективной работе в данном направлении. Одной из главных трудностей, по мнению некоторых авторов, является чрезмерная бюрократизация процесса предоставления помощи, затрудняющая оперативное реагирование на запросы граждан и снижающая качество оказываемых услуг [2, с. 77].

К недостаткам существующей системы следует отнести также отсутствие законодательного закрепления понятия «бесплатная юридическая помощь», нехватку финансирования, недостаточность контроля над качеством услуг, низкую информированность граждан о возможностях получения бесплатной юридической помощи.

8. Коновальчук, М. В. Конфиденциальность и доверие как основы профессиональной этики юриста в деятельности юридических клиник / М. В. Коновальчук. — Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института. — 2016. — № 5. — С. 23–26.
9. Сергин, М. Ю. Преодоление проблем неопределенности критериев и применение цифровых технологий для оценки качества бесплатной юридической помощи / М. Ю. Сергин. — Текст: непосредственный // Мониторинг правоприменения. — 2021. — № 2 (39). — С. 54–58.

Проблемы уголовно-правовой квалификации ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации

Катаев Сергей Александрович, студент

Научный руководитель: Нурмагамбетов Рашит Габитович, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал (г. Калининград)

В статье автором проведен анализ положений уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, выявлены проблемы уголовно-правовой квалификацией данных преступлений.

Ключевые слова: *неправомерный доступ, компьютерная информация, уголовная ответственность, преступления в сфере компьютерной информации.*

В настоящее время компьютерная информация представляет собой не только один из видов информации, а является базовым ресурсом, определяющим многие аспекты развития современного общества и государства.

В условиях стремительного внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, неуклонно растет и количество преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, повышается их общественная опасность, размеры причиненного ущерба.

Согласно сведениям, предоставленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, в течение 2024 года было зарегистрировано более 765 тысяч преступлений, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [1]. При этом сохраняется устойчивая тенденция к росту указанных категории преступлений.

При этом для совершения абсолютного большинства преступлений в сфере компьютерной информации используется неправомерный доступ к ней. Количество преступлений, ответственность за которых предусмотрена статьей 272 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), совершенных в 2024 году, увеличилось практически в 2,9 раза в сравнении с показателями 2023 года, а в сравнении с показателями 2022 года более чем в 11 раз.

Важно также отметить сохраняющуюся в течение ряда последних лет тенденцию роста доли указанных категорий преступлений относительно общего числа совершаемых преступлений (в 2024 году — 39,9 %, в 2023 году — 34,1 %, в 2022 году — 25,8 %) [2].

Таким образом, преступления, совершение которых связано с неправомерным доступом к компьютерной ин-

формации, продолжают в настоящее время оставаться наиболее распространенными противоправными деяниями.

Стремительное увеличение общего количества преступлений, совершаемых с применением и посредством неправомерного доступа к компьютерной информации, активное использование злоумышленниками инновационных цифровых технологий, требует своевременного правового противодействия такого рода преступлениям.

В контексте противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации и обеспечения ее надлежащей законодательной защиты необходимо отметить особую роль уголовно-правового регулирования в регламентации общественных отношений в указанных сферах.

При рассмотрении уголовной ответственности, установленной за неправомерный доступ к компьютерной информации, следует отметить, что не смотря на важность изменений, внесенных Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] в статью 272 УК РФ, принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая глобальную информационную сеть «Интернет» [4] (далее — Постановление ВС РФ № 37), остается актуальной необходимость решения целого ряда ключевых вопросов в правовом ре-

гулировании отношений в сфере защиты компьютерной информации от неправомерного доступа. Не своевременность устранения пробелов законодательства, его актуализации в соответствии с новыми вызовами общественной безопасности, усложняет принятие судебных решений и вынесение приговоров при рассмотрении уголовных дел по существу.

При квалификации общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена статьей 272 УК РФ, в правоприменительной практике возникают объективные затруднения, которые связаны как с неоднозначностью трактовок понятий, используемых в диспозиции рассматриваемой статьи, так и со сложностью определения признаков состава этих преступлений, а также с их отграничением от смежных деяний.

Рассматривая проблемы уголовно-правовой квалификации ответственности за совершение неправомерного доступа к компьютерной информации, необходимо отметить, что дискуссии о дефиниции «неправомерный доступ к компьютерной информации» среди ученых не прекращаются до настоящего времени [5].

Ряд ученых полагают, что доступ к какой-либо информации будет неправомерен, если он совершен без надлежащего разрешения, данного ее законным владельцем. Позиция других заключается в том, что неправомерность доступа имеет место лишь тогда, когда речь идет о доступе к компьютерной информации, которая составляет охраняемую соответствующим законом тайну.

Формулировка понятия «неправомерный доступ к компьютерной информации», изложенная в Постановлении ВС РФ № 37 создает неоправданное смещение неправомерного доступа по смыслу статьи 272 УК РФ и нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, ответственность за которые предусмотрены статьей 274 УК РФ.

Согласно подходу, сложившемуся в судебной практике, незаконный доступ субъектом к компьютерной информации обусловлен не только легитимностью полномочий на сам факт доступа, но также наличием или отсутствием соответствующего права на совершение операции по копированию, модификации, блокированию, а также уничтожению данной информации.

Таким образом, должностное лицо имея право на получение доступа к компьютерной информации, обладая соответствующими идентификаторами для прохождения аутентификации и авторизации, априори не может совершить неправомерный доступ к хранящейся в ней информации. Но при этом, после получения доступа, возможно совершение им операций, которые могут привести к неправомерному копированию, модификации, блокированию или уничтожению информации, что в свою очередь способно привести к нарушению правил эксплуатации системы хранения и обработки информации.

Существующая в настоящее время практика квалификации действий должностных лиц, получивших доступ к информационным ресурсам правомерно, но которые

привели к несанкционированному уничтожению, модификации или копированию охраняемой законом компьютерной информации, как неправомерного доступа, совершенного с использованием служебного положения, по части 3 статьи 272 УК РФ, по нашему мнению, является вынужденной.

При квалификации деяний, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, правоприменитель также сталкивается с проблемой толкования дефиниции «охраняемая законом информация».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя какую компьютерную информацию следует относить к охраняемой законом, установил, что эта информация «для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение». Кроме этого, отмечается, что информация также будет подлежать охране законом в случаях установления обладателем информации средств защиты, направленных на обеспечение ее целостности и (или) доступности.

Исходя из толкования положений статьи 272 УК РФ, с учетом вышеуказанных разъяснений, ряд авторов, а также некоторые суды полагают, что ее действие не распространяется на неправомерные манипуляции с открытой (общедоступной) информацией.

Полагаем, что данная позиция, с учетом современного состояния степени цифровизации общественных отношений, не в полной мере охватывает информацию, которая должна быть предметом уголовно-правового регулирования.

Отсутствие законодательного закрепления защиты открытой (общедоступной) компьютерной информацией от преступных посягательств, связанных с неправомерным доступом к ней, и исключение такой информации из предмета преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ, считаем необоснованным и ошибочным.

Проведя анализ судебной практики по делам, связанным с неправомерным доступом к информации, размещенной в сети глобальной информационной сети «Интернет», можно сделать вывод о применимости диспозиции статьи 272 УК РФ в отношении компьютерной информации, находящейся в открытом доступе.

Как следует из анализа правоприменительной практики, при рассмотрении дел по существу, суды ссылаются на положения Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором понятие «защита информации» определяется через необходимость принятия ряда мер правового, организационного технического характера, и направленных на: «обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничто-

жения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации, соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа, реализацию права на доступ к информации» [6].

Считаем необоснованным отказ от законодательной защиты компьютерной информации, к которой предоставлен открытый доступ, несмотря на отсутствие специальных технических средств ее защиты. Владелец указанной информации, делая ее общедоступной, предоставляет право на ознакомление с ней и ее копирование неограниченному кругу лиц. Но при этом, предоставление такого доступа, как правило не означает также автоматическое санкционирование ее модификации или блокирования. Кроме этого, конфиденциальная информация, охраняемая законом, не перестает быть предметом преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ, независимо от состояния и исправности специальных технических средств защиты информации или отсутствии пароля для ограничения доступа к ней.

Согласимся с позицией Дремлюги Р. И. полагающим, что к охраняемой законом компьютерной информации следует относить такую информацию, для которой установлен особый режим доступа для определенного круга лиц. [7] При этом такой режим доступа может быть установлен не только законодательном уровне, но и непосредственно владельцем компьютерной информации. В своем исследовании общедоступную компьютерную информацию автор также относит к предмету рассматриваемого преступления, но при этом справедливо акцентирует внимание, что это не означает уголовную наказуемость за неправомерный доступ к любой общедоступной информации.

Необходимость актуализации действующего уголовного законодательства и устранения в нем пробелов,

кроме этого, обусловлена следующими фактами. Согласно правовой доктрине, уголовное законодательство Российской Федерации состоит исключительно из УК РФ, использование в качестве источников уголовного законодательства иных нормативных правовых актов не допускается. В свою очередь, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации являются актами толкования права, которые имеют рекомендательный характер для деятельности судов по рассмотрению дел и к исполнению необязательны.

В тоже время разъяснения, данные в Постановление ВС РФ № 37, по вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, играют важную роль в уголовно-правовой квалификации преступных деяний, определяя характеристики общественно опасных последствий, которые непосредственно влияют на квалификацию, строгость и вид наказания за совершение преступлений, предусмотренных статьей 272 УК РФ.

Таким образом проблемы уголовно-правовой квалификации ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации обусловлены, в том числе, имеющимися пробелами в действующем уголовном законодательстве и неоднозначностью трактовок ряда понятий в диспозиции статьи 272 УК РФ. Исходя из вышеизложенного полагаем, что в целях систематизации и совершенствования правоприменительной практики, а также ликвидации пробелов в уголовном праве, необходимо актуализировать действующее уголовное законодательство, посредством уточнения понятий «неправомерный доступ к компьютерной информации», «охраняемая законом компьютерная информация», закрепления ключевых положений Постановления Верховного Суда Российской Федерации 2022 года № 37, на законодательном уровне.

Литература:

1. Сборники Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности в России за 2024, 2023 и 2022 года. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 30.05.2025).
2. Катаев, С. А. Анализ актуального состояния и тенденций киберпреступности в России / С. А. Катаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 4 (555). — С. 400–402. — URL: <https://moluch.ru/archive/555/121995/> (дата обращения: 02.06.2025).
3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения: 02.06.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 02.06.2025).
5. Занкина, Д. В. Проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации / Д. В. Занкина // E-Scio. — 2022. — № 7(70). — С. 148–153 (дата обращения: 21.05.2025).

6. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 02.06.2025).
7. Дремлюга Р. И. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. / Дремлюга Р. И. — Текст: электронный // Сайт Института государства и права Российской академии наук: [сайт]. — URL: http://igpran.ru/obrazovanie/dissertatsionnye-sovety/Dissertatsiya_Dremlyuga%20R.I._5.1.4..pdf

К вопросу об отграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 УК РФ, от смежных составов преступлений

Киржанова Элина Эльшановна, студент

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится юридический анализ разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 Уголовного кодекса, со смежными преступными деяниями, регулируемые другими нормами УК РФ. Анализируется различие между ст. 228 и 228.1 УК РФ: при едином непосредственном объекте (безопасность здоровья населения) разграничение осуществляется через дополнительный объект (защита нормального развития несовершеннолетних) и объективную сторону. Далее рассматриваются отличия от ст. 229 УК РФ (кража и хищение наркотических средств), анализируются действия, схожие с подстрекательством и пособничеством при потреблении (ст. 230 и 232 УК РФ) и с изготовлением поддельных документов для приобретения наркотических средств (ст. 233 УК РФ). Также проводится разграничение с контрабандой (ст. 229.1 УК РФ) по признаку пересечения границы. Отдельное внимание уделяется новым потенциально опасным психоактивным веществам (ст. 234.1 УК РФ) и их легальному статусу, определяемому Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. В заключение подчеркивается, что в основе разграничения большинства рассмотренных составов лежат характеристики объективной стороны, реже — отличия по признаку предмета, субъекта или форме вины, что свидетельствует о продуманной законодательной технике при разработке соответствующих норм.

Ключевые слова: разграничение преступных составов, ст. 228 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, объективная сторона преступления, дополнительный объект, смежные преступления, контрабанда наркотиков, новые психоактивные вещества

On the delimitation of the criminal offenses provided for in articles 228 and 228.1 of the Criminal code of the Russian Federation from related offenses

The article conducts a legal analysis of the delimitation of the criminal offenses provided for in Article 228 and Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation from related criminal acts regulated by other provisions of the Criminal Code. It examines the difference between Articles 228 and 228.1: although both share the same immediate object (public health safety), the delimitation is effected by reference to an additional object (protection of the normal development of minors) and by the objective side. Next, distinctions from Article 229 (theft and misappropriation of narcotic drugs) are considered; actions resembling incitement and aiding and abetting consumption (Articles 230 and 232) and the fabrication of forged documents for acquiring narcotic drugs (Article 233) are analyzed; and a distinction with smuggling (Article 229.1) is made on the basis of border crossing. Special attention is given to new potentially dangerous psychoactive substances (Article 234.1) and their legal status as determined by the Registry. In conclusion, it is emphasized that the core of the delimitation for most of the offenses under review lies in characteristics of the objective side, and more rarely in differences concerning the object, the subject, or the form of guilt—evidence of a carefully crafted legislative technique in drafting the relevant norms.

Keywords: delimitation of criminal elements, Article 228 Criminal Code of the Russian Federation, Article 228.1 Criminal Code of the Russian Federation, objective side of the offense, additional object, related offenses, drug smuggling, new psychoactive substances

Современное уголовное право России, с одной стороны, демонстрирует высокую степень детализации в регламентации деяний, связанных с наркотическими

средствами, психотропными веществами и их аналогами, а с другой — сталкивается с трудностью точного разграничения различных составов преступлений, связанных

с незаконным оборотом наркотических средств, и схожих преступлений. Особое значение в этом контексте имеют ст. 228 и 228.1 УК РФ [1], в которых установлен запрет за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку, производство, сбыт, пересылку наркотических средств.

Цель данной работы заключается в системном анализе разграничения указанных преступлений со смежными составами, предусмотренными другими нормами УК РФ. В работе будет произведено сопоставление элементов составов преступлений по объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне.

Представляется, что в первую очередь следует провести разграничение между самими составами ст. 228 и 228.1 УК РФ. Так, непосредственный объект у данных преступлений един: это общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности здоровья населения при осуществлении оборота соответствующих средств, веществ и растений. Схожим является и предмет преступлений [5]. Однако разграничение проходит по дополнительному объекту. Им, в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, является нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетних.

Разграничение проводится и по объективной стороне. Так, в соответствии со ст. 228 УК РФ, в ее содержание входят такие альтернативные действия, как приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, тогда как в диспозиции ст. 228.1 УК РФ названы такие альтернативные деяния, как незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств.

Составы в рамках ст. 228 и 228.1 УК РФ следует разграничивать с преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 229 УК РФ. Так, отграничение проводится по признаку предмета. Осознание титульного владения (законного и незаконного) предметом другим лицом (физическим и юридическим) при изъятии из чужих вещей, по месту жительства конкретного лица, с охраняемого поля или, например, земельного участка, постоянного тайника, по внешним признакам которого можно сделать вывод, что нахождение там предмета неслучайно, это не пока еще не обнаруженная закладка. При этом последующее хранение похищенного (или предмета вымогательства), его перевозка, пересылка, сбыт, а также переработка может повлечь вменение совокупности соответствующих частей ст. 228 или 228.1 и 229 УК РФ в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

По-разному следует квалифицировать и действия, внешне напоминающие подстрекательство к приобретению и пособничество в сбыте и непосредственно связанные с фактом употребления, но охватываемые нормами ст. 230 и 232 УК РФ. Так, лицо, которое умышленно предлагает, дает совет, уговаривает, угрожает, обманывает, иначе воздействует на волеизъявление лица с целью принуждения его к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, подлежит от-

ветственности по соответствующей части ст. 230 УК РФ (независимо от факта потребления лицом, на которое оказывается воздействие) [4]. В случае же предложения приобрести (в том числе и совместно) указанные вещества в зависимости от целей и конкретных обстоятельств действия могут иметь характер подстрекательства к совершению преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, или (как предлагается автором данной статьи) приготовления на сбыт. При осуществлении дальнейших действий, направленных на приобретение или реализацию наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, лицо может подлежать ответственности также и за:

- их сбыт;
- пособничество (или соисполнительство) в незаконном их приобретении, хищении (вымогательстве), изготовлении, переработке, хранении, перевозке, пересылке, культивировании наркосодержащих растений в крупном или особо крупном размере;
- их контрабанду (значительно реже);
- организацию и содержание притона и иное систематическое (и не только) предоставление помещения для употребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

Такие действия подлежат квалификации по совокупности частей ст. 230 и 228, 228.1, 229, 231 и (или) 232 УК РФ и их различных комбинаций.

Если действия (точнее, их совокупность, как, например, поиск наркотических средств в криминальной среде, аренда помещения для организации притона с нарушением заявленных в договоре аренды целям или отсутствие такого договора, приобретение приспособлений для потребления наркотических средств (шприцов, бонгов и других), установление дополнительных средств защиты и путей отхода, обеспечение охраны), свидетельствующие о подыскании, приспособлении, отведении помещения специально для целей неоднократного использования в качестве места употребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов несколькими лицами позволяют идентифицировать их как организацию притона, проблем с квалификацией не возникает. Такие действия часто совершаются лицами, совершающими распространение наркотических средств и склонение к их употреблению. В таком случае постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 [2] рекомендует квалифицировать деяния по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228.1, 230 и 232 УК РФ в зависимости от конкретной ситуации. В случае единоразового предоставления помещения (в том числе, для целей совместного употребления), вопросов также не возникает: вероятнее всего, деяние будет оцениваться разве что в рамках сбыта (или его пособничества) как служащее его целям. Любопытной, но отвечающей требованиям законодательства, представляется ситуация вменения ст. 232 УК РФ в ситуации, когда, например, два лица многократно употребляют наркотические средства совместно в помещении (квартире, доме,

даче), принадлежащем одному из них, тогда как в случае совместного владения предметом преступления (помещением) вменение данной статьи исключается.

Не всегда наступление ответственности за совершение соответствующих действий ограничивается пределами сбыта и пособничества ему, пособничества приобретению наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов. В частности, при доказанности соответствующих целей требуется дополнительная квалификация по ст. 233 УК РФ при незаконной выдаче или подделке рецептов либо иных документов, дающих право приобретения наркотических средств или психотропных веществ. Помимо этого, состав последнего преступления является материальным, а его предмет иной, чем предмет исследуемых преступлений [3].

Разными нормами определяется наказуемость деяний по изменению места нахождения предмета преступления в зависимости от факта пересечения им границы, что объясняется большей степенью общественной опасности. Долгое время в Российскую Федерацию наркотические средства, психотропные вещества, растения (и их части), их содержащие, а также их аналоги и прекурсоры, инструменты и оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств и психотропных веществ, поступали (и до сих пор поступают) именно посредством ввоза и почтовых отправлений из-за рубежа. Признак незакон-

ного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС или государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и является водоразделом применения норм ст. 229.1 (контрабанда), 228 (перевозка), 228.1 (пересылка) УК РФ. При доказанности цели последующего сбыта также дополнительно вменяется соответствующая часть ст. 228.1 УК РФ.

По признаку предмета различаются ст. 228, 228.1 и 234.1 УК РФ. Не рассматривая медицинский и химический аспекты, отметим, что главным отличием новых потенциально опасных психоактивных веществ¹ от аналогов наркотических средств и психотропных веществ является их принадлежность к соответствующему Реестру — легальное определение веществ в качестве таковых.

Таким образом, в большей своей части главным отличием преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, от других составов (ст. 228.2, 229–233 УК РФ) выступает объективная сторона. Реже разграничение проводится по признаку предмета (например, ст. 228.3, 228.4, 234, 234.1 УК РФ) и (или) субъекта (ст. 228.2, 233 УК РФ), субъективной стороны (ст. 228.2 УК РФ предусматривает умышленную и неосторожную формы вины). Законодателем проделана масштабная работа, благодаря которой нормы УК РФ, в которых закреплены уголовные наказания и запреты, четко определены, что позволяет определять различия между ними.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 8.
3. Адамович, В. В. Криминалистическое значение предмета преступления в контексте незаконного оборота наркотиков / В. В. Адамович, О. Л. Романова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2024. — № 4.
4. Овчинников, О. А. Проблемы квалификации составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов от смежных составов, а также пути их решения / О. А. Овчинников, О. А. Кравцова // Уральский научный вестник. — 2022. — Т. 2. — № 2.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. — М.: Контракт, 2015.

¹ Вещества синтетического или естественного происхождения, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья (в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом) включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Некоторые проблемы применения норм процессуального законодательства о досудебном порядке урегулирования споров при защите прав предпринимателей

Ковалевская Софья Андреевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Синенко Владимир Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются некоторые проблемы практического применения института досудебного урегулирования споров с участием предпринимателей: отсутствие кодификации норм, регулирующих вопросы применения досудебного порядка, недостатки юридической техники в существующих правовых нормах, злоупотребление отдельными участниками гражданского оборота своими правами и предлагаются пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: досудебный порядок урегулирования споров, медиация, потребительский экстремизм.

В российском процессуальном законодательстве предусмотрен институт досудебного порядка урегулирования споров. Данный институт, очевидно, предназначен для того, что предоставить участникам гражданского оборота механизм разрешения споров без привлечения уполномоченного на то государственного органа — суда. Тем самым, государство предоставляет субъектам гражданских правоотношений возможность в добровольном порядке минимизировать издержки, возникающие при рассмотрении споров. Такое понимание сути института досудебного урегулирования споров весьма распространено в отечественной юридической науке, примером этого подхода может служить статья Л. Таргамадзе «Спорные вопросы удовлетворения требований потребителя в досудебном порядке» [11].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что интерес исследователей к данному институту, зачастую, ограничивается изучением проблем применения норм о досудебном порядке в спорах между потребителями и предпринимателями. В качестве примера можно привести статью Н. Ерискиной, М. Олимпиева «Инструменты правовой защиты потребителей и предпринимателей» [9]. Мы, со своей стороны, полагаем, что проблемы практического применения института досудебного урегулирования не ограничиваются спорами между потребителями и предпринимателями. Проблемы имеются в спорах между самими предпринимателями, а также между предпринимателями и государством.

В рамках настоящего исследования нами проведен краткий анализ проблем, существующих в названных нами выше спорах. Приведены некоторые практические рекомендации, которые позволят предпринимателям купировать или минимизировать наступления неблагоприятных последствий по итогам спора.

Изучение института досудебного порядка урегулирования споров мы предлагаем начать с исследования источников, в которых содержатся правовые нормы, регулирующие правоотношения, связанные с досудебным порядком урегулирования споров.

Основными источниками норм процессуального законодательства о досудебном порядке урегулирования

споров являются: Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Однако, необходимо отметить, что институт досудебного урегулирования не ограничивается нормами процессуальных кодексов. Их нормы, в значительной степени, являются бланкетными. Так п. 4 ст. 3 ГПК РФ [1], п. 5 ст. 4 АПК РФ [2], п. 3 ст. 4 КАС РФ [3] отсылают к федеральным законам, предусматривающим досудебный порядок для конкретного спора.

По нашему мнению, применение законодателем такой правовой конструкции не является оптимальным подходом. Правоприменители (в том числе предприниматели, намеревающиеся обратиться за защитой своих прав) не могут получить из текста процессуального кодекса ответа на вопрос о том, предусмотрен ли для возникшего у них спора обязательный досудебный порядок. Ответ приходится искать в источниках материального права.

Но и здесь правоприменителя ждут трудности. Примером здесь служат споры о расторжении договора банковского счета. Общее правило о применении досудебного порядка разрешения устанавливается для споров о изменении или расторжении договора в п. 2 ст. 252 ГК РФ [4]. При этом, в гражданском законодательстве содержится специальная правовая норма: п. 4 ст. 859 ГК РФ [5] предусматривает несколько иной досудебный порядок. Для банка срок уведомления клиента о расторжении договора и закрытии счета составляет 1 месяц, при том, что по общему правилу срок рассмотрения требования о расторжении договора — 30 дней.

Для споров между предпринимателями можно выделить еще один фактор, усложняющий практическое применение норм о досудебном урегулировании. Процессуальное законодательство (п. 5 ст. 4 АПК РФ) дает сторонам спора возможность установить в договоре иной порядок и (или) сроки досудебного урегулирования спора.

Таким образом, первой проблемой применения положений о досудебном порядке урегулирования является отсутствие единого нормативно-правового акта, содержащего в себе общие правила применения досудебного по-

рядка урегулирования споров и перечня ссылок на нормативно-правовые акты, устанавливающие для конкретных видов споров досудебный порядок урегулирования.

К чему же это приводит на практике? На наш взгляд, последствием являются ошибки правоприменителей, допускаемые на этапе формирования условий договора, например, закрепление в договоре противоречащего закону порядка урегулирования споров. Ошибки исполнителей на этапе исполнения договора, которые выражаются в выборе неверной формы уведомления об отказе от договора, требования о расторжении договора, нарушение сроков. И, наконец, сложности на этапе обращения в суд: нарушение установленных правил о досудебном урегулировании спора приводит к возвращению исковых заявлений и потере драгоценного времени, за которое недобросовестная сторона может свести на нет эффективность судебной защиты.

Разрешить эту группу проблем, по нашему мнению, возможно несколькими путями. Первый путь — работа законодателя по упорядочиванию правовых норм, регулирующих институт досудебного урегулирования споров. Следует отметить, что работу законодателя, во многом берет на себя Верховный суд. Так, было принято Постановление Пленума ВС РФ от 22.06.2022 г. № 18 [7], в котором даны подробные разъяснения о том, каким образом судам, и, как следствие, остальным правоприменителям, надлежит использовать институт досудебного урегулирования споров.

Вторым путем является адаптация субъектов гражданского оборота к существующим правовым нормам, повышение квалификации юридических служб организаций, внешних консультантов. Ввиду названных нами несовершенств законодательного регулирования института досудебного урегулирования, именно в руках субъектов гражданского оборота лежит результат работы по защите их прав.

Отдельно мы хотели бы отметить то, что значительная часть существующих в настоящее время способов досудебного урегулирования работают на практике неэффективно. Некоторые исследователи отмечают, что определенный интерес представляет собой такой способ разрешения споров как медиация [8]. Согласиться с такой точкой зрения мы не можем. По нашему мнению, институт досудебного урегулирования споров, в большей степени, служит для того, чтобы стороны возникшего спора, до обращения в суд и несения соответствующих издержек, могли оценить правовые позиции друг друга, и, в случае бесперспективности судебного спора, урегулировали бы его на этом этапе. Медиация, в отсутствие интереса сторон к разрешению спора, не может быть эффективной и востребованной среди спорящих сторон.

Теперь перейдем ко второй группе проблем применения исследуемого правового института при защите прав предпринимателей — к проблемам, возникающим при рассмотрении споров между предпринимателями и потребителями. Эта проблема, как мы уже отмечали

выше, в достаточной степени исследована в юридической науке. Но это не делает ее менее значимой и интересной.

В первую очередь, необходимо вновь отметить проблему фрагментированности законодательства о досудебном порядке урегулирования. Так, по общему правилу, Закон о защите прав потребителей не налагает на потребителя обязанности по соблюдению досудебного порядка урегулирования спора перед обращением в суд. Вместе с тем, по отдельным категориям споров такой порядок устанавливается. Примером могут служить споры потребителей с операторами связи, перевозчиками, туроператорами, страховыми организациями по договору ОСАГО. И снова, Верховный суд РФ занимает место законодателя и разъясняет спорные вопросы применения законодательства о досудебном порядке урегулирования в п. 33 упомянутого выше Постановления Пленума № 18 от 22.06.2021 г.

Однако куда более важной и сложной является вторая проблема применения досудебного порядка урегулирования в потребительских спорах — проблема так называемого «потребительского экстремизма». В юридической науке отмечается, что потребительский экстремизм, по своей сути, сводится к тому, чтобы, используя предусмотренные законом механизмы защиты прав потребителя, оказывать на предпринимателя давление с целью получения имущественной выгоды (возврата стоимости качественного товара, возврата средств, уплаченных за качественно оказанную услугу и т. д.) [10].

На наш взгляд, применительно к проблеме потребительского экстремизма, наибольшую опасность для предпринимателей представляют положения п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей. Указанная норма устанавливает для предпринимателя штраф в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу потребителя [6]. Применение этой нормы на практике, зачастую, приводит к тому, что потребитель абсолютно не заинтересован в разрешении спора с предпринимателем на досудебном этапе.

Но что же делать предпринимателю в борьбе с такими потребителями-экстремистами на этапе досудебного урегулирования? По нашему мнению, пока законодателем или судебной практикой не разрешен этот вопрос, для добросовестного предпринимателя единственной защитой является грамотно выстроенная работа по рассмотрению обращений и претензий потребителей. Только правильное реагирование на требования потребителей и квалифицированная юридическая помощь может помочь защитить себя от неправомерных требований потребителя-экстремиста.

Завершая наше исследование, необходимо отметить, что предпринимательское сообщество, в целом, неплохо приспособилось к существованию описанных нами выше проблемах института досудебного урегулирования. Основной угрозой, нависающей над предпринимателями на досудебном этапе урегулирования спора, является высокая цена ошибки при выработке позиции на этой стадии, например, как в спорах с потребителями, так и в спорах

с другими предпринимателями. А наиболее эффективным средством борьбы с нарушением прав предпринимателей является выстраивание системы грамотной юридической поддержки путем создания внутренней юридической службы или привлечения внешних консультантов.

Вместе с тем, хотелось бы верить, что отечественным законодателем будут приняты меры к исправлению суще-

ствующих проблем законодательного регулирования, и, особенно, проблемы потребительского экстремизма. Ведь именно эта проблема оказывает на рынок товаров и услуг наиболее негативное влияние, а расплачиваются за выгоду, полученную потребителями-экстремистами, добросовестные потребители, ведь именно за их счет предприниматели вынуждены покрывать возникающие убытки.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС Консультант Плюс.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС Консультант Плюс.
3. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС Консультант Плюс.
4. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС Консультант Плюс.
5. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС Консультант Плюс.
6. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС Консультант Плюс
7. Постановление Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // СПС Консультант Плюс.
8. Григорянц С. А. Актуальные вопросы реализации механизма защиты прав и законных интересов предпринимателей / С. А. Григорянц, В. С. Самсонов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1(164). С. 98–104
9. Ерискина, Н. В. Инструменты правовой защиты потребителей и предпринимателей / Н. В. Ерискина, М. Р. Олимпиев // Архонт. — 2024. — № 10(49). — С. 88–95 / Н. В. Ерискина. — Текст: электронный // elibrary.ru: [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75191720> (дата обращения: 10.06.2025). Кузнецова Е. С., Куйдина Т. А. Злоупотребление правом потребителями: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции, 2022. № 20. С.158–166.
10. Кузнецова Е. С., Куйдина Т. А. Злоупотребление правом потребителями: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции, 2022. № 20. С.158–166.
11. Таргамадзе, Л. Спорные вопросы удовлетворения требований потребителя в досудебном порядке / Л. Таргамадзе // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 47. — С. 1295–1298 / Л. Таргамадзе. — Текст: электронный // elibrary.ru: [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47565488> (дата обращения: 10.06.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 24 (575) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.06.2025. Дата выхода в свет: 02.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.